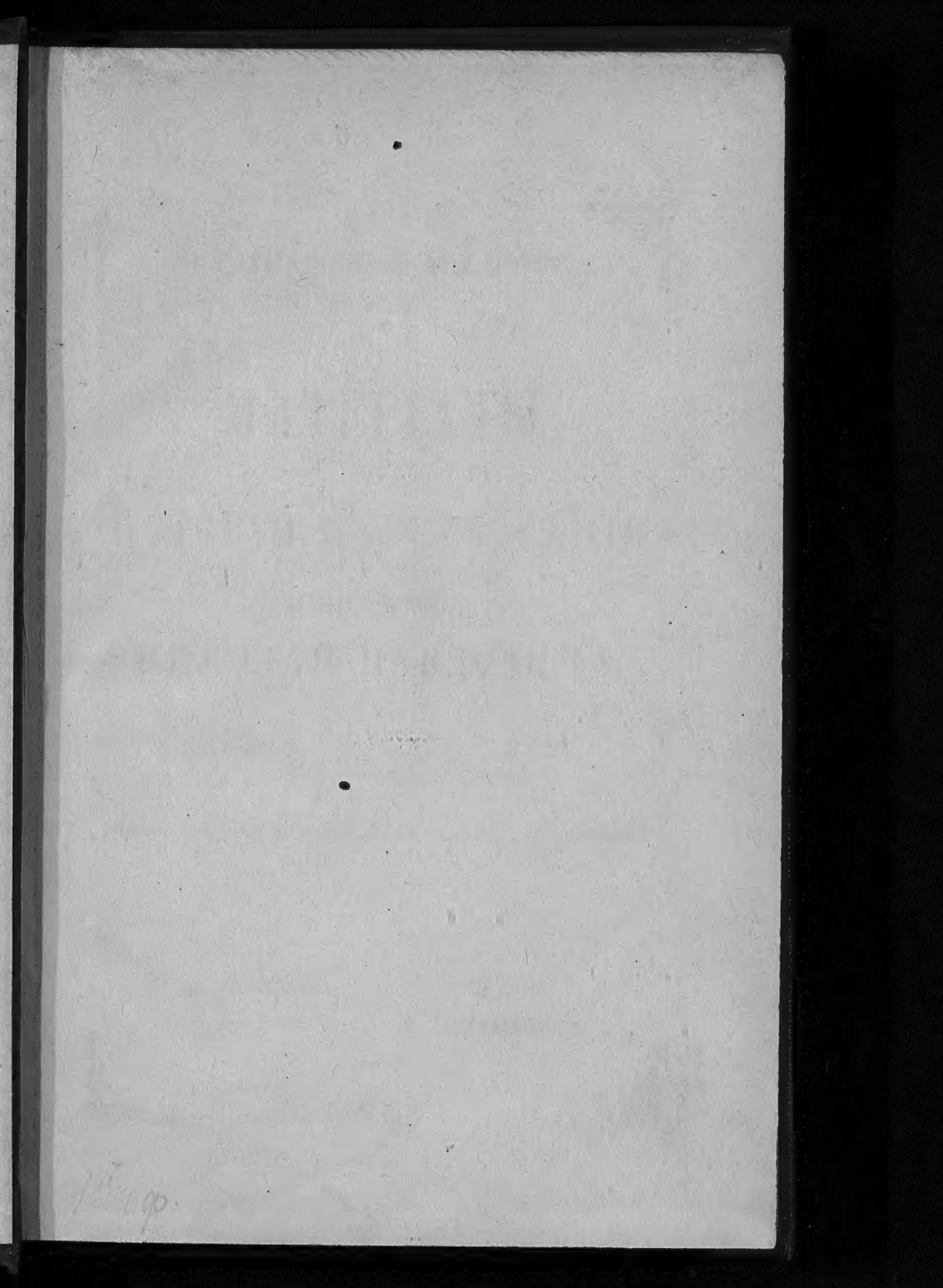
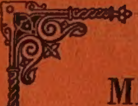

МЕЖДУНАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Томъ XXII.

МАТЕРІАЛЫ

для

ИСТОРІИ ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

(Materialien zur Geschichte der Regierung des Kaisers Nicolaus Pawlowitsch.)

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

1880.

МАТЕРІАЛЫ

для

ИСТОРІИ ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА

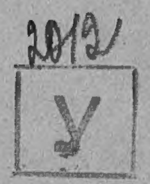
НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

(Materialien zur Geschichte der Regierung des Kaisers Nicolaus Pawlowitsch.)

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

1880.

У

ВМѢСТО ВВЕДѢНІЯ.

Вся Европа, и что гораздо хуже всѣ Русскіе, принимаютъ императорскую власть въ ея современной формѣ, за такую несокрушимую всегдашность Русскаго быта, которая смѣется по праву надъ всѣми дерзновенными попытками и смѣло выдерживаетъ всякій натискъ, мощно и прочно уцѣпившись далеко развѣтвившимися корнями въ землю.

Императорская власть совсѣмъ напротивъ, устоялась и окрѣпла весьма недавно. Она и теперь носитъ на себѣ слѣды своего революціоннаго начала; въ ней и до сихъ поръ перепутаны безъ всякаго порядка, какъ въ промежуточныхъ слояхъ земнаго шара, гранитъ старины, наносные пески, осколки случайно захваченные сверху, всплывшіе снизу, мѣстами крѣпко слежавшіеся, но несоединенные химически.

Насъ вводятъ въ заблужденіе бармы Мономаха, тронъ царя Іоанна Васильевича, Успенскій Соборъ — но развѣ Наполеонъ не рядился въ мантію Карла Великаго и не надѣвалъ на свою голову желѣзной короны въ Миланѣ? — Все это поддѣлки въ родѣ Чатертона; почтенныя черты старости и минувшаго берутся въ займы для того, чтобы окружить новое — уваженіемъ и увѣрить въ его прочности, такъ сказать въ его вѣковѣчности.

Русское императорство развилось изъ царской власти отвѣтомъ на сильную потребность *иной жизни*. Эта военная и гражданская диктатура гораздо больше сходная съ римскимъ цезаризмомъ, нежели съ феодальной монархіей. Диктатура можетъ быть очень сильна, поглощать въ себя всѣ власти; но прочна она быть не можетъ. Она существуетъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства ее вызвавшія останутся тѣже и пока она сама вѣрна своему призванію.

Разумѣется встрѣчая при выходѣ съ парохода вычищенную и выбѣленную лейбъ-гвардію, безмолвную бюрократію, несущихся курьеровъ, неподвижныхъ часовыхъ, казаковъ съ нагайками, полицейскихъ съ кулаками, полгорода въ мундирахъ, полгорода дѣлающій фрунтъ и цѣлый городъ торопливо снимающій шляпу, и подумавъ, что все это лишено всякой самобытности и служитъ пальцами, хвостомъ, ногтями и когтями однаго человѣка, совмѣщающаго въ себѣ всѣ виды власти: помѣщика, папы, родной матери а даже и сержанта — можетъ закружится въ головѣ, сдѣлаться страшно, можетъ придти желаніе самому снять шляпу и поклониться, пока голова цѣла и вдвое того можетъ захотѣться сѣсть опять на пароходъ и плыть куда нибудь. Все это такъ, и все это чувствовалъ (кромѣ послѣдняго) достопочтенный вестфальскій баронъ Гакстгаузенъ.

Этотъ сурово-мрачный, подавляющій видъ грубой

силы, приняло императорство особенно въ тридцатилѣтіе николаевскаго царствованія; стращать было у него въ принципѣ. Но тутъ невольно является вопросъ: Отъ чего же Николай не могъ въ эти тридцатъ лѣтъ забыть „дурные четверть часа", проведенные имъ *при защитѣ* Зимняго Дворца 14 Декабря 1825. Отъ чего, умирая, вспомнилъ онъ этотъ день и за него благодарилъ гвардію?

Отъ того, что онъ понялъ сначала своего воцаренія, что его тронъ только силенъ *силой*. Онъ ею одной и держался, но чувствовалъ, что въ штыкахъ, что въ матеріальномъ гнетѣ ничего нѣтъ прочнаго, и искалъ иныхъ опоръ. Опоры, на которыя онъ обратилъ вниманіе были вѣрны, рядомъ съ Самодержавіемъ, онъ поставилъ Православіе и Народность. Но это былъ протестъ противъ петровскаго направленія, котораго весь смыслъ состоялъ въ секуляризаціи царской власти и общеевропейскомъ образованіи. Николай становился въ прямое противурѣчіе съ живымъ началомъ петровскаго императорства, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что прямой результатъ его царствованія былъ глухой разрывъ между нимъ и Россіей. Еслибъ онъ прожилъ еще десять лѣтъ, его тронъ развалился бы самъ собою; все перестало идти, все повяло, стало сохнуть, отъ всего отлѣталъ духъ, безпорядки администраціи достигли чудовищныхъ размѣровъ. Его царствованіе была нелѣпость. Онъ понялъ, что идя по направленію Алек-

сандра, должно было неминуемо измѣнить болѣе человѣческими формами — самодержавную власть, но этого онъ не хотѣлъ, а воображалъ, что онъ настолько независимъ отъ петровскихъ началъ, что онъ можетъ быть Петромъ и безъ нихъ.

Ему бы удалось можетъ быть, еслибъ въ самомъ дѣлѣ, какъ думаютъ московскіе старовѣры, переворотъ Петра былъ слѣдствіемъ личной воли, геніальнаго каприза; но онъ вовсе не былъ случайностью, а служилъ отвѣтомъ на инстинктивную потребность Руси развернуть свои силы. Какъ иначе можно объяснить успѣхъ его?

Государственное развитіе Россіи шло медленно и было очень позднее, Русь жила на распашку и кой какъ собралась подгоняемая Татарами въ иконописное, т. е. суздальски-византійское Московское царство, формы его были неуклюжи и грубы, все шло неловко, апатично. Царская власть негодна была даже на защиту государства и въ 1612 году Россія была спасена безъ царя. А между тѣмъ *что то* говорило, что то *говорящее* до сихъ поръ въ сердцѣ каждаго изъ насъ, что подъ обвѣтшалыми и тяжелыми платьями, бездна силъ и мощи. Это *что то* и естъ молодость, вѣра въ себя, сознаніе силы.

Крутой разрывъ со стариной оскорблялъ — но нравился, народъ любилъ Петра I, онъ его перенесъ въ легенды и сказки. Точно будто русскій человѣкъ догадался, что чего бы ни стоило надо

было переломить лѣнь и крѣпкимъ государственнымъ строемъ стянуть нашу распущенность. Безчеловѣчная дресировка Петра I и такихъ преемниковъ его какъ Биронъ, разумѣется поселяла ужасъ и отвращеніе, но все это переносили за открывавшуюся ширь новой жизни. Такъ какъ во Франціи переносили терроръ.

Петровскій періодъ сразу сталъ народнѣе періода царей московскихъ. Онъ глубоко взошелъ въ нашу исторію, въ наши нравы, въ нашу плоть и кровь; въ немъ есть что то необычайно родное намъ, юное; отвратительная примѣсь казарменной дерзости и австрійскаго канцелярства, не составляютъ его главной характеристики. Съ этимъ періодомъ связаны дорогія намъ воспоминанія нашего могучаго роста, нашей славы и нашихъ бѣдствій; онъ сдержалъ свое слово и создалъ сильное государство. Народъ любитъ успѣхъ и силу.

Когда Александръ диктовалъ въ Парижѣ законы всей Европѣ одна сторона петровской идеи была окончена. Что же потомъ? Воротиться опять за 1700 годъ и сочетать военный деспотизмъ съ отчуждающейся отъ всего человѣческаго царской властію. Этого хотѣлъ Николай, и больше никто.

Если народъ и ненавидитъ чуждое ему нѣмецкое правительство, вполнѣ заслужившее это, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ любилъ московское царство, онъ его забылъ черезъ одно поколеніе и совершенно не знаетъ теперь.

Что мѣшало послѣ Петра I возвратиться къ едва протекшимъ временамъ. Все петербургское устройство висѣло на ниткѣ. Пьяныя и развратныя женщины, тупоумные принцы, едва умѣвшіе говорить по русски, Нѣмки и дѣти садились на престолъ, сходили съ престола; дворцемъ шла самая близкая дорога въ Сибирь и на каторжную работу; горсть интригантовъ и кондотьеровъ завѣдывала государствомъ. Въ продолженіи всей этой сумятицы, мы не видимъ особеннаго желанія воротиться къ допетровскимъ временамъ. Напротивъ, то что постоянно остается во всѣхъ этихъ судорожныхъ перемѣнахъ, то что развивается вопреки ихъ и даетъ имъ рѣзкое единство, это именно *петровская идея.* Одна партія сбрасываетъ другую, пользуясь тѣмъ, что новый порядокъ не обжился, но кто бы ни одолѣвалъ, до Петровскихъ основаній никто не касался, а всѣ принимали ихъ, Меншиковъ и Биронъ, Минихъ и самые Долгорукіе — хотѣвшіе ограничить императорскую власть, не въ самомъ же дѣлѣ прежней боярской думой.*) — Елизавета и Екатерина II льстятъ православію, льстятъ народности для того, чтобъ овладѣть трономъ, но осѣвшись на немъ, онѣ продолжаютъ его путь. Екатерина II больше нежели кто нибудь.

Противудѣйствіе новому порядку дѣлъ послѣ его

*) О которой Кошихинъ такъ живописно отзывался, говоря, что Бояре въ ней молчатъ, уставя глаза свои въ браду для того, чтобы показать глубокомысліе.

жестокаго водворенія, мы видимъ въ однихъ *неправославныхъ* раскольникахъ и въ страдательномъ неучастіи крестьянъ. Ворчливое упорство нѣсколькихъ стариковъ ничего не значитъ. Подавленная покорность всѣхъ „старовѣровъ" была признаніемъ своего безсилія. Еслибъ было что нибудь живое въ ихъ воззрѣніи, непремѣнно были бы попытки, положимъ неудачныя, невозможныя, но были бы. Всякія Анны Леопольдовны, Анны Іоановны, Елизаветы Петровны и Екатерины Алексѣевны, находили людей отважныхъ и преданныхъ, подвергавшихся изъ за нихъ плахѣ и каторгѣ; погибающее казачество и смятое подъ ноги дворянства крѣпостное состояніе имѣло своего Пугачева, а неспособный Пугачевъ свои двѣсти тысячь войска; Киргизь-Кайсаки откочевали къ Китаю; крымскіе Татары соединились съ Турками; Малороссія громко роптала, все оскорбленное или придавленное императорствомъ заявляло свой протестъ — старорусская партія въ Россіи — никогда. У ней не было ни языка, ни преданныхъ людей, ни Полуботки, ни Мазепы!

И только полтораста лѣтъ послѣ Петра, она находитъ себѣ представителя и вождя и этотъ представитель и вождь — Николай. Еслибъ ему церковной нетерпимостью и народной исключительностію удалось пересоздать императорскую власть и замѣнить ея диктаторіальный характеръ чисто монархическимъ или царскимъ — это было бы

несчастіе, но оно было невозможно. Едва Николай умеръ, Россія рвется снова на петровскую дорогу — и вовсе не въ завоевательномъ, не въ солдатскомъ направленіи его, а въ развитіи внутреннихъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ.

Петръ I былъ одинъ изъ раннихъ дѣятелей великаго XVIII столѣтія и дѣйствовалъ въ его духѣ, онъ былъ проникнутъ имъ какъ Фридрихъ II, какъ Іосифъ II. Его революціонный реализмъ беретъ верхъ надъ его царскимъ достоинствомъ — онъ деспотъ а не монархъ.

Мы всѣ знаемъ, какъ Петръ ломалъ старое и какъ устроивалъ новое. Тяжелому, неподвижному византійскому чину, онъ противупоставилъ трактирные нравы, скучная грановитая палата превратилась при немъ въ разгульный дворецъ; вмѣсто законнаго престолонаслѣдія, онъ разъ предоставилъ императору право назначать кого хочетъ, другой разъ писалъ Сенату, чтобъ онъ самъ избралъ достойнѣйшаго, если онъ погибнетъ въ турецкомъ плѣну и за тѣмъ отнятую у роднаго сына корону отдалъ горничной, которая переходя изъ рукъ въ руки дошла до него. Онъ упразднилъ мѣсто святѣйшаго патріарха, запретилъ мощамъ являтся, и утеръ до суха всѣхъ скорбящія слезы чудотворныхъ иконъ. Въ странѣ упрямаго мѣстничества онъ посадилъ выше всѣхъ плебея Менщикова, водился съ иностранцами, даже съ арапами, напивался пьянъ съ матросами и шкиперами, буянилъ на улицахъ, сло-

вомъ, оскорблялъ всѣ стороны прежней, чопорной русской жизни и важный царскій формализмъ.

Онъ далъ тонъ, наслѣдники продолжали его, преувеличивая и искажая; полвѣка послѣ него длится одна непрерывная оргія вина, крови разврата l'ultimo atto, какъ выразился одинъ итальянскій писатель — d'una tragedia, representato nel un lupanar.

Какое тутъ православіе, какой тутъ монархически-рыцарской принципъ?

Если во второй половинѣ царствованія Екатерины, трагической характеръ блѣднѣетъ, *то локаль* остается тоть же; исторію Екатерины II нельзя читать при дамахъ. Монархически растленный Версаль, съ удивленіемъ смотрѣлъ на безпутство русскаго двора, такъ какъ на философскій либерализмъ Екатерины II, потому что Версаль не понималъ, что основанія императорской власти въ Россіи совсѣмъ не тѣ, на которыхъ зиждится французская королевская власть.

Когда Александръ сказалъ въ Тильзитѣ Наполеону, что онъ вовсе не согласенъ съ тѣмъ значеніемъ, которое онъ приписываетъ наслѣдственности царской власти, Наполеонъ думалъ что онъ его обманываетъ. Когда онъ говорилъ мадамъ Стааль, что онъ только „счастливая случайность", она это приняла за фразу. А это была глубочайшая правда его.

Сердясь на трусость нѣмецкихъ государей, императоръ Александръ говорилъ въ своей прокла-

мацiи 22 Февраля 1813 ихъ подданнымъ: „Страхъ удерживаетъ ваши правительства, не останавливайтесь на этомъ, если ваши государи подъ влiянiемъ малодушiя и подобострастья ничего не сдѣлаютъ, тогда долженъ раздаться голосъ подданныхъ и заставить государей, которые влекутъ свои народы въ рабство и несчастiе — вести ихъ къ свободѣ и чести“.

Дѣло въ томъ, что Александръ еще понималъ петровскую традицiю своей власти, онъ былъ слишкомъ близокъ къ первой эпохѣ императорства, чтобъ представлять изъ себя гвардейскаго папу всѣхъ реакцiй. Онъ даже съ явнымъ сомнѣнiемъ и нерѣшительностью прочелъ доносы Шервуда и Майбороды.

Безъ сомнѣнiй и мыслей сѣлъ на его мѣсто Николай и сдѣлалъ изъ своей власти машину, которая должна была вести Россiю вспять. Но императорство не сильно, какъ скоро оно дѣлается консервативнымъ. Россiя отрѣклась отъ всего человѣческаго, отъ покоя и воли, она шла въ нѣмецкую кабалу только для того, чтобъ выйдти изъ душнаго и тѣснаго состоянiя, которое ей было не подъ лѣта. Вести ее назадъ тѣми же средствами невозможно.

Только идучи впередъ къ цѣлямъ дѣйствительнымъ, только способствуя больше и больше развитiю народныхъ силъ при общечеловѣческомъ образованiи и можетъ держатся императорство.

ВРЕМЯ ЦАРСТВОВАНІЯ НИКОЛАЯ I-ГО.

Царствованіе императора Николая Павловича уже принадлежитъ исторіи. Мы всѣ, вчерашніе современники этого достопамятнаго царствованія, сдѣлались теперь его потомками, и, на словахъ или въ мысли, темно или ясно, произносимъ надъ нимъ судъ присяжныхъ, за добро поминая добромъ, скорбя о невольномъ злѣ и оглядываясь на пройденный путь, на то что сдѣлано и чего не сдѣлано.

Постараемся отдать себѣ отчетъ въ прожитомъ, съ должнымъ уваженіемъ къ памяти усопшаго и съ годячей любовью къ нашей общей великой матери Россіи; ибо только когда уразумѣемъ прошлое, мы въ состояніи оцѣнить, куда идемъ, можемъ, должны идти, и какъ достичь того, чтобъ наша Земля цвѣла и крѣпла въ добрѣ и въ правдѣ, въ просторѣ русскаго ума и русскихъ силъ.

I.

Основная мысль и общіи характеръ тридцатилѣтія.

Основная мысль нашей политики послѣднихъ 30 лѣтъ, внутренней и внѣшней, родилась не на русской почвѣ; она заимствована у Австріи. Ея родоначальникомъ считается Меттернихъ.

Система его, въ отношеніи къ внѣшней политикѣ была принята еще при Александрѣ; но полное

всестороннее ея введеніе у насъ принадлежитъ царствованію императора Николая.

Главныя черты этой системы, какъ извѣстно, сохраненіе до нельзя государственнаго устройства у себя и у другихъ, съ помощію войска, онѣмеченіе, по возможности своихъ негерманскихъ подданныхъ, съ помощью бюрократіи; другими словами, неподвижность на поверхности и подземная работа, съ цѣлью стянуть изъ подтишка разнородные концы въ одинъ узелъ.

1848 годъ опрокинулъ разомъ всю эту систему, и, безъ нашей поддержки, вполнѣ бы показалъ ея непрочность. Съ тѣхъ поръ австрійская политика уступила въ иномъ и выиграла во многомъ; она облегчила гнетъ, уравнявъ его. Не смотря на то, точка опоры для Австріи и теперь болѣе чѣмъ когда-либо, — все таки не въ ней самой, а въ ея арміи, у которой по разноплеменности нѣтъ отечества; лишь ею одной и держится эта разнородная, механически сколоченная масса.

У насъ, слава Богу, нѣтъ и не было никогда надобности прибѣгать къ Deus ex machina, называемому войскомъ; ибо мы, слава Богу, живое, мощное и цѣльное тѣло. Вотъ почему къ намъ никакъ не подходитъ австрійская система, изъ которой какъ изъ тѣснаго нѣмецкаго кафтана, изовсюду выглядываютъ наши богатырскіе члены.

Ея несоотвѣтственность съ коренными условіями нашей жизни происходитъ и отъ различія въ составѣ обоихъ государствъ и отъ сравнительной молодости нашего, и отъ свойствъ народовъ подвластныхъ той и другой державѣ. Къ этимъ причинамъ несовмѣстности присоединили еще, въ дѣлѣ примѣненія, и личный характеръ Николая, который проводилъ усвоенную имъ идею не іезуитской хи-

тростію, а со всей строгостью, прямотой и непреклонностію своего ума и воли.

Коренныя различія между Россіей и Австріей бросаются въ глаза.

Въ германской имперіи германскій элементъ составляетъ едва-ль не десятую часть народо-населенія.

Въ россійской имперіи — русскій элементъ почти ровняется девяти десятыхъ всего числа жителей.

Отсюда — искуственность государственнаго устройства, да и самаго существованія Австріи.

Россія, напротивъ того, отличается рѣдкой органической цѣльностію, естественностію своего состава, однородностію господствующаго племени, безпримѣрнаго въ Европѣ по единству языка и вѣры, и по своей сплошной многочисленности.

Австрійская имперія сложилась и получила устройство съ издавна. Она опирается на тысячелѣтнюю, богатую, разнообразно развитую германскую цивилизацію.

Нашему государственному устройству, въ теперешнемъ Петромъ возобновленномъ видѣ, не болѣе полутораста лѣтъ. Не смотря на прежніе византійскіе и на позднѣйшіе западные образцы, въ Петровской Россіи приходилось все создавать какъ бы изъ ничего.

Характеръ германскаго племени, этого зерна Австріи, по преимуществу городовой, строго формальный въ законодательствѣ и администраціи, рѣзкій въ своей особности — стоитъ враждебно къ прочимъ племенамъ, подвластнымъ имперіи, которыя, въ замѣнъ, питаютъ къ господствующему, но числительно слабому элементу глубокую неискоренимую антипатію.

Характеръ русскаго народа, спокойнаго въ своей силѣ, отличается общинносельскимъ духомъ, не поддающимся строгой формальной законности, а также рѣдкой уживчивостію съ другими народностями, которымъ не даетъ повода къ озлобленію и ненависти. Да сверхъ того иноплеменники живущіе въ предѣлахъ и преимущественно по океанамъ Россіи, даже наиболѣе строптивые, составляя у насъ рѣшительное меньшинство, уже одной своей малочисленностію не должны бы вызывать строгихъ крутыхъ мѣръ, избѣгаемыхъ гдѣ только можно, въ самой Австріи.

Наконецъ, личный характеръ покойнаго императора довершаетъ различіе. Всѣмъ извѣстная прямота души ставила его на ту нравственную высоту, съ которой австрійскій маккіявелизмъ: divide et impera, невозможенъ. Да у насъ онъ былъ бы и безполезенъ.

Однако, не взирая на такія существенныя разности, присутствіе меттерниховой мысли въ русскомъ правительствѣ послѣднихъ 30ти лѣтъ несомнѣнно. Поддержаніе statu quo въ Европѣ, особенно въ Турціи и Австріи, возвѣщеніе и огражденіе, словомъ и дѣломъ, хранительнаго, неограниченно монархическаго начала повсюду; преимущественная опора на матеріальную силу войска; поглощеніе властью, сосредоточенной въ одной волѣ, всѣхъ силъ народа, что особенно поражаетъ въ организаціи общественнаго воспитанія и въ колосальномъ развитіи административнаго элемента, къ ущебру прочимъ; обрусѣніе иноплеменныхъ народовъ, присоединенныхъ къ имперіи на особыхъ правахъ; стремленіе создать хотя бы насильственнымъ образомъ, единство вѣроисповѣданія, законодательства и администраціи; подавленіе всякаго самостоятель-

наго появленія мысли, какъ въ литературѣ, такъ и въ обществѣ и надзоръ надъ нею; регламентація, военная дисциплина и полицейскія мѣры даже въ томъ, что найменѣе подлежитъ имъ и т. д., все это неопровержимо обличаетъ у насъ присутствіе системы возникшей въ Австріи, но вслѣдствіе горькой необходимости, какъ conditio sine qua non ея существованія, въ Россіи-же неподходящей подъ прямыя условія ея быта, а потому мѣшающей правильному развитію ея нравственныхъ, умственныхъ и матеріяльныхъ силъ.

Въ послѣдніе 30 лѣтъ наша политика слишкомъ много устарѣлаго поддерживала внѣ Россіи, слишкомъ радикально управляла и переиначивала внутри Россіи. Тамъ и здѣсь, она не давала довольно простора. Этимъ объясняется отсутствіе симпатіи, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, въ этой политикѣ, черезъ чурь непреклонной въ своей послѣдовательности.

Въ Европѣ и дома шли мы какъ бы на перекоръ общей волѣ: тамъ, мы искали сохранить старое, вопреки духу реформъ; у себя — мы ломали, вопреки духу сохранности.

Идя за предѣлы естественнаго единства, столь у насъ мощнаго, мы старались во всемъ создать единство искуственное; развивая всѣми силами русское народное начало, въ которое включены были православіе и самодержавіе, мы слишкомъ мало показали уваженія къ другимъ народностямъ, къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, къ другимъ формамъ правленія.

Внѣшняя политика.

Въ жизни гражданскихъ обществъ нѣтъ пичего безусловнаго. У каждаго народа, въ каждую эпоху,

свои требованія. Полагать извнѣ что бы ни было, вопреки этимъ требованіямъ, значитъ брать на себя невозможное.

Въ западной Европѣ силой другъ съ другомъ связаные народы начинаютъ расходится, также какъ и подданные съ своими правительствами. Это двоякое стремленіе тамъ неотразимо. Оно есть признакъ разложенія, которое совершаетъ и совершитъ свой процессъ вопреки всему. Выйдетъ-ли изъ броженія новая жизнь, вопросъ преждевременный и для насъ второстепенный. Съ насъ-же, при такомъ положеніи Запада, было-бъ довольно и того, еслибъ мы по прежнему искали поддержать у самихъ себя старую неколебимую связь между правительствомъ и разноплеменными подданными. Эта связь сохранялась ненарушимо при Александрѣ, котораго миротворная политика ничего не насиловала и не тревожила. Вслѣдъ за его кончиной, мятежъ 14 Декабря, ознаменовавшій вступленіе на престолъ недавно почившаго государя императора, былъ какъ бы предвѣстникомъ государственнаго раскола, вспыхнувшаго на двухъ оконечностяхъ Россіи, въ Польшѣ и на Кавказѣ. Эти событія были вызваны, кромѣ постороннихъ, внѣшнихъ обстоятельствъ, и постепеннымъ примѣненіемъ системы, принятой въ основаніе новаго царствованія.

Западныя Державы окончательно послужили пробнымъ камнемъ для этой системы, которая объ тотъ камень и разбилась.

Мы всѣми силами подпирали распадавшіяся на части Турцію и Австрію, и, можно смѣло сказать, своей помощью отстрочили ихъ паденіе. Но къ чему послужила такая отстрочка? Къ тому, что онѣ обѣ противъ насъ-же возстали, возбужденныя извнѣ не только народными, государственными и

династическими интересами, но и оскорбленной нами гордостью и общей противъ насъ антипатіей либеральной Европы. Этой антипатіи поддались даже и тѣ, кто долженъ бы всего менѣе сочувствовать европейскому либерализму.

Грустно-поучительное явленіе, что мы умѣли возстановить противъ себя не только Англію, но и императорскую Францію съ конституціонной Сардиніей; и Австрію съ ея Славянами, нашими братьями; и Турцію съ нашими единоверцами. Наше veto не помѣшало Франціи іюльскихъ дней продержаться 18 лѣтъ, Белгіи отдѣлиться отъ Голландіи, Саксоніи, Ганноверу, Испаніи, Португаліи, Даніи и Сардиніи измѣнить вопреки намъ прежнюю форму правленія; но это упорное и безпрестанно возобновляемое veto глубоко заронило всюду семяна непріязни, которыя теперь и приносятъ плодъ. Мы не охотно признали французскую имперію, не хотѣли признать обновленной Сардиніи; и вотъ та и другая въ войнѣ съ нами. Мы щадили Австрію и Турцію ради statu quo; и вотъ — Турція и Австрія противъ насъ, ради своихъ Славянъ. Мы побоялись поддержать и Славянъ, и единовѣрныхъ Грековъ, изъ уваженія къ мнимой законности; и вотъ Греки и Славяне, извѣрившіеся въ насъ, готовы броситься въ объятія враждебнаго намъ Запада. Мы нетерпимостью своей, гордостью и упорнымъ консерватизмомъ всѣхъ подняли противъ себя, и народы и правительства; даже единовѣрные и иноплеменные народы, даже строго монархическія правительства, даже Австрію, одну изъ участницъ священнаго союза.

У насъ теперь нѣтъ друзей, нѣтъ прочныхъ и естественныхъ союзниковъ; мы предоставлены самимъ себѣ, отчуждены ото всѣхъ и одиноки.

Конечно, Россія сильна и за себя постоитъ; но больно видѣть, какъ опрометчиво, самонадѣянно ринулись мы въ борьбу, не заготовивъ хоть одного надежнаго друга, какъ мало можемъ положиться на самыхъ близкихъ, и какъ на все, что говоримъ и дѣлаемъ, гладитъ остальная Европа съ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ. Такъ-ли смотрѣлъ на насъ при Александрѣ благодарный Западъ? Тогда, весь востокъ съ русскимъ царемъ во главѣ, шелъ за Рейнъ на дѣло освобожденія; теперь весь Западъ подступаетъ къ нашимъ предѣламъ, ополчившись противъ русскаго царя, брата того, кто освободилъ его.

Внутренняя политика.

Присутствіе военно-бюрократическаго элемента, отличавшее меттернихову Австрію, явственно у насъ и во внутренней политикѣ.

Революціонныя бури послѣднихъ 60 лѣтъ, потрясшія до основанія и глубоко измѣнившія Европу, а къ томужъ и печальный ихъ отголосокъ, раздавшійся въ Декабрѣ 1825 года предъ изумленной Россіей, поселили въ душѣ покойнаго императора не только сильное негодованіе противъ всякаго проявленія духа независимости, но даже, осмѣлимся прибавить, какое-то недовѣріе къ своимъ подданнымъ, особенно къ образованнымъ классамъ общества. Онъ хотѣлъ оградить имперію и отъ новыхъ возстаній Польши и отъ новаго декабрскаго бунта. Основательность такаго предположенія неоспоримо подтверждается словами послѣдняго завѣщанія: „Пока въ арміи сохранится тотъ-же духъ, который спасъ Россію въ 1825 году, спокойствіе государства, и внѣ и в н у т р и обезпечено, и горе врагамъ его.“

Изъ опасенія, чтобы не повторились у насъ явленія въ родѣ 14 Декабря, котораго однако разительный неуспѣхъ явно свидѣтельствовалъ о совершенномъ отсутствіи въ народѣ даже тѣни сочувствія къ такимъ переворотамъ, мѣры предосторожности со стороны правительства стали на первомъ планѣ и заслонили собой все прочее.

Не имѣемъ надобности оговориваться: никто ни на минуту не усомнится въ искренности и чистотѣ намѣреній покойнаго императора. „Я ихъ любилъ какъ дѣтей своихъ, старался, какъ могъ, улучшить ихъ состояніе; ежели не во всемъ успѣлъ, то не отъ недостатка желанія, но отъ того, что или лучшаго не умѣлъ придумать или не могъ болѣе сдѣлать.“ Такъ говоритъ онъ въ своемъ завѣщаніи; и эти слова примѣняются въ умѣ нашемъ не къ одному войску. Императоръ Николай Павловичъ, какъ человѣкъ, могъ заблуждаться; но это не происходило „отъ недостатка любви къ своимъ дѣтямъ, или отъ недостатка желанія улучшить состояніе ихъ“.

Марширующая армія.

Первою изъ мѣръ предосторожности, которою онъ хотѣлъ обезпечить спокойствіе государства, было созданіе огромной арміи, какой еще никогда не видала у себя Россія.

Къ сожаленію, такая мѣра не осталась безъ вредныхъ для насъ послѣдствіи. Она повела за собой:

1) Усиленіе войскъ прочими европейскими Державами; постоянное, болѣе и болѣе увеличивающееся опасеніе на Западѣ, при нашихъ извѣстныхъ, безусловно-монархическихъ симпатіяхъ, какъ бы не употребили мы во зло громадныхъ силъ, которыми располагаемъ; и въ довершеніе всего — новую войну, плодъ общихъ опасеній.

2) Колоссальныя, по нашимъ далеко не колоссальнымъ средствамъ, издержки на содержаніе арміи. Одни говорятъ, что эти издержки превышаютъ треть всѣхъ государственныхъ доходовъ; другіе-же, что поглащаютъ чуть-ли не половину.*) Такимъ образомъ, наша огромная армія, отвлекая даже въ мирное время отъ повинностей и отъ производительнаго труда болѣе 60 тысячь здоровыхъ, молодыхъ людей въ годъ (если считать въ 25 милліоновъ число жителей мужескаго пола, поочередно черезъ два года подлежащихъ рекрутству), не только что значительно уменьшаетъ наши доходы, но и ежегодно требуетъ болѣе 120 милліоновъ р. с. изъ государственнаго казначейства, не считая тягостей и расходовъ, упадающихъ на земство.

Для покрытія этихъ чрезвычайныхъ расходовъ, у насъ съиздавна созданъ и въ послѣдне царствованіе значительно усиленъ былъ не существующій нигдѣ кромѣ Россіи, и гибельный по своимъ послѣдствіямъ, огромный косвенный налогъ: винные откупа. Утверждаютъ, что нокойный графъ Канкринъ сказалъ однажды въ государственномъ совѣтѣ: „Легко вамъ нападать на откупа! Вѣдь у насъ — что кабакъ, то батальонъ.“ Нельзя короче и рѣзче осудить огромные размѣры нашей арміи.

Доходы Франціи, на 36 милліоновъ жителей превышаютъ 500 милл. руб. сер. въ годъ, а между тѣмъ Франція, въ мирное время, не имѣетъ и 500

*) Мы должны оговориться разъ на всегда, что статистическія и другія данныя, и также фразы извѣстныхъ лицъ, или отдѣльные случаи во внутреннемъ управленіи, приводимые нами, большею частью основаны на устныхъ разсказахъ и личныхъ соображеніяхъ. При сущестующихъ обстоятельствахъ иначе и быть не могло: за отсутствіемъ гласности и отчетности мы вынуждены были прибѣгать къ слухамъ, болѣе или менѣе достовѣрнымъ.

тысячь войска, при 7ми лѣтнемъ срокѣ службы. У насъ, при вдвое большемъ народоселеніи, вдвое меньше доходовъ; — а мы содержимъ армію, при 20 лѣтней службѣ, числительно превышающую двѣ французскихъ!

3) Обременительные наборы — самое тягостное изъ послѣдствій развитія нашихъ военныхъ силъ. Они пожираютъ значительную часть молодаго народонаселенія, отвлекая навсегда, въ силу нашей рекрутской системы, отъ земледѣлія и промышленности. Статистическія цифры, основанныя на народныхъ переписяхъ, показываютъ, что въ послѣдніе 30 лѣтъ прогрессивное возрастаніе нашего народонаселенія сократилось 7-ю процентами противъ прежняго: по 9 ревизіи, въ 11 лѣтъ, жителей прибавлялось лишь на полпроцента въ годъ, между тѣмъ какъ при Александрѣ, въ такой-же промежутокъ времени число ихъ умножалось въ годъ на %. Нельзя предполагать, чтобъ въ такомъ неотрадномъ явленіи участвовала одна холера. Войны въ 25 лѣтнѣе царствованіе императора Александра были значытельнѣй и упорнѣе всѣхъ послѣдующихъ, если исключимъ теперешнюю*), а потому стоили холеры. Откуда-же такое ощутительное уменьшеніе въ народонаселеніи Россіи?

Причины къ тому заключаются не только въ усиленныхъ наборахъ, но и въ продолжительномъ срокѣ службы, а также и въ учрежденіи батальоновъ военныхъ кантонистовъ.

Противъ усиленныхъ наборовъ, разумѣется, одно средство: уменьшеніе арміи. Не скрываемъ, что это дѣло не легкое, даже послѣ войны. Но при искреннемъ и разумномъ желаніи, какъ бы, каза-

*) 1855.

лось, того не достигнуть? Нужно только соглашеніе съ прочими европейскими Державами. Мы первые подали примѣръ усиленія числа войскъ; подадимъ первый знакъ и къ ихъ уменьшенію! Оно, разумѣется должно быть повсемѣстно и въ одинакой соразмѣрности — что, право, вовсе не отзывается утопіей, ибо по окончаніи теперешней войны, почувствуется болѣе, чѣмъ когда либо, необходимость общая, настоятельная, въ сокращеніи расходовъ, а слѣдственно и арміи. Не то, давно угрожающая и лишь отсроченная бѣда — страшный финансовый кризисъ, разразится надъ всей Европой.

И чего, казалось бы, бояться уменьшенія войска, если оно повсемѣстно! Вѣдь относительная сила каждаго государства осталась бы таже.

Во всякомъ случаѣ, исполнится это или нѣтъ, намъ бы можно было прибѣгнуть и къ другому средству: къ исправленію системы безсрочно-отпускныхъ, какъ резервовъ, съ предоставленіемъ имъ большихъ противъ прежняго обезпеченій, простора и удобствъ при явкѣ къ своимъ командамъ.

Сокращеніе срока службы можетъ многимъ показаться мѣрой радикальной въ экономическомъ отношеніи. Мы предлагаемъ однако нашу мысль на обсужденіе людей свѣдущихъ и безпристрастныхъ.

Начнемъ опять съ указанія на французское войско. Оно признано однимъ изъ лучшихъ не только по внутренней организаціи, но и по основательной выучкѣ солдатъ; а между тѣмъ срокъ службы положенъ 7-ми лѣтній. Тоже можно сказать и объ австрійской арміи. У насъ люди знающіе утверждаютъ, что вполнѣ достаточно 3 лѣтней школы, особливо если она будетъ упрощена, для совершеннаго и окончательнаго обученія русскаго солдата, вообще понятливаго. Стало быть, въ этомъ

отношенiи, сокращенiе срока службы до 10 и даже до 8ми лѣтъ, не представило бы затрудненiй.

Остается другое. Какъ достигнуть такого сокращенiя безъ измѣненiя правила, по которому рекрутъ перестаетъ принадлежать обществу или помѣщику и становится непосредственнымъ слугою царскимъ? Намъ кажется, что, при должномъ обсужденiи предмета, нашлась бы возможность отстранить и это неудобство. Сверхъ того, крестьянинъ, прошедшiй черезъ осмилѣтнюю жесткую школу военной дисциплины, принесъ бы на родину, при отставкѣ, навыкъ къ порядку, къ точности и бдительности; да вмѣсто того, чтобъ быть по старости и дряхлости, въ тягость своимъ обществамъ, онъ далъ бы имъ еще свѣжiя силы и сдѣлался бы опять дѣятельнымъ, полезнымъ членомъ. Не мало бы отъ того выиграли и общественное хозяйство, и общественная нравственность: бездомовникъ и невольникъ холостякъ сталъ бы снова домохозяиномъ и семьяниномъ.

Батальоны военныхъ кантонистовъ также содѣйствуютъ, въ свою очередь, уменьшенiю народонаселенiя. Оторванные отъ своихъ матерей, отъ мѣстъ жительства и отъ производительнаго труда, эти преждевременные сироты умираютъ въ огромномъ количествѣ, по недостатку надлежащаго надзора. Сверхъ того, кантонистъ, рабъ казны, работаетъ на нее безвозмездно или только съ номинальнымъ вознагражденiемъ, и тѣмъ ставится во вредное соперничество съ истинно производительнымъ и промышленнымъ классомъ народа, закрывая для него множество мелкихъ должностей, работъ и службъ. Двоякiй ущербъ народному богатству!

Замѣтимъ мимоходомъ, что кантонистами замѣщаются многiя низшiя мѣста, которыя безъ нихъ моглибъ быть заняты дѣтьми бѣдныхъ дворянъ и чиновниковъ.

После всего сказаннаго не имѣемъ надобности прибавлять, что сокращеніе арміи и срока службы было бы однимъ изъ величайшихъ благодѣяній для Россіи, одною изъ величайшихъ заслугъ русскаго царя.

Пишущая армія.

Мы еще не все сказали про обременительныя для народа и для казны мѣры предосторожности упомянувъ о милліонѣ войска, поглащающаго цвѣтъ нашего народонаселенія и едва-ль не половину нашихъ доходовъ. У насъ, наряду съ марширующей арміей есть другая — пишущая. Эта вторая армія также многочисленна, какъ и первая; на нее также тратится значительная часть доходовъ, и она также отвлекаетъ отъ дѣльныхъ занятій цвѣтъ молодежи свободныхъ сословій.

Бюрократія или чиновничество и канцелярство, говорятъ, ограждаетъ насъ отъ образованнаго пролетаріатства, боязнь котораго уже привела къ ограниченію числа учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но въ замѣнъ не надѣляетъ-ли она насъ пролетаріатствомъ чиновничьимъ, полуневѣжественнымъ, полузанятымъ, привыкшимъ жить на чужой счетъ и смотрѣть на Россію какъ на завоеванную землю. Бюрократъ считаетъ себя какъ бы гражданиномъ иной земли, даже и не въ государствѣ, а надъ государствомъ и убѣждается мало по малу, по свойству человѣческой души, что не онъ существуетъ для націи, а нація для него. Онъ подобно католическому попу, принадлежитъ не Россіи, а своему Риму — Петербургу; знаетъ не отечество, а своего папу — министра или генералъ-губернатора. Отвратить, можетъ быть, и опасныя послѣдствія отъ истинно образованиыхъ бѣдняковъ,

направивъ ихъ общія знанія къ различнымъ спеціальностямъ, въ которыхъ мы такъ нуждаемся, какъ на пр. къ медицинѣ, при весьма ощутительномъ недостаткѣ въ гражданскихъ врачахъ, къ званію свѣдущихъ, основательно образованныхъ стряпчихъ, управляющихъ, фабрикантовъ, техниковъ всякаго рода, было бы не такъ трудно, какъ искоренить очевидный, несомнѣнный вредъ отъ чиновныхъ пролетаріевъ, рѣшительно развращающихъ народъ, и дробящихъ его на два враждебныхъ стана. Стоячій воротникъ военнаго внушаетъ по большей части лишь уваженіе; но стоячій воротникъ чиновника возбуждаетъ страхъ, подобострастіе, лукавство, презрѣніе, всѣ низкія движенія души, подымая ихъ оттуда, какъ шестъ подымаетъ илъ со дна рѣки. Бюрократія, эта язва новѣйшей Европы, нигдѣ не свирѣпствуетъ какъ у насъ; у насъ она пуще холеры. Были при Александрѣ и арміи, и канцелярство; но ни та ни другая, не доходили до такихъ размѣровъ. Въ Россіи больше бумажныхъ мельницъ, чѣмъ бы казалось, слѣдовало ожидать, судя по степени ея образованія. Кудаже идетъ бумага? Спросите торговцовъ, они вамъ скажутъ, что кромѣ столицъ, да еще двухъ-трехъ городовъ, въ частныя руки ея сбывается незначительное количество, и что безъ сравненія огромнѣйшая масса поступаетъ въ присутственныя и другія казенныя мѣста. Само военное вѣдомство заразилось грѣхомъ чернильной невоздержности. Такая невоздержность истинный грѣхъ: въ многописаніи, какъ и въ многоглагольствѣ нѣтъ спасенія.

Въ подтвержденіе сказанному приведемъ слѣдующее: въ петербургскомъ почтамтѣ, какъ слышно, получается ежедневно, круглымъ числомъ 11 тысячь пакетовъ, изъ которыхъ 6 т. казенныхъ. Въ годъ

это составляетъ 2,190,000 пакетовъ за казенной печатью. Присоедините сюда еще тѣ, которые посылаются въ самомъ Петербургѣ изъ однѣхъ вѣдомствъ въ другія, и вы, безъ преувеличенія, дойдете до 3 милліон. казенныхъ пакетовъ ежегодно получаемыхъ въ столицѣ. Надо полагать, что столько-же, если не болѣе, разсылается по всѣмъ концамъ Россіи. А вѣдь отдѣлъ письменныхъ сообщеній только одна часть и весьма незначительная, канцелярскаго письмоводства вообще.

Нельзя не замѣтить въ упомянутой цифрѣ, что частная переписка столицы 20ю процентами меньше казенной. Вотъ новое подтвержденіе тому, что главнымъ преобладающимъ мѣстомъ сбыта писчей бумаги казенныя мѣста и что частная грамотность у насъ не въ цвѣтущемъ состояніи.

Мудрено-ли при огромныхъ размѣрахъ нашей бюрократической письменности, что она навлекла на Россію, къ сожалѣнію, заслуженное прозваніе „бумажнаго царства“ и „страны безполезныхъ формальностей“? Дѣйствительно формализмъ овладѣлъ всѣмъ; мертвая буква убила живой духъ; формы опутали своей крючьками испещренной сѣтью всѣ жизненныя силы народа и не даютъ имъ двигаться.

Такое развитіе канцеляризма произошло отъ двухъ причинъ: отъ нѣмецкой страсти къ формалистикѣ въ управленіи, привившейся къ старинной обрядности русскихъ нравовъ; но особенно отъ стремленія подчинить все и всѣхъ надзору и опекѣ, а съ этой цѣлью протянуть повсюду нити, которыя бы сходились въ одно мѣсто, въ однѣ руки. Гдѣ буква, а не духъ, тамъ и механизмъ; гдѣ идеаломъ полицейское государство, тамъ необходимы безчисленные концы возжей въ рукахъ однаго вожатаго.

Въ Россіи проглядываетъ часто даже поэзія канцеляризма. Вотъ одинъ изъ примѣровъ такой поэзіи, за достовѣрность котораго намъ ручались люди, заслуживающіе довѣріе по своему служебному положенію и по характеру. На московскомъ шоссе были устроены заставы и каждой заставѣ даны канцеляріи. Для канцелярій въ русскихъ размѣрахъ нужны высшіе начальники, чиновники, писаря, команда, просторное помѣщеніе. Чтожъ вышло? На жалованье и содержаніе шоссейныхъ канцелярій съ ихъ тратами пошли всѣ сборы съ шоссе, на поддержку котораго пришлось ассигновать особую сумму. Правда, эту странность впослѣдствіи замѣтили и слегка замѣнили, но тѣмъ не менѣе она была допущена, продержалась нѣсколько лѣтъ, да и повторяется во многихъ другихъ случаяхъ, какъ на пр. при управленіи казенными фабриками, которыя по милости многочисленныхъ штатовъ приносятъ нерѣдко казнѣ чистый убытокъ и т. п.

Нашъ государственный механизмъ, говоря вообще, до нельзя и безполезно сложенъ, чѣмъ — разумѣется, лишь увелично канцелярское письмоводство и замедленъ ходъ дѣлъ. Припомнимъ для примѣра, что по гражданскимъ дѣламъ, у насъ отъ 10 до 11ти инстанціи, вмѣсто 2-хъ или 3-хъ, какъ въ другихъ странахъ; или — что въ нашихъ министерствахъ есть множество должностей, совершенно лишнихъ. Къ чему, спрашиваемъ, товарищей министровъ, къ чему вицедиректоры департаментовъ, къ чему бездна второстепенныхъ чиновниковъ? Загляните въ иныя вѣдомства, соберутся да и сидятъ девять десятыхъ сложа руки и болтая всякій вздоръ. Одна обширность зданій, гдѣ помѣщаются правительственныя мѣста, достаточно свидѣтель-

ствуетъ о числѣ чиновнаго люда. Отъ того и застроена половина Петербурга казенными зданіями. Какъ то давно, въ бытность нашу въ Петербургѣ, видѣли мы, кажется на Литейной, огромное угольное зданіе оконъ въ 50 по обѣимъ улицамъ, съ надписью: Капитулъ ордена св. Анны. Не знаемъ существуетъ-ли онъ теперь. Намъ пришло тогда на мысль, глядя на это громадное зданіе, что еслибы собрать капитулы всѣхъ орденовъ міра, да организовать ихъ по европейски, вѣдь они не только что умѣстились бы всѣ въ эти палаты, но еще могли бы цѣлый этажъ отдавать въ наймы.

Второй нашей мысли, что бюрократизмъ развитъ въ такой степени съ цѣлью подчинить всѣхъ надзору и опекѣ — такъ много подтвержденій самыхъ осязательныхъ и памятныхъ каждому, что мы затруднимся развѣ въ выборѣ.

Одно изъ главныхъ находимъ мы въ чрезмѣрномъ расширеніи власти генералъ-губернаторовъ и вообще власти исполнительной.

Когда то, одинъ высшій сановникъ сказалъ призванному имъ извѣстному литератору барону Дельвигу: „Что вы говорите про законъ? Законы пишутся только для низшихъ сословій, а не для насъ.“ Въ вѣдомствахъ большей части генералъ-губернаторовъ нельзя даже сказать и того: законы ни для кого не пишутся, потому что они всѣ подчинены личному толкованію и произволу главнаго мѣстнаго начальника, большею частью генералъ-адъютанта — а генералъ и флигель-адъютанты и безъ того уже облечены властію, въ употребленіи которой отдаютъ отчетъ одному государю. Выходитъ на повѣрку, что смотря по надобности, а иногда и безъ надобности, законъ обходится, или вовсе не соблюдается. Не въ шутку одинъ воен-

ный губернаторъ сдѣлалъ представленіе о томъ, чтобъ ему позволено было не стѣсняться сводомъ законовъ, который „только что мѣшаетъ ловить мошенниковъ". На запросы, даже со стороны Сената, почему поступлено не по закону, па пр. при ссылкѣ безъ суда и слѣдствія въ сѣверныя и восточныя губерніи и т. д., генералъ-губернаторы отвѣчаютъ: „Я такъ поступилъ въ силу высочайше дарованной мнѣ власти." Частнымъ же лицамъ, разумѣется, и подавно не дается никакого отвѣта. Хорошо, коли кто изъ облеченныхъ такой неограниченной и никакому видимому контролю не подлежащей властію, съ могуществомъ Али-паши Янинскаго соединяетъ и мудрость Гарунъ-Аль-Рашида, но много-ли такихъ сказочныхъ правителей? — На однаго правосуднаго Халифа тысячи пашей, злоупотребляющихъ свою власть, хотя бъ и не намѣренно, по неразумѣнію, оплошности, излишнему рвенію, или самонадѣянности.

Гражданское устройство наше съ издавна страждетъ смѣшеніемъ властей: законодательной, судебной, исполнительной. Такое смѣшеніе порождало и прежде много произвольнаго, увеличивало и прежде безполезныя проволочки, переписки, путаницу всякаго рода. Генералъ-губернаторы окончательно запутали всѣ тѣ власти, по существу своему совершенно раздѣльныя.

Впрочемъ, учрежденіе генералъ-губернаторскихъ должностей есть только одно изъ проявленій системы личнаго у п р а в л е н і я и преднамѣреннаго расширенія исполнительной власти, въ ущербъ всѣмъ прочимъ. Государственный совѣтъ, Сенатъ, Министерскіе совѣты, Комитетъ министровъ и другіе безчисленные комитеты существуютъ какъ коллегіальныя или совѣщательныя собранія только по

имени. Названіе **совѣтъ** утратило свой первоначальный смыслъ. Исполнительная власть, не имѣя надобности въ совѣтахъ, сдѣлала совѣщанія безполезными. Прежде нежели обсуждено, или даже разсмотрено дѣло, о немъ уже объявляется при докладахъ высочайшая воля. Это дѣлается зачастую. Тоже должно сказать и о непосредственныхъ докладахъ государю со стороны министровъ, мимо всѣхъ инстанцій, опредѣленныхъ нашими государственными учрежденіями. Не знаемъ, считать-ли счастіемъ, или нѣтъ, при такомъ порядкѣ, что министры важнѣйшихъ вѣдомствъ — юстиціи, просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, допускаясь къ лицу государя только въ рѣдкихъ случаяхъ, съ одной стороны имѣли какъ бы больше простора, а съ другой и больше отвѣтственности, отъ чего не всегда могли дѣйствовать рѣшительно.

Но это только исключеніе. Въ общей сложности личное управленіе вмѣшивалось во все, и тѣмъ вносило безпорядокъ въ государственный механизмъ. Не смотря на хвалебные возгласы о единствѣ нашихъ правительственныхъ мѣръ, истинной централизаціи у насъ не было. Министры и прочіе высшіе начальники, не имѣя надлежащаго простора въ своихъ вѣдомствахъ, боясь отвѣтственности при малѣйшемъ проблескѣ самостоятельности, обращались къ самому государю иногда въ самыхъ бездѣльныхъ случаяхъ мимо всѣхъ инстанцій, только чтобъ оградить себя отъ нарѣканій прямымъ высочайшимъ рѣшеніемъ. Такимъ образомъ, въ высшихъ сферахъ, а черезъ то и въ низшихъ многое совершалось отдѣльно, въ тайнѣ, безъ соглашенія различныхъ вѣдомствъ между собою. Отъ того и дѣйствія министерствъ и распоряженія нашихъ безконечныхъ комитетовъ, перетягивались въ разныя стороны,

противурѣчили другъ другу и приводились въ исполненіе иногда тайкомъ отъ соприкосновенныхъ вѣдомствъ. Такъ на пр. давно устроенный комитетъ о раскольникахъ, подъ предсѣдательствомъ петербургскаго митрополита, вовсе не зналъ осуществованіи коммиссіи, учрежденной въ Москвѣ по тому-же предмету. Даже и война 1855 велась въ подобномъ родѣ: военныя операціи предписывались прямо государемъ, часто вопреки видамъ главнокомандоющихъ; изъ Петербурга посылались приказанія и контрордры и сбивали генераловъ съ толку. Вспомнимъ осаду Силистріи, или дѣло 5 Февраля подъ Евпаторіей, подъ начальствомъ генерала Хрулева. Также точно происходили и дипломатическіе переговоры 1853 года: министръ въ своихъ депешахъ писалъ одно; государь въ своихъ разговорахъ съ иностранными посланниками говорилъ другое; князь Менщиковъ въ Константинополѣ дѣйствовалъ въ третьемъ смыслѣ, по личнымъ инструкціямъ императора, о которыхъ, судя по всему, министръ ничего не зналъ и которыя даже не соглашались съ мнѣніями выраженными въ разговорахъ. Всѣ эти разнорѣчія, весьма понятныя для насъ Русскихъ, но непостижимыя для Европейцевъ, послужили поводомъ къ незаслуженному нашимъ правительствомъ обвиненію въ двуличности и вѣроломствѣ. Нѣтъ, англійскій парламентъ и общественное мнѣніе Европы неправы; мы дѣйствовали не вѣроломно, а просто необдуманно, доказавъ еще лишній разъ свѣту, что фраза Лудовика XIV: L'Etat c'est moi, въ сущности не имѣетъ смысла и что самовластный государь не только что не государство, но даже и не правительство.

Вмѣстѣ съ личнымъ управленіемъ, устройство на военную ногу и ладъ многихъ гражданскихъ

вѣдомствъ, какъ неизбѣжная принадлежность дисциплинарно организованной и всепоглащающей исполнительной власти, сходящейся въ одномъ лицѣ какъ въ одномъ фокусѣ — есть конечно одно изъ самыхъ неутѣшительныхъ явленій въ теперешней Россіи. Такъ горная, лѣсная, инженерная путей сообщенія и публичныхъ зданій, межевая и другія части приняли рѣшительно военный складъ. Уголовное судопроизводство перешло также мало по малу въ руки аудиторіатовъ: военному суду неизмѣнно подчиненъ цѣлый рядъ преступленій, сверхъ отдѣльныхъ и многочисленныхъ случаевъ, гдѣ обвиняемые предаются ему по особо-изъявленной волѣ государя императора. Такъ перешли въ исключительное вѣдомство аудиторіятовъ дѣла касательно оскорбленія величества, злостнаго банкротства, зажигательства, дѣланія фальшивой монеты, неповиновенія помѣщикамъ: всѣ дѣла соприкосновенныя съ военнымъ вѣдомствомъ, даже по существу своему ни мало не военныя, на пр. по подрядамъ въ военныя вѣдомства и проч. При этомъ многія изъ такихъ дѣлъ рѣшались въ 24 часа и почти всѣ, если не касались лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, подвергали осужденныхъ шпицрутену и „зеленой улицѣ“.

Когда-то хвастались мы своей вѣротерпимостію и отмѣною смертной казни передъ отставшей отъ насъ Европой, гдѣ еще не прекращались гоненія за вѣру и убѣжденія и гдѣ Беккарія въ своемъ знаменитомъ сочиненіи, переведенномъ Екатериною, краснорѣчиво возставалъ противъ юридическаго смертоубійства. Съ тѣхъ поръ мы сильно подались назадъ: вѣротерпимость всегдашняя, отличительная черта русскаго народа, перестала существовать въ русскомъ правительствѣ послѣднихъ 30-ти лѣтъ;

и смертная казнь отмѣненная въ законѣ, процвѣтаетъ пуще прежняго, только въ иномъ видѣ. Намъ ужъ нечѣмъ хвастать передъ Западомъ, правда, у насъ нѣтъ гильотины — за то есть „сквозь строй“. А сквозь строй во столько разъ хуже гильотины, сколько ударовъ получаетъ виновный. Умереть мгновенно, сразу или умирать медленно, съ отдыхами, послѣ періодическихъ истязаній, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ — что хуже?

Возрастающее преобладаніе военнаго судопроизводства повело за собою то, что съ каждымъ годомъ дѣйствія уголовныхъ палатъ сокращаются, а военно-судныхъ коммиссій увеличиваются. Можно подумать, что Россія объявлена была въ безсмѣнномъ осадномъ положеніи, котораго она уже конечно ничѣмъ не заслужила.

Знаемъ, что поставленіе гражданскихъ дѣлъ на военную ногу, было внушено покойному государю императору чувствомъ неуваженія и недовѣрія къ гражданскимъ проволочкамъ, лихоимству и неправдѣ; но не значило-ли это частью разрубать, частью запутывать узелъ, вмѣсто того, чтобъ искать его распустить исподоволь?

Военный порядокъ, основанный на безпрекословной исполнительности и самой строгой подчиненности, поддерживая, въ примѣненіи своемъ къ гражданскому вѣдомству преобладаніе личнаго управленія, прямаго или косвеннаго, ввелъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дисциплинарныя отношенія чиновниковъ къ своимъ начальникамъ. Гдѣ начало коллегіальности введенное Петромъ? Предсѣдатели всѣхъ возможныхъ коллегіальныхъ учрежденій, государственныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ и т. п., превратились въ коммандировъ, а члены этихъ учрежденій — въ ихъ подчиненныхъ, чуть чуть не подвластныхъ.

Не можетъ-же гражданская іерархія быть поставлена на одну ногу съ военной, пружина этой — неуклонное повиновеніе тому что приказано, между тѣмъ какъ душа первой — разумное соглашеніе въ томъ, что предложено на совѣтѣ. Естественно, что и нравственный характеръ чиновниковъ и самая служба, не выиграли отъ такихъ измѣненныхъ отношеній. Русская пословица „умъ хорошо, а два лучше" была забыта, и въ служебное общежитіе вкрались, съ одной стороны подобострастіе, а съ другой — деспотическіе пріемы.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что преобразованія въ гражданскомъ вѣдомствѣ должны по преимуществу клониться къ разграниченію властей, къ отстраненію отъ совѣщательной, судебной, даже исполнительной гражданской власти чуждаго ей по существу военнаго характера; къ возможному упрощенію государственнаго распорядка и стройному соглашенію его разнообразныхъ частей; наконецъ, къ обузданію страшнаго, мертвящаго формализма, который, вмѣстѣ съ канцелярскимъ бумагомараньемъ, выходитъ изъ всякихъ предѣловъ.

Тайная полиція и гласность.

Необходимымъ пополненіемъ къ такой организаціи гражданскихъ вѣдомствъ, съ точки личнаго и военнаго управленія, служитъ тайная полиція, устроенная на военную ногу, и тѣмъ какъ бы облагороженная. Дѣйствительно, нельзя не отдать справедливости ея высшимъ начальникамъ, что лица избираемыя ими для явно-тайнаго надзора надъ всѣми отраслями общественнаго быта, по большей части вполнѣ оправдываютъ неограниченное къ нимъ довѣріе и ощутительнаго зла не приносятъ. Тѣмъ не менѣе лекарство причиняетъ иногда еще

более вреда, чѣмъ самая болѣзнь. Утверждаютъ, что во Франціи не было и нѣтъ тайнаго общества, гдѣ бы треть или четверть членовъ не состояла изъ агентовъ префекта полиціи. Но во Франціи анархическое начало пустило такія глубокія корни, что противъ тяжкаго недуга приходится употреблять и тяжкое лекарство; ибо нельзя не согласиться, что мѣры для упрежденія зла, подобныя французскимъ, суть зло сами по себѣ. Найдти достаточное число наушниковъ и доносчиковъ можно только чрезъ развращеніе той части общества, которая чувствительнѣй къ соблазну денежныхъ или иныхъ наградъ. Для искорененія одной болѣзни создается и развивается другая. Клинъ выбиваютъ клиномъ, но какимъ? Ни одинъ истинно порядочный человѣкъ не усомнится сказать, что въ нравственномъ отношеніи менѣе позорно увлечься ложной идеей и желаніемъ худо понятыхъ перемѣнъ къ лучшему, чѣмъ принять на себя личину ложнаго товарищества и дружбы и подъ этой личиной измѣннически продавать повѣрившихъ честному слову. Разбойникъ на крестѣ еще можетъ покаяться, но раскаяніе недоступно Іудѣ послѣ лобзанія. Доказательствомъ тому, какъ глубоко пала Франція, служитъ, по нашему, не столько огромное число легкомысленныхъ увлекаемыхъ пагубными теоріами, сколько не менѣе огромное число безсовѣстныхъ людей, готовыхъ слугъ тайной полиціи.

У насъ, благодаря Бога, недугъ преступнаго легкомыслія вовсе не распространенъ, а опытъ и зрѣлость мысли стерли съ 1849 года даже и послѣднія его слѣды. Дѣятельность оппозиціи у насъ вообще вещь невозможная. Она была-бъ серьозна лишь когда бы высшія сословія могли опираться на народъ. Но между ними полный разрывъ; уже

одна борода съ кафтаномъ мѣшаетъ сближенію. Къ томужъ можно смѣло сказать, что время заговоровъ и тайныхъ обществъ прошло невозвратно; въ нихъ извѣрились даже юноши, и всѣ убѣдились въ ихъ безплодности. Революціонное повѣтріе не существуетъ болѣе; за чѣмъ-же оставлять лекарство? Чума прекратилась, а карантины все еще тутъ. Бываютъ случаи, гдѣ меркурій необходимъ въ большихъ пріемахъ, но когда необходимость миновалась, каждый лишній гранъ превращается въ ядъ разрушающій весь организмъ.*)

Есть и другое неудобство отъ тайной полиціи. Въ загадочныхъ таинственныхъ отношеніяхъ ея офицеровъ къ обществу, все зависитъ отъ личнаго характера и отъ такта. Другими словами, все зависитъ отъ случайности выбора. Въ дѣлѣ цензуры, какъ она была до секретныхъ пополненій къ уставу, всякій представляющій свою рукопись имѣлъ возможность контроля надъ произволомъ цензора. Въ дѣлѣ тайной полиціи никакой контроль со стороны обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ (soupçonnés d'être suspects) невозможенъ; на нихъ доносится и они становятся жертвами доноса, вотъ все что узнаютъ эти люди. Остальное-же, отъ начала до конца вращается во тьмѣ и произволѣ, можетъ быть и правосуднымъ въ сущности, но отнюдь не законномъ.

Нельзя умолчать при этомъ случаѣ о procès de tendance, объ обвиненіяхъ — не то чтобы въ противузаконныхъ дѣйствіяхъ, а просто въ неуказномъ образѣ мыслей. Положимъ, что встрѣчаются люди, которыхъ мнѣнія не вполнѣ согласны съ цѣлями и направленіемъ правительства и что такіе люди

*) Примѣромъ 1879 годъ.

моглибъ быть вредны при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Да вѣдь противъ такихъ людей слишкомъ достаточно, казалось бы, одного надзора полиціи. А то какъ съ ними поступаютъ? Ихъ арестуютъ, допрашиваютъ; роются въ ихъ бумагахъ и книгахъ, выводятъ изъ ихъ переписки, которая читается въ почтамтахъ, изъ ихъ словъ, которыя подслушиваютъ на лету, изъ книгъ, которыя находятъ случайно въ ихъ библіотекахъ и т. д. — Богъ знаетъ какія заключенія; и подъ конецъ ссылаютъ на жительство въ деревни, или въ отдаленныя губерніи.

Къ числу procès de tendance должно, кажется, отнести и дѣло о Петрашевскомъ съ товарищами. Судя по общимъ слухамъ, въ кружкѣ Петрашевскаго не замышлялось ничего серьознаго, положительнаго; молодые люди собирались толковать о дѣльномъ и недѣльномъ, говорили на распашку что приходило въ голову и могли отвѣчать, какъ Репетиловъ: „шумимъ, братецъ, шумимъ.“ Ихъ наказали какъ самыхъ опасныхъ преступниковъ, между тѣмъ какъ вина ихъ вызывала много, много что легкую исправительную мѣру.

Воля ваша, а внезаконные пріемы не внушатъ русскому обществу чувства законнаго правосудія. Намъ Русскимъ всего необходимѣе воспитать въ себѣ это чувство, и теперь (1859) необходимѣе чѣмъ когда-либо, ибо мы привыкаемъ прибѣгать къ темнымъ и негласнымъ путямъ, мимо открытыхъ и законныхъ, когда хотимъ покончить спорное дѣло легко и проворно. Мы сбились съ столбовой дороги законности, и заблудились по проселкамъ. Насъ нужно оттуда вывести; а для этого нужно отлучить отъ дверей тайной полиціи и губернаторовъ, да указать на открытыя двери судебныхъ мѣстъ.

Послѣднее — крайне для насъ необходимо, хоть и не легко. Пословица: „не бойся суда, а бойся судьи", и многое другое, вполнѣ обнаруживаетъ низкое мнѣніе русскаго народа о нашемъ правосудіи. А между тѣмъ, хоть оно и обратилось въ притчу, но все-таки продолжаетъ заражать. По этому, поднять юридическіе нравы народа, внушить ему негодованіе къ кривосудію и любовь къ правдѣ, былобъ по истинѣ святымъ дѣломъ, но какъ?

Гласностію. Таинственность, которою облекаются дѣйствія высшей полиціи, насъ только давитъ, совращая окончательно и судей и подсудимыхъ. Зло — дѣло тьмы, выведите его съ искреннюю правдою на божій свѣтъ и оно обличится.

Повѣрьте, что никакія потаенныя мѣры, какъ бы строги ни были, никакой скрытный контроль, ни жандармы и доносчики, ни прокуроры и стряпчіе, ни флигель-адъютанты и ревизоры, ни генералъ-губернаторы и чиновники по особымъ порученіямъ, не искоренятъ зла, такъ глубоко внѣдрившагося повсюду, въ сферѣ судебной власти и особенно исполнительной.

Мы испробовали всѣ лекарства — кромѣ одного. А оно и специфическое.

Не говоримъ чтобъ тотчасъ-же введены были суды присяжныхъ, на первыхъ порахъ гласность въ судопроизводствѣ можетъ существовать и безъ нихъ. Она должна быть двоякаго рода, судопроисводство сколько возможно устное и при открытыхъ дверяхъ; а также право публичнаго протеста черезъ газеты противъ всякаго злоупотребленія и произвола въ слѣдственной, судебной, исполнителяной сферѣ. Это право не отнято было даже въ императорской Франціи.

Да, пора устроить надъ нашими исполнителями,

слѣдователями и судьями единственно неподкупный контроль общественнаго мнѣнія, пора дать средство оглашать во всеуслышаніе темныя дѣла и скрытныя беззаконія. Тогда, но только тогда, мы можемъ излечиться отъ стараго недуга и догнать въ правосудіи другія образованныя страны, гдѣ встрѣтишь иногда законодательство несовершеннѣе нашего, да гдѣ въ замѣну законы смягчаемые и исправляемые въ своемъ дѣйствіи просвѣщенными судилищами находятъ безукоризненно примѣненіе подъ эгидой гласности и общественнаго мнѣнія.

Рѣшатся-ли у насъ на это? Будемъ надѣятся, хоть знаемъ до какой степени пугаетъ у насъ всякая гласность. Въ Москвѣ упалъ колоколъ съ Ивановской башни, и газеты не смѣютъ о томъ говорить, потому что это случилось въ день присяги. Покойный государь скончался 18 Февраля утромъ — и вечеромъ того-же дня вся Европа знала объ этомъ событіи, только въ Москвѣ, въ первопрестольной столицѣ Россіи, узнали о кончинѣ русскаго царя лишь на третій день, да и то не всѣ, потому что въ газетахъ было объявлено о ней лишь 4 дня спустя 22го! Не странно-ль, не прискорбно-ль это?

По еще куда нейдетъ скрытность или медленность такого рода! Есть безчисленное множество случаевъ, гдѣ скрытность грѣхъ чуть не соумышленіе. Въ отдаленныхъ близкихъ отъ столицъ губерніяхъ, въ Москвѣ и даже въ Петербургѣ совершаются дѣла вопіющія, чудовищныя, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ. Кто про нихъ знаетъ? Кому до нихъ нужда?

Вотъ гдѣ особенно необходима гласность! Она заглянула-бъ и туда, куда, какъ видно не проникаетъ взоръ даже стоокой тайной полиціи.

Управленіе дѣлами церкви — обращенія и руссификація.

Административно военное настроеніе нашей внутренней политики, отозвалось и въ управленіи церковью.

Когда недавно скончавшійся высокій сановникъ былъ назначенъ изъ гусарскихъ полковниковъ оберъ-прокуроромъ св. Синода, кто то, отдавая впрочемъ, полную справедливость его личнымъ достоинствамъ, сказалъ, что у насъ теперь „патріярхъ со шпорами.“ Въ самомъ дѣлѣ, гусарскій полковникъ, а потомъ генералъ-адъютанъ, облеченный полнымъ довѣріемъ своего государя, занялъ первое мѣсто въ духовномъ управленіи. При немъ Синодъ былъ превращенъ почти что въ министерство. Свѣтская власть окончательно завладѣла внѣшнею стороною церкви. Въ церковъ соборныхъ постановленій, догматическую, она, правда, не рѣшалась вмѣшиваться; не смотря на то, внутренняя жизнь церкви пріутихла. Назначено было поставить на ругу все свѣтское духовенство по примѣру петербургскаго. Священники стали принимать характеръ чиновниковъ — въ рясахъ. Между тѣмъ въ семинарскомъ образованіи, столь превратномъ и безплодномъ, никакого существеннаго измѣненія не послѣдовало. Нравы духовенства, правда, улучшились, но отъ времени, а не отъ воспитанія. Его вліяніе на простой народъ осталось по прежнему ничтожнымъ. Народъ не только что не подвинулся въ духовномъ образованіи, но сталъ болѣе и болѣе расходиться съ оффиціальной церковью. Сила образующая и убѣждающая скрылась вовсе: живая струя изсякла окончательно. Свобода духовныхъ бѣседъ, и преній, какая существовала даже подъ нѣмецкимъ гнетомъ Бирона, также пре-

кратилась. Полиція разогнала безъ различія сыновъ и ереси и православія, когда они, по старичному обычаю, собирались на святой недѣли у московскихъ кремлевскихъ соборовъ. По образу военной дисциплины, гдѣ резонерство воспрещается, требовалось чтобъ и въ дѣлѣ вѣры даже православные молчали и повиновались безпрекословно.

О раскольникахъ-же и говорить нечего. Самыя строгія, крутыя мѣры были принимаемы не разъ, и еще недавно, къ уменьшенію, а если можно — и къ уничтоженію расколовъ. Въ этомъ очевидно участвовала не Вѣра, а политика. Сдѣлано раздѣленіе раскольниковъ на „молящихся за царя и немолящихся за царя", и противъ послѣднихъ объявленъ неумолимый крестовый походъ. Наружно — иное какъ будто подчинилось, но въ сущности, строгость и гоненія лишь распространили толки. По слухамъ, лѣтъ 15 тому назадъ, считалось въ Россіи ококо 7 милліоновъ раскольниковъ, теперь ихъ, говорятъ больше 13 милл. Есть губерніи почти съ сплошнымъ раскольничьимъ народонаселеніемъ. Во многихъ толкахъ не то чтобы ученіе требовало не молиться за царя, а просто немолятся потому, что гоненія заглушили молитву. Члены такихъ толковъ, думаемъ, опаснѣе духоборцевъ, малаканъ и другихъ, которые не молятся за царя часто изъ догматическихъ причинъ и въ остальномъ отличаются смиренной покорностью. При всемъ скорбномъ въ такикъ явленіяхъ, нельзя однако не радоваться, что по крайней мѣрѣ прежніе безсмысленные толки по немногу ослабѣваютъ, а болѣе разумные умножаются. Очевидно, что мыслящая способность въ русскомъ народѣ развивается. На вопросъ одному раскольнику недавняго, весьма замѣчательнаго толка, кто передалъ имъ такое

ученіе, онъ отвѣчалъ: „Да сами додумались.“ Вина-ль народа предоставленнаго самому себѣ въ отношеніи вѣры, не получающаго никакого религіознаго воспитанія, имѣющаго у себя передъ глазами грубое, невѣжественное, корыстолюбивое духовенство, — его-ль вина, коли онъ пользуясь мыслящей способностію, которою щедро надѣлила его природа, самъ „додумывается“ до вѣрованій, не согласныхъ съ ученіемъ и догматами церкви? И какъ опровергнуть полицейски-принудительными мѣрами эти вѣрованія, плодъ его личныхъ размышленій? Полиція можетъ заставить замолчать, или, что еще хуже — заставить прикинуться обращеннымъ; но становому или квартальному не убѣдить въ томъ, въ чемъ не умѣетъ убѣдить и самое духовенство наше, въ которомъ, къ сожалѣнію, не много найдется людей, стоящихъ выше обрядности и проникнутыхъ любовью, этимъ единственнымъ проводникомъ свѣта истины.

Большая часть нашихъ раскольниковъ отличается нравственностію, навыкомъ къ порядку, трудолюбіемъ, а вслѣдствіе того и богатствомъ. Раскольники выселенные на Кавказъ, примѣръ чистоты нравовъ и домохозяйства для цѣлой страны. Можно смѣло сказать, что отщепенцы въ общей сложности составляютъ цвѣтъ нашего крестьянскаго сословія. Въ нихъ сосредоточено все, что въ простомъ русскомъ человѣкѣ таится самостоятельнаго. Между ними, особливо въ классѣ купеческомъ есть какъ извѣстно, значительные капиталисты. Ихъ дѣти, посѣщающія столицы или тамъ живущія, въ душѣ ужъ не раскольники, они бы не прочь отречься и отъ ереси и отъ бороды, но подобно нашимъ образованнымъ Евреямъ и польскимъ католикамъ, остаются при вѣрѣ отцовъ изъ чистой оппозиціи,

изъ негодованія противъ насильственныхъ мѣръ. Это явленіе знаменительное. Случись у насъ, чего Боже сохрани, новыя гоненія, тогда пожалуй, опять повторится, что ужъ не разъ было, и къ раскольническимъ колоніямъ въ Австріи, въ Турціи, въ Пруссіи, присоединятся свѣжія. Отдѣльно единомышленники не перестаютъ переходитъ туда и уносить съ собой значительныя суммы.

Насильственныя обращенія какъ всѣ знаютъ, не ограничивались у насъ раскольниками, онѣ совершались въ огромныхъ размѣрахъ между уніатами и католиками польскихъ провинціи и протестантами остзейскихъ. Развѣ слѣдующія поколѣнія обращенныхъ передѣлаются въ добрыхъ православныхъ и въ Русскихъ; а теперешнее куда какъ не надежно въ своей импровизованной народности и вѣрѣ! Главное-же неудобство отъ этихъ обращеній — что они еще болѣе возстановили противъ русскаго правительства и безъ того недоброжелательныхъ Поляковъ; что они возмутили давно испытанную вѣрность къ престолу остзейскаго дворянства и даже средняго сословія. Польза отъ такихъ неправыхъ обращеній перевѣшиваетъ-ли или даже уравниваетъ-ли вредъ, еще худо оцѣненный, который онѣ намъ причиняютъ? Такъ на пр. въ Польшѣ католицизмъ сдѣлался лозунгомъ еще болѣе упорной оппозиціи. — Указывая на гоненія національной церкви, образованные классы возбуждаютъ и въ польскомъ простонародѣ, до того почти чуждомъ чувству непріязни, духъ озлобленія и ненависти противъ насъ. — Не говоримъ о впечатленіи, произведенномъ въ эпоху обращеній и отнюдь не забытомъ между католическими и протестантскими народами Запада. Въ теперешней войнѣ и въ общихъ къ намъ антипатіяхъ много

участвовали крутыя, жесткія мѣры обогатившія православное населеніе Россіи стадомъ тупоумныхъ прихожанъ, въ нѣсколько милліоновъ головъ, которымъ и дѣла нѣтъ до религіи.

Не надежнѣй-ли было бы, еслибъ вмѣсто насильственнаго обрусѣнія Бѣлоруссовъ и Латышей, правительство предоставило времени и силѣ вещей такое превращеніе? — Нѣмецкій Альзасъ во Франціи можетъ служить разительнымъ примѣромъ тому, что улучшенный народный бытъ и очевидныя выгоды принадлежатъ сильному и просвѣщенному племени, служатъ вѣрнымъ средствомъ упрочить нравственный союзъ съ подвластнымъ иноплеменнымъ населеніемъ. Народъ въ Альзасѣ говоритъ до сихъ поръ на своемъ нарѣчіи; треть жителей состоитъ изъ реформатовъ, анабаптистовъ и Евреевъ; а между тѣмъ они всѣ безъ исключенія сердцемъ принадлежатъ Франціи и никакая сила, кромѣ развѣ оружія, не оторветъ ихъ отъ иноземнаго отечества. Почему Альзасъ такъ привязанъ къ Франціи? Потому что она всегда уважала его народность, не стѣсняла ни одного класса, не отняла ни одного прежняго права, и надѣлила многими новыми. Прочныя превращенія одного народа въ другой, хотя бы только политическія, совершаются исподволь, сами собой, когда подвластный народъ начинаетъ чувствовать нравственное преобразующее превосходство народа господствующаго. Такъ обрусѣли финскія и другія племена, жившія посреди Русскихъ; кто отличитъ ихъ теперь? Такъ бы обрусѣли мало по малу и нынѣшніе прозелиты противъ воли.

Въ отношеніи къ Царству Польскому и вообще къ польскому элементу въ Россіи, система обрусѣнія проводится еще съ большей послѣдователь-

ностью. Не одна вѣра отцовъ, но и языкъ и все національное образованіе, сдѣлались предметомъ самой неумолимой руссификаціи. Тамъ однако приходится имѣть дѣло съ крайне упругимъ металомъ, не поддающимся переплавкѣ.

Необходимость присоединить Польшу къ Россіи есть такое-же неизбѣжное зло, какъ и необходимость покорить Кавказъ. Кавказъ и Польша — двѣ язвы, отъ которыхъ можетъ вылечить лишь очень искусный врачъ, и противъ которыхъ героическія средства до сихъ поръ не помогали. Но, какъ намъ кажется, легче усмирить Кавказъ, чѣмъ Польшу, ибо легче сладить съ варварстомъ, чѣмъ съ образованностію, а въ Польшѣ мы встрѣтились съ образованностію старинной, многосторонней пустившей глубокіе корни, особенно въ высшихъ сословіяхъ. Побороть силою эту богатую западную образованность, чистая невозможность: всякая попытка насилія ее только что укрѣпляетъ, и нашъ молотъ только что сковываетъ въ одну массу ея составныя части. Если правда, что государственность есть тѣло, а народность душа общества, то Польша, этотъ новый Израиль, представляетъ разительный примѣръ безплотной жизни, души безъ тѣла. Связать механически душу Польши съ тѣломъ Россіи — задача противуестественная и потому неисполнимая. Пересоздать душу Польши и сдѣлатъ ее русскою, еще невозможнѣе, особливо при теперешнихъ условіяхъ. Оставалось бы еще не испытанное средство къ соединенію разнородныхъ элементовъ, о которомъ мы уже упомянули: примѣненіе къ Польшѣ, какъ и къ прочимъ присоединеннытъ провинціямъ мудрой политики Франціи въ отношеніи къ Альзасу.

Намъ возразятъ, что примѣръ Альзаса, а равно

и приведенныхъ выше финскихъ племенъ, не подходитъ ни къ Бѣлоруссіи, ни къ Остзейскимъ губерніямъ и того менѣе къ Польскому Царству. Въ Альзасѣ не существовало противъ Франціи и тѣни той вѣковой вражды, какая существуетъ въ Польшѣ противъ Россіи; что же касается до обрусѣнія финскихъ племенъ, то оно совершилось черезъ русскія колоніи, водворившіяся посреди ихъ вслѣдствіе малочисленности финскаго населенія и обширности пустопорожнихъ земель. Примѣнить методу Франціи къ нашей Польшѣ и прежнихъ русскихъ колонистовъ къ теперешнимъ Бѣлоруссамъ и Латышамъ несбыточно и невозможно.

Конечно, несбыточно и невозможно, еслибъ вздумалось прикладывать при данныхъ обстоятельствахъ тѣ-же методы безъ всякихъ измѣненій. Но мы полагаемъ, что даже теперь, послѣ столькихъ ошибокъ и превратныхъ мѣръ, была бы возможность настроить на иной ладъ дѣло нравственнаго приобщенія иноплеменныхъ провинцій къ Россіи. Сила не во внѣшней руссификаціи, а во внутренней. Говори покамѣстъ на какомъ хочешъ языкѣ, исповѣдуй какую хочешъ вѣру, только полюби Россію: вотъ что слѣдовало бы дать почувствовать нерусскимъ членамъ русскаго государства. Тогда бы руссификація совершилась сама собою. А заставить полюбить нельзя по приказу. Надо стараться внушить любовь и съ нею уваженіе къ себѣ; внушить-же и то и другое можно лишь когда поставишь себя самаго нравственно, умственно и политически выше подвластныхъ народовъ. Нѣмцы тѣ-же и въ Альзасѣ и въ городахъ или замкахъ остзейскихъ; отъ чего-жъ французскіе Нѣмцы считаютъ себя Французами, а наши — все еще Нѣмцами? Можно даже сказать, что познаньскіе

Поляки болѣе подчиняются прусскому вліянію, чѣмъ подчиняются русскому жители Царства польскаго — даромъ что между Пруссакомъ и Полякомъ гораздо менѣе общаго, нежели между Полякомъ и Русскимъ. Отчего это? Мы органичимся указаннымъ намекомъ, предоставивъ каждому дополнить нашу мысль.

Бѣда наша въ томъ, что намъ хотѣлось на всѣхъ надѣть одинъ мундиръ, на иноплеменныхъ какъ и на русскихъ. Мы были помѣшаны на однообразіи, какой-же ожидать тутъ жизни?

Къ чему на примѣръ возбуждали мы безполезное неудовольствіе на Кавказѣ, за Кавказомъ, въ Придунайскихъ княжествахъ и т. д., введеніемъ болѣе или менѣе русскаго бюрократства и администраціи? Неужели истинное государственное единство заключается въ уничтоженіи всякой особности и цѣльность державы зависитъ отъ подведенія всѣхъ подъ одинъ уровень?

Управленіе народнымъ воспитаніемъ и бытомъ.

Такое стремленіе отразилось и въ самой Россіи. Возьмемъ для примѣра дѣйствія министерства государственныхъ имуществъ. Нельзя отрицать, что устройство огромнаго числа школъ и различныхъ заведеній хозяйственныхъ и другихъ, въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, можетъ принесть и отчасти приноситъ ощутительную пользу. Трудно не согласиться и въ томъ, что русскій человѣкъ, лишенный какъ будто бы отъ природы способности начинанія, не смотря на прочія блестящія качества, нуждается въ руководителяхъ и въ понудительныхъ мѣрахъ къ разумному и дѣятельному улучшенію быта. Но всѣ эти соображенія едва ли оправдываютъ крутой путь, выбранный для достиженія

цѣли. Военные пріемы и путь многое испортили. Вмѣсто того, чтобъ учить хорошему исподволь, пріохочивая — іерархически-сложное начальство стало дѣйствовать по командѣ. При этомъ, какъ и при всемъ, что совершается въ Россіи, не обошлось безъ злоупотребленій — которыя увеличились вмѣстѣ съ умноженіемъ правителей. „Какихъ у насъ нѣтъ начальниковъ!" сказалъ намъ однажды умный государственный крестьянинъ: „и областные-то и окружные и волостные и добросовѣтные — а пуще недобросовѣтные." — Легче-ли Вамъ теперь? Спросилъ на сходкѣ одинъ высшій чиновникъ министерства. — Какъ не легче, ваше прво., отвѣчалъ кто-то изъ стариковъ: „Прежде, бывало, несешь барана на плечахъ, а теперь гонишь цѣлое стадо. Такъ оно и легче... для плечь." Независимо отъ злоупотребленій явились и правительственныя мѣры, которыя стоили ихъ; такъ на пр. нарушались права собственности при обращеніи однодворцевъ и др. въ государственныхъ крестьянъ. Возникли частные бунты; приходилось утушать ихъ силой. Словомъ, вездѣ замѣтно было отсутствіе широкаго плана въ основѣ и почтительной осмотрительности въ исполненіи.

Позволимъ себѣ общее замѣчаніе. Русскій умъ, какъ мы уже сказали, отъ природы не изобрѣтателенъ. Конечно нужно его понуждать, но необходимо и возбуждать. Водить-же цѣлый вѣкъ на помочахъ, значитъ — вовсе отучать отъ размышленія и пріучать жить чужимъ умомъ, да чужою волей. Надо по немногу снимать съ русскаго народа строгую опеку, подъ которой онъ теперь живетъ, и, чтобъ онъ достигъ зрѣлости совершеннолѣтія, исподволь вести его отъ опеки къ попечительству. Не то, онъ вѣчно останется ребенкомъ;

а такъ какъ это ребенекъ даровитый и живой, то, чего добраго, онъ, пожалуй, разшалится, и его ужъ не уймешь. Мы не говоримъ чтобы русскаго крестьянина тотчасъ-же освободить (1859); но воспитывать мало по малу къ неизбѣжному освобожденію — того настоятельно требуетъ благоразуміе. Умалчиваемъ о высшихъ требованіяхъ.

Не должно при томъ терять изъ виду и другаго основнаго правила здравой политики — не раздражать безъ крайней необходимости. Теперь у насъ нужнѣй чѣмъ когда либо, держаться этого правила. Къ счастію, все намъ ручается, что политикѣ раздраженія положенъ конецъ нынѣ царствующимъ государемъ, сильнымъ, кроткимъ и великодушнымъ въ своей силѣ. Да и пора положить ей конецъ; ибо теперь ужъ не любовь, а страхъ связываетъ русскій народъ съ правительствомъ, которое бываеть крѣпко лишь покорностію, исходящею изъ сердца. Не приведи Богъ дожить намъ до того отчаяннаго положенія, въ какомъ находится остальная Европа, гдѣ одинъ штыкъ сдерживаетъ подвластныхъ, и гдѣ разселина между ними и правителями расширяется въ бездну, грозящую поглотить весь прежній порядокъ.

Страхъ безъ любви плохой цементъ. А прежняго народнаго довѣрія и привязанности, увы! наше правительство почти лишилось. Скрытное подземное неудовольствіе овладѣло всѣми сословіями. Настоящая война (Крымъ) лишь обманчиво отвлекаетъ грозу. Съ виду, она будто даетъ общественной желчи боковой исходъ, а на повѣрку еще больше раздражаетъ народъ противъ правительства.

Почему? Потому что не смотря на оффиціальные возгласы газетъ, предводителей дворянства, старшихъ другихъ сословій и кое-какихъ частныхъ

лицъ, ослѣпленныхъ тупоуміемъ, или подлостью — съ каждымъ днемъ становится яснѣй, что интересы православія, интересы нашихъ единоверцевъ и единоплеменниковъ, ни на волосъ не участвуютъ въ борьбѣ, въ которую мы бросились очертя голову, и которая стоитъ намъ ужъ столько крови, стольких, не подъ силу, жертвъ всякаго рода. Изъ чего, для кого, на что ополчились мы, и ополчили на себя весь Западъ съ полвостокомъ? Такіе вопросы слышатся часто, и не отъ однихъ такъ называемыхъ образованныхъ. Знаетъ-ли объ этомъ правительство? Послѣднее царствованіе пріучило приближенныхъ скрывать правду, потворствовать, представлять все въ наилучшемъ свѣтѣ и тѣмъ поддерживать пагубное ослѣпленіе. Да и кто бы рѣшился на роль Якова Долгорукаго или Сюлли? Это было бы и опасно и безполезно.

Однимъ изъ доказательствъ, какъ трудно проникала правда въ заколдованный кругъ царской власти, служитъ продолжительное и неизменное существованіе теперешнѣй системы путей сообщенія. Остроты бывшаго министра „соленой воды" надъ министромъ „прѣсной" — не пробили коры, заслонявшей свѣтъ для однаго въ цѣлой Россіи. А между тѣмъ пути сообщенія — это жилы государства, въ которыхъ обращаются народныя кровь и соки. Безъ нихъ застой. Слыханное-ли дѣло, что въ одной и той-же землѣ, въ одно и то-же время, четверть овса продается по захолустьямъ степныхъ губерній за 20—25 коп. серб., а въ Петербургѣ или въ Ригѣ, по 4—5 рублей; т. е. на разстояніи тысячи верстъ въ 20 разъ дороже первоначальной цѣны? Или, что кубическая сажень дровъ стоитъ въ Одессѣ 30 руб. серб., а въ иныхъ мѣстахъ сѣверной Россіи 30 копѣекъ? — И что же? При

такихъ чудовищныхъ слѣдствіяхъ безпутія, строится у насъ желѣзная дорога между Петербургомъ и Москвою, предметъ чистой роскоши; ибо мы безъ того имѣли возможность ѣздить по шоссѣ въ двое сутокъ, да и не куда, не для чего такъ спѣшить намъ. Чтобы можно было сдѣлать внутри Россіи на десятки и сотни милліоновъ, употребленныхъ для постройки чуть не безполезной дороги! Мы увѣрены, что на ту-же сумму Сѣверо-Американцы давнымъ бы давно связали рельсами Петербургъ и Москву съ Одессой, Варшавой и Нижнимъ, да еще сберегли бы капиталъ на полдороги въ Иркутскъ, потому что частныя лица не казна, да и нѣтъ въ Америкѣ, какъ нѣтъ и въ Европѣ, нашихъ клейкихъ чиновничьихъ рукъ, къ которымъ на четыре рубля прилипаетъ три и только одинъ идетъ въ дѣло.

Прямое вмѣшательство правительства, лишающее Россію быстраго и дешеваго устройства путей сообщенія, мѣшаетъ и самымъ сообщеніямъ, торговымъ и промышленнымъ, особливо въ низшихъ сословіяхъ. Паспорты, виды, плакаты, выдаваемые съ разными затрудненіями, по запутаннѣйшимъ въ мірѣ правиламъ, на опредѣленные сроки, безъ нужды препятствуютъ легкому и свободному передвиженію лицъ съ мѣста на мѣсто. Для чегожъ такія стѣснительныя мѣры? Стоитъ только пройти однажды процедуру полученія вида на проѣздъ и на пребываніе для иностранцевъ, чтобъ понять, что это такое!

Наша промышленность и торговля страждутъ безъ того. Пора ихъ поднять и болѣе легкими сообщеніями и большимъ оживленіемъ общественнаго кредита. Для этой послѣдней цѣли необходимо между прочимъ внушить довѣріе къ кредитнымъ учрежденіямъ, оградивъ ихъ отъ произвола власти.

Что-же касается до земледѣлія, еще надолго главнаго источника нашего богатства, то нельзя не согласиться, что оно можетъ быть поднято лишь чрезъ улучшенія быта земледѣльческаго класса. Тутъ особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на помѣщичьихъ крестьянъ. Барщина, огромные господскіе посѣвы, не обуздываемые никакимъ закономъ; нужда, заставляющая народъ продавать свой хлѣбъ въ глухое время, когда еще не установились цѣны, чтобъ только добыть деньги для уплаты казенныхъ повинностей; тяжелые рекрутскіе наборы; отсутствіе охранительныхъ мѣръ противъ падежей, мѣшающихъ развитію скотоводства, а слѣдственно и удобренію земли, истощаемой до нельзя невѣжествомъ и жадностію, да и многое другое — давно бы должны были обратить на себя вниманіе просвѣщеннаго правительства. Наше земледѣліе страждетъ и отъ крѣпостнаго состоянія и отъ дурныхъ методъ въ хлѣбопашествѣ и отъ недостатка въ путяхъ сообщенія, подавляющаго цѣны на сельскія произведенія и дѣлающаго правильное, своевременное продовольствіе невозможнымъ. Стыдно и горько вспомнить, что въ Россіи, не смотря на ея черноземъ, на огромное количество распашной земли и сбираемаго съ нея хлѣба, почти не проходитъ года безъ мѣстнаго, иногда сильнаго голода. Въ одно и тоже время, когда на пр. въ Малороссіи, по недостатку рукъ и по обильному урожаю, помѣщики нанимаютъ жнецовъ изполу или даже изъ двухъ третей жатвы, и не всегда ихъ находятъ, — гдѣ нибудь на сѣверѣ оттуда, въ западныхъ губерніяхъ, народъ умираетъ отъ недостатка въ хлѣбѣ или покидаетъ жилища, чтобъ искать пропитанія христа ради.

Дайте частнымъ компаніямъ возможность про-

лагать дороги, а нашимъ обществамъ сельскаго хозяйства право изучать и обсуживать коренныя препятствія къ улучшенному земледѣлію, на которыя отчасти мы намекали выше; и тогда, изъ живой среди различныхъ мѣстностей, въ короткое время возникнетъ для общественнаго продовольствія, для хлѣбопашества, больше плодотворнаго, чѣмъ изо всѣхъ правительственныхъ мѣръ, сочинявшихся доселѣ въ отвлеченной сферѣ петербургскаго управленія. Только въ Петербургѣ могутъ приходить на мысль улучшенія, въ родѣ посѣва кукурузы въ Смоленской, Калужской, Тульской и другихъ среднихъ губерніяхъ, въ подспорье на случай неурожаевъ. Общій хохотъ былъ отвѣтомъ на такое предложеніе однаго изъ прежнихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ. Но есть предложенія или предписанія, на которыя нельзя отвѣчать однимъ хохотомъ. Съ землею иногда труднѣе сладить, чѣмъ съ людьми. Людей легче дресировать.

Общественное образованіе.

Обратимся къ системѣ общественнаго образованія, введенной при покойномъ императорѣ. Въ ней поражаютъ двѣ особенности: поглощеніе домашняго воспитанія государственнымъ и преобладаніе воспитанія военнаго надъ гражданскимъ.

Никогда, ни въ какой странѣ, не существовало такого множества военно-учебныхъ заведеній всякаго рода, какъ теперь въ Россіи. Чрезмѣрное умноженіе корпусовъ вызвано и желаніемъ воспитать съ измальства безпрекословныхъ слугъ царскихъ — и потребностью образовать для такой огромной арміи, какова наша, надлежащее число спеціально приготовленныхъ офицеровъ.

Иные скажутъ, что при императорѣ Александрѣ офицеры отличались не меньшей противъ тепершнихъ способностью къ службѣ, и ужъ конечно большей образованностью; а число корпусовъ и воспитанниковъ едваль доходило и до одной десятой сравнительно съ нынѣшними. Но имъ возразятъ: за то, вольная образованность александровскихъ офицеровъ и привела многихъ изъ нихъ къ 14 Декабрю.

Роковое это событіе? Оно положило у насъ на все свою черную печать. По примѣру Григорія VII, отрѣшившаго католическое духовенство отъ семьи и отечества, мы создали систему воспитанія, которой единственная цѣль — вскормить покорныхъ слугъ царя и пропитать ихъ съ колыбели духомъ безусловнаго повиновенія. Вслѣдствіе этого экстерны не допущены, всѣ должны жить въ далекѣ отъ семѣйствъ, въ корпусныхъ зданіяхъ и жить отъ девятилѣтняго возраста вплоть до выпуска. Десять лучшихъ лѣтъ жизни, лѣтъ воспріимчивости и живыхъ впѣчатлѣній, проводятся дѣтьми въ стѣнахъ корпусовъ, въ мундирности ума и воли, въ чисто солдатской дисциплинѣ. Молодой человѣкъ, выйдя изъ такой школы, отвыкаетъ отъ семьи, отъ родины и безраздѣльно всего душей принадлежитъ одному царю. Страшный рычагъ — годный на всякое употребленіе.

Еще не давно было у насъ въ модѣ нападать на коммунизмъ, но его противники не замѣчаютъ, что ихъ справедливыя нападенія косвенно осуждаютъ и систему военно-учебныхъ заведеній. У коммунистовъ какъ и у Іезуитовъ, мысль таже, что и въ корпусахъ. Весь за государство, весь за церковь весь за царя — тутъ разница только на названіяхъ.

Даже съ точки оффиціальной нельзя не признать существеннаго недостатка въ устройствѣ военныхъ школъ, общее образованіе приносится въ жертву соціальному, черезъ что послѣднее неизбѣжно превращается въ рутину и кладетъ на питомцевъ клеймо ограниченности. Чего ожидать отъ мальчика, который съ девятилѣтняго возраста исключительно отдается на выучку какому нибудь отдѣльному предмету, какъ ремеслу, съ обходомъ истинно научнаго образованія? Его взглядъ становится по неволѣ не объемистъ, узокъ и онъ чувствуетъ себя какъ будто на затерянномъ островѣ, умственно отрѣзаннымъ отъ остальнаго міра. Спрашиваемъ, можно-ли быть истинно дѣльнымъ артиллеристомъ — и безграмотнымъ, топографомъ и не знать географіи и т. д.? А между тѣмъ многіе ли изъ обучавшихся въ военно-учебныхъ заведеніяхъ умѣютъ написать письмо съ толкомъ и безъ ошибокъ; многіе-ли при чтеніи газетъ (если только ихъ читаютъ), въ состояніи дать себѣ отчетъ въ событіяхъ послѣдняго времени связанныхъ неразрывно съ исторіей новѣйшей? Вѣдь исторія съ 1815 года имъ не преподается вовсе!

На низшихъ ступеняхъ невѣжество еще сносно, но вѣдь у насъ, кто служитъ, тотъ повышается: каковъ-же начальникъ, поднявшійся изъ такого разсадника?

„Ну какая польза отъ вашей образованности коли вы не умѣете стоять передъ начальникомъ?“ сказалъ когда-то одинъ молодой полковникъ офицеру изъ студентовъ, который перенесъ и въ военную службу свои развязныя движенія. Въ этомъ замѣчаніи таится вся сущность теперешняго взгляда на военное ремесло. Умѣй стоять передъ начальникомъ — вотъ главное; а прочее все вздоръ.

Крымская война раскрыла послѣдствія такой односторонней, ограниченней выучки. Что хорошо для солдата, то не всегда годится для офицера, и еще менѣе для генерала. Мужество и хладнокровіе въ дѣлѣ — отличительная черта Русскаго; но достаточно-ли этихъ качествъ, какъ они ни драгоцѣнны, для личныхъ соображенiй и распорядительности, коль скоро приходится — не исполнять приказъ, а дѣйствовать собственной головою!

Нѣсколько времени тому назадъ, у насъ приписывали одному лицу, теперь вдвойнѣ священному, одну достопамятную фразу: „чего удивляться, что у насъ нѣтъ головъ, когда мы ихъ 30 лѣтъ снимали?“ Это лицо, по своему тогдашнему положенiю, могло лучше всѣхъ судить, откуда происходитъ наше безголовье.

Упомянутая фраза получаетъ еще болшее значеніе, когда вспомнимъ другую, другаго лица: „мнѣ нужны не умники, а исполнители.“ Вышло, что нѣтъ ни умниковъ, ни даже дѣльныхъ исполнителей. Поучительный урокъ, которымъ, надобно надѣяться, воспользуемся!

Паралельно съ умноженіемъ корпусовъ стали у насъ измѣняться и скудѣть преимущества гражданскихъ учебныхъ заведенiй. Такъ на пр. вмѣсто прежняго неограниченнаго числа студентовъ въ Университетахъ, опредѣленъ самый незначительный maximum для всѣхъ факультетовъ, за исключеніемъ медицинскаго; уничтожены или безобразно измѣнены, нѣкоторыя каѳедры, прежде считавшіяся необходимымъ условіемъ основательнаго образованія; програмы и лекціи преподавателей, ихъ методы и взглядъ на науку, подвергнуты самому строгому надзору, самымъ разнообразнымъ ограниченіямъ. Сверхъ того, въ послѣднее время введено, сущест-

вовавшее уже въ гимназіяхъ — ротное и батальонное ученье, обязательное для всѣхъ студентовъ, и возстановлены каѳедры военныхъ наукъ, но только въ физико-математическихъ факультетахъ; черезъ что „шагистика“ сдѣлалась для прочихъ студентовъ предметомъ или безполезнымъ или неудовлетворительнымъ смотря потому, куда они себя назначаютъ. Въ довершеніе, не только казеннокоштные, но и своекоштные студенты подчинены строгимъ военнымъ правиламъ въ одеждѣ, при появленіи на улицѣ или въ общественныхъ мѣстахъ; для первыхъ изъ нихъ устроено нѣчто въ родѣ казармъ, гдѣ они помѣщаются и живутъ почти на военную ногу. Студентъ обязанъ дѣлать фронтъ передъ профессорами и всѣми непосредственными начальниками (такъ по крайней мѣрѣ было заведено въ Харьковѣ), а также и передъ генералами. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ допускаются вслѣдствіе столичной жизни, нѣкоторыя уклоненія отъ упомянутыхъ строгихъ правилъ; но надо побывать въ прочихъ университетскихъ городахъ, чтобъ видѣть какъ соблюдается дисциплина и до какой степени студентъ превращенъ въ кадета.

Справедливость требуетъ сказать, что одинъ изъ министровъ послѣдняго царствованія, тотъ который такъ долго и такъ блистательно стоялъ во главѣ народнаго просвѣщенія, принесъ ему несомнѣнную пользу, и, можетъ быть, сдѣлалъ для него все, что могъ. Память объ управленіи графа Уварова останется въ Россіи на долго. Тѣмъ не менѣе онъ былъ орудіемъ многихъ вольныхъ или невольныхъ мѣръ, которыя, конечно, не подвинули впередъ нашего общественнаго образованія. Но будемъ благодарны и за оказанныя услуги, тѣмъ болѣе достойныя признательности, что министру прихо-

дилось бороться съ большими препятствіями, съ сильными предубѣжденіями и нерѣдко прибѣгать къ сдѣлкамъ, которыя должны были глубоко огорчать его просвѣщенный умъ.

Мы сказали выше, что кромѣ чрезмѣрнаго разширенія военнаго образованія въ ущербъ гражданскому, у насъ замѣчается и крайнее развитіе государственнаго воспитанія въ ущербъ домашнему. Упадку послѣдняго много содѣйствовало увеличеніе числа предметовъ, требуемыхъ отъ вступающихъ не только въ университеты, но и въ гимназіи, а слѣдственно и трудность приготовить дома къ вступительному экзамену по существующей сложной программѣ. Другую причину упадка должно искать въ строгихъ мѣрахъ, затруднившихъ пріѣздъ иностранныхъ преподавателей, которые, по принятому у насъ обычаю, считаются необходимыми для обученія европейскимъ языкамъ и литературѣ. Наконецъ разныя удобства и преимущества военно-учебныхъ заведеній, разсыпанныхъ по цѣлой имперіи, привлекаютъ къ нимъ большинство юношества изъ средняго дворянскаго сословія.

Общій результатъ всѣхъ упомянутыхъ мѣръ очевиденъ. Новыя поколѣнія выросли и ростутъ въ духѣ казенной формалистики и военной дисциплины; все живое, самобытное, въ нихъ немилосердно подавлено и общественное образованіе болѣе или менѣе превращено въ общественную дресировку.

Литература и гасительныя мѣры.

Мысль дресировать Россію и дать ея умственной дѣятельности указную форму, не остановилась на воспитаніи; она перешла и на литературу.

Съ Петра и особенно съ Екатерины, литература, цвѣтъ народнаго ума, развилась у насъ вмѣстѣ съ

общимъ развитіемъ просвѣщенія, чему много содѣйствовала мягкая, снисходительная цензура. Но по мѣрѣ того, какъ увеличивались объемъ и значеніе литературы, дѣйствія цензуры становились все строже и строже и дошли въ послѣднее время до неимовѣрной придирчивости, мелочной, тупоумной. Исторія русской цензуры была бы весьма поучительна. Изъ нея можнобъ было видѣть какъ смирительный камзолъ съуживался постепенно вмѣстѣ съ расширеніемъ мысли. Въ настоящее время не только что запрещается перепечатывать цѣликомъ многія изъ сочиненій, вышедшихъ при Екатеринѣ или при Александрѣ; но есть книги, появившіяся лѣтъ пять, или десять тому назадъ, которыхъ не дозволяется издавать вновь (Писаревъ, Чернышевскій и пр.). Первоначальный цензурный уставъ, довольно снисходительный, почти отмѣненъ, вслѣдствіе безчисленныхъ дополненій и секретныхъ предписаній. Огромная отвѣтственность которой подвергаются цензоры, разнуздываетъ ихъ произволъ до нельзя. Повѣрятъ-ли через 20 — будемъ надѣяться даже черезъ 10 лѣтъ, что въ поваренныхъ книгахъ зачеркивается техническое выраженіе ‚въ вольномъ духу', или въ медицинскихъ сочиненіяхъ другое техническое ‚Kaiserschnitt'; что исправляются историческія надписи, имена урочищь и т. д., согласно съ какими-то непонятными или непонятыми предписаніями; что при печати исключаются цѣлыя мѣста изъ драматическихъ пьесъ уже просмотренныхъ театральной цензурой; что подвергаются пересмотру и исправленію даже газетныя объявленія, по разрѣшеніи ихъ оберъполицеймейстеромъ и проч. и проч.? Не будемъ однако слишкомъ строги къ бѣднымъ цензорамъ, поставленнымъ подъ перекрестный огонь различныхъ вѣдомствъ. Вспомнимъ, что надъ ихъ головами

висятъ десятки дамоклесовыхъ мечей. Министръ просвѣщенія съ своими чиновниками ad hoc, III. Отдѣленіе, высшій или негласный цензурный комитетъ, и — для разнообразія столько еще отдѣлныхъ цензуръ, сколько отдѣльныхъ вѣдомствъ. Вѣдь у насъ не только закономъ установленныя цензуры — гражданская, духовная, военная, медицинская, театральная, полицейская; но и цензуры de ipso facto такого-то министра, статсъ-секретаря и т. д. Гдѣжъ въ этомъ хаосѣ найтись людямъ, по большей части не отличающимся богатствомъ соображеній и справедливо думающимъ что строгость не подвергаетъ ихъ ни малѣйшей отвѣтственности, а снисходительность подвергаетъ огромной?

Мы бы никогда не пришли къ концу, еслибъ стали исчислять всѣ вредныя послѣдствія отъ безсмысленной цензурной строгости. Укажемъ мимоходомъ на два предмета, подвергающіеся особеннымъ гоненіямъ — на критику и на статистику.

Критика вызывающая къ благородной полемикѣ, есть проточная вода въ литературной и ученой жизни; гдѣ ея нѣтъ — тамъ застой и плесня. Критика и полемика у насъ подавлены вовсе, потому что въ нихъ легко проявляется самостоятельность и даже рѣзкость тона, а этого то всего больше и боятся. Наши ученые труды ограничиваются теперь сухимъ изложеніемъ предмета, съ робкой оцѣнкой и взглядомъ изъ подлобья. Столько предметовъ исключено изъ круга ученой и литературной дѣятельности, что на каждомъ шагу становишся въ тупикъ, озираешся и спрашиваешь себя: пропустятъ-ли это, или не пропустятъ? Цензурныя оглядки стѣсняютъ грудь, откуда исходитъ голосъ, и цѣпенятъ руку, которая пишетъ. Извѣстно, что современная наука и мысль болѣе

и болѣе стремятся къ единству, неразрывно связывая между собою всѣ отрасли знанія. Теперь нельзя коснуться предмета, какъ бы невиненъ онъ ни былъ, безъ того, чтобы не заглянуть въ другія области. А тутъ-то васъ и застаетъ цензоръ; тутъ-то и урѣзываетъ вашъ трудъ своими ножницами, или безжалостно отсылаетъ васъ къ другимъ цензорамъ.

Особенно трудно избѣжать соприкосновенія съ близкими къ труду предметами въ статистическихъ изслѣдованіяхъ. Статистика касается всего, ибо она объемлетъ всю общественную жизнь. Оттого-то приходится ей и обличать многое. А обличенія у насъ не терпятся. Вотъ почему въ такомъ сильномъ загонѣ эта собирательница данныхъ для узнанія государства. Данныя глупы и грубы; они не льстятъ когда правдивы. За то и боимся мы статистики, почти наравнѣ съ политической экономіей, философіей, или новѣйшей исторіей. Статистическія свѣдѣнія какъ будто собираются у насъ мѣстными начальствами, какъ будто и приводятся въ порядокъ центральными бюро; но какъ они собираются, какіе изъ нихъ дѣлаютъ выводы! Про это знаютъ люди, хоть сколько нибудь знакомые съ дѣломъ.

Гасильная система принимаетъ у насъ огромные размѣры. Она касается не одной литературы, но объемлетъ все — въ чемъ только проявляется стремленіе къ образованности выходящей изъ тѣсной казенной рамы.

Такъ въ 1849 году, въ разгаръ реактивныхъ мѣръ, нѣкоторые ревнители мрака дошли до того, что предлагали вовсе остановить выдачу паспортовъ въ чужіе края, находя, что пятилѣтній, а потомъ и двухълѣтній срокъ для дворянъ (для прочихъ-

же сословій и того меньше) что значительная, недавно удвоенная пошлина за паспорты, и другія ограниченія, все еще недостаточны для обузданія охоты ѣздить за границу, и что слѣдуетъ разомъ прекратить зло. Для этихъ гасильниковъ было мало того, что переселеніе въ чужое государство вмѣнялось русскому подданному въ преступленіе, вопреки и прежнимъ обычаямъ и примѣру всѣхъ прочихъ странъ, даже варварскихъ; что не позволялось никому открыто слѣдовать своимъ убѣжденіямъ въ дѣлѣ вѣры, и воспрещался православнымъ всякій переходъ въ другое исповѣданіе, или даже несоблюденіе церковныхъ постановленій — нѣтъ, эти поклонники тьмы еще предлагали выстроить китайскую стѣну между Россіей а остальной Европой!

Нашлись другіе, которые перещеголяли первыхъ. Эти другіе требовали остмотра всѣхъ библіотекъ въ цѣлой Россіи, чтобъ увѣриться сколько у кого запрещенныхъ книгъ, и такимъ образомъ опредѣлить благонамѣренность или неблагонамѣренность каждаго. Стѣсненіе личности и ея правъ на перемѣщеніе, совѣсти и ея правъ на проявленіе себя, должно было довершится стѣсненіемъ собственности, гдѣ бы докапывались, что происходитъ въ совѣсти и въ умѣ образованнаго сословія.

Знаете-ли кто, судя по слухамъ, помѣшалъ чудовищнымъ планамъ нашихъ Торквемадъ? Не ученый, не высокообразованный человѣкъ, а пуще всего — не питомецъ истекшаго царствованія, но старый воинъ времени Александра, дѣйствительный предсѣдатель государственнаго совѣта. Честь и слава доблестному мужу александровскихъ временъ! Только люди того времени и умѣли сколько нибудь отстаивать прежнія права и вѣчныя требованія справедливости.

Вставимъ здѣсь замѣчаніе, которое невольно просится подъ перо. Предшествующія царствованія обыкновенно подготовляютъ людей къ послѣдующимъ. Если при Николаѣ было хоть сколько нибудь замѣчательныхъ людей во главѣ управленія, то онъ ими объязанъ временамъ Александра. Откуда придется брать помощниковъ нынѣ царствующему государю императору? Александровскіе люди вымираютъ, а новыхъ нѣтъ.

При этомъ спроситъ иной: отчего первая четверть вѣка воспитала людей, а вторая не воспитала?

Оттого, что въ первой черверти вѣка было больше простора мысли. Мысль упражнялась, а не стояла въ раболѣпной неподвижности; ничто-же не придаетъ столько крѣпости, какъ упражненіе.

Намъ скажутъ: строгости противъ свободнаго проявленія мысли были вызваны ея уклоненіями отъ надлежащаго пути.

Положимъ, что это и такъ; положимъ, что наша литература впадала въ нѣкоторыя крайности. Слѣдуетъ-ли изъ того, чтобъ только въ противуположной крайности и было спасеніе? Власть, которая дорожитъ общимъ уваженіемъ, нникогда и ни въ чемъ не должна поддаваться страсти; ибо всякое величество (а власть величество) стоитъ выше страсти; ибо строгость раздражаетъ и вызываетъ къ противудѣйствію. Контрабанда тамъ и сильна, гдѣ господствуетъ запретительная система. Русскому уму, который всегда любилъ просторъ, и, право, уже достигъ совершеннолѣтія, тѣсно и душно въ дѣтскихъ пеленкахъ секретныхъ дополненій къ цензурному уставу; онъ рвется наружу и, находя законный путь предражденнымъ для себя, ищетъ проложить боковое ложе. Такія уклоненія отъ естественнаго пути могутъ быть опасны.

Есть и другаго рода необходимость въ смягченіи цензуры и въ допущеніи хоть ограниченной гласности. Черезъ ея отсутсвіе правительство отнимаетъ у себя возможность знать правду. Вокругъ него теперь все молчитъ или вторитъ. Оно знаетъ лишь Россію оффиціальную, у которой все затянуто въ мундиръ и талія и умъ, и чувство, и выраженіе ихъ въ словѣ. Оно живетъ и правитъ на краю Россіи, на берегу Финскаго залива, въ географическомъ и нравственномъ отчужденіи отъ зерна государства; живетъ и правитъ посреди чуть не идеальной сферы, куда дѣйствительность проникаетъ лишь сквозь груды докладовъ и отношеній. Пора бы ему наконецъ ознакомится съ Россіей настоящей, наивной, искренной, которая бы говорила что думаетъ, не льстила, не лицемѣрила, не скрывала своихъ потаенныхъ мыслей подъ лживымъ фразерствомъ. Мундирная Россія не скажетъ правды; напротивъ, она скрываетъ истину, потому что въ этомъ ея выгода.

При не нормальномъ положеніи Россіи и ея правительства, роль Москвы чрезвычайно важна. Она — главная хранительница нашего наивнаго начала, хранительница русской оригинальности. Это значеніе ея, правда, по немногу стирается, особливо съ тѣхъ поръ, какъ Петербургъ сталъ перетягивать къ себѣ всѣ ея лучшія силы, и желѣзная дорога довершаетъ дѣло поглащенія. Но тѣмъ насроятельнѣе поддерживать въ ней, черезъ большой просторъ мысли, развитіе свѣжаго, неискаженнаго начала русской жизни. Почти все что наша журналистика, литература, наука, даже администрація, представляютъ дѣльнаго и серьезно образованнаго, является въ Москвѣ, или присылается Москвою. По этому, въ правѣ Москва ожидать поощренія и

приволья, котораго лишилась. Самостоятельность нужна для нея, какъ и она для самостоятельности. Въ такія времена литературы, она почти замѣняла намъ ея онемѣвшій языкъ. Путемъ-же гласности, древняя столица ознакомитъ и Петербургъ съ настоящимъ положеніемъ народа и страны.

Да, необходимо дать русской мысли, въ Москвѣ, какъ и вездѣ, хоть сколько нибудь простору; необходимо и для того, чтобъ вылечить отъ болѣе и болѣе одолѣвающаго насъ равнодушія и эгоизма слѣдствій безнадежности, чтобъ отъучить отъ повадки зажимать уши и закрывать глаза, только-бъ не видать и не слыхать что во кругъ насъ дѣлается. Мы теперь хлопочемъ лишь о томъ, чтобъ намъ безъ помѣхи дремать умственно и прозябать матерьяльно.

Долго еще оставаться въ губительномъ застоѣ? Пора встрепенуться. Но, чтобъ насъ разбудить и вызвать къ полезной дѣятельности, для того нужна — повторяемъ опять и готовы повторять безпрестанно — нужна гласность.

Да будетъ свѣтъ!

Гласность! Великое слово! Злоупотребленія ничего не доказываютъ: чего не злоупотреблялъ человѣкъ! Даже Божій свѣтъ; а гласность есть тотъ-же свѣтъ.

Да озарится Россія свѣтомъ гласности, да не укроются отъ нея и злыя и добрыя дѣла! Одна гласность въ силахъ оградить насъ отъ беззаконій правосудія, отженить отъ нашего языка лесть, ложь, лицемѣріе, поднять насъ и облагородить.

И чего-бъ, казалось, боятся мысли, искренно, скромно и честно выраженной? Мысль можно сравнить съ женщиной. Ихъ судьбы почти вездѣ

нераздѣлны. На Востокѣ женщина и мысль заключены и появляются на свѣтъ лишь подъ покровомъ. На Западѣ Европы онѣ впали въ другую крайность, и о безграничной эманципаціи слова всего болѣе настаивали тамъ, гдѣ и женщины настаивали на свою эманципацію. Мы же не даромъ на рубежѣ Европы и Азіи, на рубежѣ восточнаго оцѣпененія и западной распущенности. Пусть воспитаютъ русскую мысль, какъ Петръ Великій воспиталъ русскую женщину; пусть освободятъ ее подъ христіанскимъ условіемъ скромности. Христіанство освободило и женщину и слово, но въ предѣлахъ стыдливости и честности. Честнымъ-же можетъ быть только тотъ, кто искрененъ. Пусть же русское правительство благороднымъ довѣріемъ къ искренной мысли, воспитаетъ въ насъ лучшую изъ ценсуръ — общественную совѣсть. Въ Англіи, при неограниченной свободѣ книгопечатанія, почти ни одинъ изъ тлетворныхъ французскихъ романовъ не переводится, потому что не находитъ читателей. Примѣръ поучительный!

Мы слѣдовали до сихъ поръ австрійской системѣ Меттерниха; послѣдуемъ ей и теперь въ ея новомъ, измѣненномъ видѣ, вызванномъ настоятельными требованіями вѣка. Недавно на просьбу врачей возстановить медицинскую ценсуру, австрійское правительство отозвалось, что законъ о тисненіи, отмѣняющій предварительную ценсуру и дающій всѣмъ австрійскимъ подданнымъ право безпрепятственно выражать свои мысли, лежитъ краеугольнымъ камнемъ въ основаніи новаго государственнаго порядка и отнюдь не допускаетъ никакихъ исключеній.

Кто-же говоритъ это? Правительство, принявшее наслѣдство отъ Меттерниха и въ главномъ еще

слѣдующее преданіямъ его политики! Оно чувствуетъ, что для паровой машины необходимъ клапанъ (soupape de sûreté), и что этотъ клапанъ — есть гласность.

Мы имѣемъ поводъ думать, что нашъ новый правитель, для противудѣйствія лигѣ Западныхъ Державъ, не прочь возобновить такъ названный священный союзъ. Въ отношеніи къ Австріи для насъ не можетъ быть средины: или мы должны стереть ея имя съ европейской карты, или, если въ томъ не успѣемъ, имѣть ее по прежнему своей союзницей. Но для того, чтобъ съ нею, какъ и съ Пруссіей могла возобновиться прочная связь, необходимо, чтобъ въ основаніи такой связи лежали новыя начала, по которымъ реорганизованы оба государства. Тогда только нашъ союзъ съ ними и не возстановитъ противъ себя народы, подвластные этимъ державамъ; ибо они поймутъ, что тутъ идетъ дѣло не объ упорномъ консервативномъ принципѣ, въ которомъ привыкли видѣть лишь вѣчно грозящій заговоръ противъ свободы, но о естественныхъ и коренныхъ интересахъ европейскаго Востока ищущихъ оплота противъ Запада. Если-жъ мы внушимъ довѣріе къ своей политикѣ, то это довѣріе удесятеритъ силу нашего нравственнаго вліянія въ Германіи. Тогда намъ будетъ возможно укрѣпить разрывающійся союзъ между подданными и правительствами, а съ опорой на него и союзъ между членами прежней тріархіи. Говоря вообще, не подлежитъ сомнѣнію, что отъ характера нашей внутренней политики будетъ зависить и успѣхъ политики внѣшней.

И такъ съ какой точки ни смотрѣть на будущее Россіи, съ внѣшней или внутренней, мы все придемъ къ одному и тому-же, къ необходимости

измѣнить политику у себя дома, давъ прежде всего просторъ русскому уму и русскимъ силамъ, чтобъ имъ было гдѣ развернуться и расправиться послѣ долгаго застоя.

Простору намъ, простору! Того только и жаждемъ мы, всѣ мы, отъ крестьянина до вельможи, какъ изсохшая земля жаждетъ живительнаго дождя. Мы всѣ простираемъ руки къ престолу и молимъ: простору намъ, державный царь! Наши члены онѣмѣли; мы отвыкли дышать свободно. Просторъ намъ нуженъ какъ воздухъ, какъ хлѣбъ, какъ свѣтъ Божій! онъ нуженъ для каждаго изъ насъ, нуженъ для всей Россіи, для ея процвѣтанія внутри, для ея огражденія и крѣпости извнѣ.

Одно послѣднее слово, обращаюсь къ вамъ, мои братья по родинѣ, все равно — Русскіе-ли вы изъ великой, малой и бѣлой Россіи, Поляки ли, Нѣмцы или Финляндцы; обращаюсь особливо къ тебѣ, молодое поколѣніе, цвѣтъ и надежда отечества.

Пуще всего будемъ избѣгать опромечтивости, несбыточныхъ желаній и цѣлей, всего, что при невѣрной пользѣ, моглобъ нанести намъ всѣмъ несомнѣнный вредъ. Время радикализма, кажется, прошло даже для западной Европы. У насъ-же ему не слѣдуетъ и возникать; ибо у насъ всякое начинаніе истекаетъ сверху. Да и показалъ горькій опытъ, что попытки снизу къ насильственному измѣненію существующаго вызывали одно лишь усиленіе строгости. Покажемъ полное довѣріе къ молодому царю, къ его благородному, прямому характеру, расторенному благодушіемъ.

На первыхъ порахъ ему предстоитъ не столько дѣлать, сколько раздѣлывать; но именно отмѣны уже совершенныя, утверждаютъ въ насъ живыя надежды и вѣру въ него. Поддержимъ же

и утѣшимъ его своимъ дружнымъ довѣріемъ въ трудной внѣшней борьбѣ, имъ наслѣдованной, и да будетъ ему невѣдома внутренняя. Окружимъ его престолъ любовью, да отзовется и въ немъ тоже чувство — любовь къ намъ на общемъ съ нимъ пути къ добру, любовь къ истинѣ и правдѣ, въ какомъ бы видѣ онѣ ни явились, откуда бы ни раздался ихъ голосъ. Тогда ему нечего опасаться оппозиціи злостной и разрушающей, оппозиціи не русской — а потому не для чего и преслѣдовать почтительное, добронамѣренное выраженіе искреннихъ чувствъ и помысловъ, направленныхъ къ единой съ нимъ цѣли — къ разумному благу и развитію отечества. Да будетъ навсегда онъ съ нами, а мы съ нимъ, и да возвеличится Россія!

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій — человѣкъ:
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ — свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать!*)

Марта 1855.

---

*) Стихотвореніе Жуковскаго на рожденіе нынѣ царствующаго государя императора. Да чтожъ? Надежды исполнились?

ЗАПИСКА

Статсъ-секретаря, тайнаго совѣтника Марченко о событіяхъ совершившихся при восшествіи на престолъ императора Николая I.

По полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I-го, собранъ былъ ночью государственный совѣтъ и распечатана духовная, по силѣ которой за отреченіемъ его высочества Великаго Князя Константина Павловича, надлежало вступить на престолъ его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Павловичу; но онъ тутъ же отозвался, что отрѣченіе Великаго Князя не есть отрѣченіе Императора, что духовная не была въ свое время сдѣлана гласною манифестомъ и что онъ, сохраняя коренной законъ о наслѣдіи, самъ первый принесетъ присягу императору Константину; что и исполнено на другой день рано по утру въ большой церкви Зимняго Дворца.

Сей рѣшительный, безпрекословно правдивый и благородный поступокъ — представлялъ однако въ самомъ началѣ недоумѣніе и даже опасеніе, какъ присягать Совѣту, Синоду и Сенату, имѣющимъ равныя экземпляры духовной — Александра на сохраненіи, когда воля его должна быть священна до-

обнародованія новаго императора? Какъ безъ манифеста сего послѣдняго, приводить Россію къ присягѣ? Какъ оправдываться въ утайкѣ духовной, когда Константинъ Павловичъ не вступитъ на престолъ? Какъ сокрыть ее, ежели онъ вступитъ, когда въ совѣтѣ она оглашена уже и можетъ быть вскрытъ также въ Москвѣ конвертъ, хранившійся въ Успенскомъ соборѣ? Словомъ, понимали, что дѣло какъ то неладно, но шагъ сдѣланъ: Совѣтъ, Синодъ, и Сенатъ пошли въ свои церкви и присягнули; отъ своего имени, безъ манифеста; рѣшился сенатъ сдѣлать предписаніе о повсемѣстной присягѣ Императору Константину, и мы оставались 16 дней безъ повелителя. Ибо изъ Варшавы отъ Константина Павловича не было манифеста, а Николай Павловичъ оставался здѣсь послѣ присяги, въ своей сферѣ. Положеніе столицы при полномъ спокойствіи, было непонятно: первые дни всѣ поражены были ужасною мыслію о неожиданной потерѣ Александра, но когда скорбь начала слабѣть, разнеслась шопотомъ молва о духовной; стали судить о скорой присягѣ, о медленномъ пріѣздѣ сюда Цесаревича и проч.

Городъ не зналъ тогда, что Константинъ Павловичъ, получивъ прямо изъ Таганрога извѣстіе о кончинѣ Александра I-го, тотчасъ подтвердилъ отрѣченіе отъ престола письмами къ матушкѣ и брату Николаю Павловичу, которыя получены здѣсь по учиненіи уже присяги. Отъ этого завязалась семейная переписка бывшая тайною двора, и наконецъ отправленъ въ Варшаву его высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ, о чемъ такъ же немногіе знали, но въ теченіи послѣдней недѣли, два слуха прошли по городу: 1) Сенатъ, предписавъ о повсемѣстной присягѣ, донесъ о томъ

Императору Константину Павловичу. Служившій въ сенатѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ Никитинъ выхлопоталъ, чтобъ его послали съ этимъ донесеніемъ въ Варшаву; только Никитина изъ Бѣлостока не пропустили далѣе, а депеши отправили къ Константину Павловичу. Это расказывали со смѣхомъ, потому что будто наложница М. Ю. князя Лобанова получила 10-тысячь руб. съ Никитина за то, что бы старикъ М. Ю. послалъ его вмѣсто обыкновеннаго сенатскаго курьера. 2) Пріѣхавшіе съ Рижскаго тракта сказывали, что его высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ не поѣхалъ въ Варшаву, а живетъ на почтовой станціи за Нарвою.

Къ симъ непостижимостямъ прибавилось еще прибытіе изъ Грузина графа Аракчеева. Съ Сентября мѣсяца, когда зарѣзана старая любовница его Настасья, онъ жилъ въ деревнѣ и сбросивъ съ себя служебныя обязанности, занимался истребленіемъ дворни своей и личнымъ вліяніемъ на уголовный судъ и Новгородскаго губернатора Жеребцова, изгнаннаго послѣ за излишнюю ему угодливость изъ службы; но предчувствіе ли, тайныя ли извѣстія при увѣренности сколь онъ ненавидимъ въ военномъ поселеніи, заставили его переѣхать въ С. Петербургъ и запереться такъ, что непустилъ даже къ себѣ военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, пріѣзжавшаго съ порученіемъ отъ Николая Павловича. Потеря духа его была столь велика, что кстати расказать здѣсь анекдотъ о полицеймейстерѣ Чихачевѣ: онъ былъ адъютантомъ графа Аракчеева, чрезъ него получилъ и мѣсто полицеймейстера, исполнялъ всѣ его коммиссіи, словомъ былъ и домашній человѣкъ и пріятель такой руки, что часто графъ посылалъ ему сказать по утру,

что сего дня будетъ у него обѣдать. Чихачевъ, видѣвшій графа въ послѣдній разъ въ Грузинѣ въ день похоронъ Настасьи (когда, о подлость величайшая! архимандритъ Фотій въ надгробной рѣчи утѣшалъ Аракчеева предвѣстіемъ, что зарѣзанная поступила въ сонмъ великомучеництъ), узнавъ ночью о пріѣздѣ графа, поспѣшилъ поутру заѣхать къ нему, но въ три пріема получилъ одинакій отвѣтъ: что рѣшительно не велѣно ни объ комъ докладывать. Вечеромъ часу въ 10-мъ графъ Милорадовичъ призываетъ Чихачева и даетъ читать формальное отношеніе графа Аракчеева, коимъ проситъ воспретить Чихачеву безпокоить его, ибо надѣется, что онъ не состоитъ подъ надзоромъ полиціи.

Все это и слухи, что въ Грузинѣ, при бытности полковника Тизенгаузена, исполняются уголовные приговоры съ ужасною жестокостію, занимало публику разсказами и догадками.

Надобно было прекратить недоумѣнія и толки, день ото дня возраставшія и Николай Павловичъ рѣшился возсѣсть на престолъ. 13 Декабря ночью собранъ былъ совѣтъ, въ которомъ его высочество предъявилъ всю переписку свою съ братомъ и проэктъ манифеста писаннаго, какъ тогда говорили, Карамзинымъ. Проэктъ одобренъ и тутъ же въ самую полночь подписанъ новымъ императоромъ. 14е число было понедѣльникъ, обыкновенный день общаго собранія совѣта и положено въ ночномъ засѣданіи собраться по утру въ 9 часовъ для присяги. По пріѣздѣ въ совѣтъ, нашелъ я дворцовую повѣстку, что въ 2 часа назначено поздравленіе императора и по этому отпустилъ карету домой до 4 часа. По съѣздѣ членовъ, пошли мы въ придворную церковь, присягнули, подписали имена

свои на листѣ и въ 10 часовъ явились по дорогѣ изъ церкви съ поздравленіемъ къ императору, принявшему насъ въ комнатахъ великокняжескихъ (въ корридорѣ окнами къ адмиралтейству), а отъ него чрезъ комнату на лѣво къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. По возвращенію въ совѣтъ, помѣщавшійся тогда въ комнатахъ бывшаго оберъ-гофмаршала Толстаго (въ корридорѣ окнами на дворъ) открыто было засѣданіе; но какъ нѣкоторые старики члены стали жаловаться на усталость и что въ два часа надобно опять быть на ногахъ, то докладъ дѣлъ отмѣненъ и всѣ разъѣхались; я же по неволѣ остался во дворцѣ, отпустивши карету домой, и располагая походить съ часъ времени въ эрмитажѣ, вышелъ въ корридоръ. Едва отворилъ дверь, на встрѣчу мнѣ графъ Милорадовичъ щегольски одѣтый и всегда веселый: „Я сей часъ былъ съ рапортомъ у новаго императора (сказалъ онъ) о благополучномъ состояніи столицы; всѣ мѣста присягнули уже, да и весь городъ можно сказать, потому что съ утра пробиться нельзя въ церквахъ.“ На вопросъ же мой о войскѣ, отвѣчалъ, что и оно присягнуло, только въ конной артиллеріи подъ Смольнымъ что-то случилось, но это вздоръ и тамъ теперь Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Вмѣстѣ съ симъ предлагалъ ѣхать съ нимъ въ театральную школу на пирогъ къ директору театровъ Г. Майкову, который въ тотъ день былъ именинникъ; но я, бывши въ мундирѣ, не принялъ его приглашенія, сколько онъ ни настаивалъ. Оно однако родило мысль во мнѣ выпить рюмку мадеры и съѣсть кренделекъ для того, что ранѣе 4 часа нельзя было отдѣлаться изъ Дворца и я воротился въ совѣтъ. Ожидая пока камеръ-лакей подастъ мадеры, подхожу къ

окну и удивляюсь, что императоръ въ парадной формѣ учитъ егерей или Финляндцевъ стоявшихъ тогда въ караулѣ. Надобно знать, что будучи великимъ княземъ, когда разводъ былъ его полковъ, императоръ всегда самъ вводилъ людей въ сошки на дворцовомъ дворѣ, дѣлая маневръ этотъ два, а иногда и три раза, и потомъ своими руками свертывалъ знамя и завязывалъ знаменный чехолъ. Въ сіе время входитъ помощникъ статсъ-секретаря Свиньинъ (теперешній сенаторъ) и говоритъ, что онъ не могъ проѣхать: вездѣ войско, народъ валитъ на площадъ и онъ воротился, что бы переждать. Слышавши отъ графа Милорадовича, что гвардія присягнула уже, слѣдовательно каждая часть въ своемъ полку, я подумалъ, что сборомъ ея предъ дворцомъ начнется поздравленіе императора, вспомнилъ какъ Александръ I-й въ 1801 году явился на балконѣ, покрытомъ малиновымъ бархатомъ, народу и гвардіи, состоявшей тогда не болѣе какъ изъ 7-т. челов. и присягнувшей на площади — и указалъ Свиньину на государя занимающагося гауптвахтою; но каково было удивленіе мое, когда я увидѣлъ, что по командѣ его какъ на ученьи, начали солдаты заряжать ружья и насыпать порохъ на полки. Послѣ этого императоръ повелъ людей въ ворота на площать, а съ гауптвахты бѣжали за нимъ караульные офицеры, обнажая на дворѣ уже свои шпаги. Хотѣлось выйти на площадь, но неуклюжій губернской мундиръ мѣшалъ; я послалъ домой курьера за фракомъ, а между тѣмъ поручилъ придворному лакею пройти по комендантской лѣстницѣ къ эксерциргаузу и узнать что дѣлается? Онъ воротился съ отвѣтомъ, что государь стоитъ съ командою снятою съ гауптвахты между дворцовыхъ воротъ и фонарикомъ; около него толпа на-

роду. Онъ читалъ имъ манифестъ и послѣ сказалъ: „вы видите теперь, что я не отнимаю престолъ у брата." Вѣсть сія не обѣщала добраго и я пошелъ въ фонарикъ. Здѣсь увидѣлъ слѣдующую картину: конная гвардія съ командиромъ своимъ Орловымъ (Алексѣемъ Ѳедоровичемъ) на рысяхъ скакала изъ казармъ своихъ къ штабу и съ появленіемъ ея государь изволилъ перейти на средину площади (гдѣ теперь колонна) сопровождаемый дворцовымъ карауломъ, и Преображенскимъ баталіономъ прибѣжавшимъ съ Милліонной въ шинеляхъ и фуражкахъ, заряжая на маршѣ ружья. Изъ подъ арки бѣжали и примыкали къ нимъ Саперы. Съ Гороховой улицы шелъ Московскій полкъ къ Сенату. Когда же показались Семеновскій и Егерскій, то Саперы пошли на дворцовой дворъ и тотчасъ заняли всѣ выходы, а государь съ отрядомъ, предшествуемый конною гвардіею, отправился къ сенату.

Нашедши въ комнатахъ совѣта фракъ свой уже привезеннымъ, вышелъ я по Салтыковскому подъѣзду (противъ адмиралтейства) на бульваръ и пробиваясь между чернію и разнаго состоянія людьми, старался развѣдать: что такое дѣлается? Одни отвѣчали: *не знаемъ* и сами добиваемся толку, — другіе — *говорятъ* что бунтъ, Боже сохрани! и съ такими отвѣтами дошелъ я до Исакіевской церкви. Здѣсь увидѣлъ государя на лошади лицемъ къ адмиралтейству и гвардію расположенную отъ дому Крюковской (угольный на площади въ Гороховую улицу) до Исакіевскаго моста; артиллерія стояла у мосту, на Англійской набережной, позади конногвардейскаго манежа, и на углу адмиралтейства ко дворцу. Около сената же гауптвахта обыкновенная и впереди ея какія-то сборныя команды гвардейскихъ полковъ, но по воротникамъ большею

частію Московскаго; площадь около самаго монумента Петра I-го была свободна и по ней безпрепятственно переходили съ бульвара къ сенату и обратно не только люди всякаго званія, но и солдаты изъ фронта. Здѣсь увидѣлъ я идущаго отъ сената статскаго совѣтника Грабе-Горскаго и узнавши отъ него болѣе, нежели ожидалъ (о чемъ скажу послѣ), отправился обратно во дворецъ, надѣлъ мундиръ и пустился въ осмотръ. Отъ фонарика на площади пусто было, войска густыми колоннами стали около Исакіевской церкви, лѣстницы во Дворцѣ набиты были солдатами съ ружьями, а на дворѣ дворцовомъ устроилось каре распоряженіемъ коменданта Башуцкаго, страннымъ до того, что глядя съ верху понять нельзя было о прямомъ его намѣреніи: поминутно солдаты тѣснились и растягивались, выходили на крыльца и въ ворота и возвращались. Какъ теперь смотрю, что въ этой суматохѣ Башуцкій переводитъ съ правой стороны одинъ какой-то баталіонъ въ шинеляхъ на лѣвую, гдѣ стоящій баталіонъ не можетъ осадить потому, что припертъ къ самой платформѣ гауптвахты; это мѣсто очищалъ Башуцкій лейбъ гренадерскому баталіону предводимому однимъ мальчикомъ офицеромъ, за которымъ бѣжалъ флейщикъ, и еще хвостъ неустроился, какъ мальчикъ тотъ повелъ обратно баталіонъ со двора на площадь, а Башуцкій опять принялся за распоряженіе какъ занять оставленную пустоту. Послѣ извѣстно сдѣлалось, что баталіонъ этотъ подъ командою поручика или капитана Панова приходилъ занять крѣпость, но найдя ворота запертыми, бросился во Дворецъ, гдѣ также найдя принятыя мѣры, отправился на площадь и, въ глазахъ государя и гвардіи, прошелъ мимо ихъ около бульвара

прямо къ сенату и соединился съ бунтующими солдатами Московскаго полка.

Между тѣмъ время сблизилось къ двумъ часамъ и дворецъ наполнился пріѣхавшими по повѣсткѣ для поздравленія. Дамы всѣ были разряжены, но мужское одѣяніе представляло пестроту, ибо многіе бывъ оповѣщены на службѣ, чтобы не опоздать, прямо проѣхали во дворецъ въ черныхъ панталонахъ. Военные всѣ уходили на площадь и въ залѣ оставались только двое: Князь Лобановъ по старости и не принадлежности къ арміи, и графъ Аракчеевъ по трусости, какъ говорило тогда можетъ быть злословіе; но на него жаль было смотрѣть: ни одна душа не останавливалась промолвить съ нимъ слово, и онъ радъ былъ усѣвшись на диванчикъ съ пріѣхавшимъ во дворецъ Княземъ Лопухинымъ. Видя меня разговаривавшаго съ А. Ѳ. Орловымъ, который неоднократно присыланъ былъ съ площади къ императрицамъ — графъ Аракчеевъ подошелъ ко мнѣ сначала съ просьбою: не могу ли я по старой пріязни подарить ему экземпляръ манифеста*), а потомъ: „что батюшка, есть ли утѣшительныя вѣсти?“ Я ему сказалъ, что число строптивыхъ увеличивается переходящими изъ полковъ солдатами къ шайкѣ у сената стоящей, и что государь, не рѣшаясь на крайнюю мѣру, надѣется убѣжденіями образумить заблуждающихся, заботясь болѣе о бѣдномъ графѣ Милорадовичѣ, за жизнь котораго не ручаются доктора. Аракчеевъ съ ужасомъ ото-

*) Я послалъ своего курьера съ полтинникомъ въ Сенатскую типографію и чрезъ полчаса вручилъ Аракчееву просимый экземпляръ. Онъ чувствительно благодарилъ и пожалъ мнѣ руку. Это было послѣднее явленіе въ нашей драмѣ и я не встрѣчался уже съ Аракчеевымъ въ остальные годы жизни его.

шелъ отъ меня, услыхавъ въ первой разъ о ранѣ нанесенной Милорадовичу, хотя это несчастное приключеніе часа два уже всѣмъ извѣстно было. Сдѣлалось темно, зажгли свѣчи и полковникъ Чихачевъ пробѣжалъ чрезъ залу, вскорѣ возвратился и за нимъ шелъ Митрополитъ Серафимъ въ полномъ облаченіи, съ поддіаконами. Государь вытребовалъ его изъ церкви на площадь, но слова Митрополита заглушены были крикомъ и угрозами мятежниковъ и онъ чрезъ полчаса воротился во дворецъ. Вслѣдъ за симъ услышали мы пушечные выстрѣли, послѣ которыхъ не болѣе какъ чрезъ ¼ часа изволилъ и государь пройти чрезъ залу, не останавливаясь къ императрицамъ. Тутъ узналъ я, что послѣ двухъ или трехъ выстрѣловъ картечью, мятежники разбѣжались по Галерной улицѣ, Англійской набережной и Васильевскому острову, что они бросаютъ ружья и что ихъ захватываютъ кавалергарды и конная гвардія и приводятъ въ сенатское зданіе, гдѣ сидятъ для допросу генералъ-адъютанты: Васильчиковъ и Кутузовъ, изъ коихъ послѣднему велѣно исправлять должность военнаго генералъ-губернатора.

Еще прошло ¼ часа и государь съ императрицами изволилъ выйти изъ внутреннихъ комнатъ, поклонился бывшимъ въ залѣ и прошелъ прямо въ церковь. Отслушавши тамъ молебенъ, стали разъѣзжаться и я воротился домой почти въ 6 часовъ вечера. Войска разложили огни и остались на ночь кругомъ дворца, занявъ всѣ проѣзды и мосты ведущіе на дворцовую и сенатскую площади.

На завтра (15-го Декабря) заѣхалъ я въ канцелярію, но больше ничего узнать не могъ, кромѣ смерти графа Милорадовича и что всю ночь то приводили, то сами являлись къ дежурному генералъ-

адъютанту Левашеву разнаго рода люди, которыхъ водилъ онъ къ государю. Это были соучастники заговора и показанія ихъ, наипаче же добровольно являвшихся съ повинною, представили такую цѣпь, что учредили слѣдственную коммиссію, занимавшуюся день и ночь въ крѣпости. Къ чести государя сказать должно, что въ составѣ коммиссіи не было ни одной злой души, которая могла бы превратить ее въ инквизицію, и потому привлеченныя къ дѣлу не только невинные, но и маловиновные немедленно отпускаемы были на свободу. Въ послѣдствіи узналъ я что царь, поговоря съ преступникомъ, найдя раскаяніе, тутъ же прощалъ однихъ, или удалялъ на житье и для выслуги, и такимъ образомъ ста два человѣкъ и преданы суду не были; но больше и меньше знали о томъ въ городѣ по родству и знакомству. Столица дорого цѣнила правило принятое императоромъ — и общее мнѣніе слилось въ одинъ вопросъ: что бы было, если бы сидѣли въ коммисіи Аракчеевъ и Клейнмихель? разумѣя подъ симъ непотачку злодѣямъ, которыми всякой мерзѣлъ, но преслѣдованіе личное, мщеніе и жадность къ злодѣйству. Клейнмихель показалъ себя достойнымъ ученикомъ Аракчеева, чувствовавшаго приближеніе старости и потому приготовлявшаго заранѣе преемника себѣ. Уже погашены были въ немъ чувства родственныя, дружба и любовь къ ближнему составляли для него пустой наборъ словъ, — по примѣру Аракчеева разстался и съ женою (хотя по страсти увезъ ее отъ матери изъ церкви), и Аракчеевъ утѣшался, видя, какъ дрожатъ предъ нимъ всѣ на военныхъ поселеніяхъ. Царь зналъ молодца и приведеніе военныхъ поселеній къ присягѣ поручилъ не ему, а своимъ генераламъ. Отъ этого Аракчеевъ и Клейнмихель не могли дѣйст-

вовать и коль скоро присяга на поселенiи кончилась, они отправились изъ столицы подъ предлогомъ встрѣчи тѣла покойнаго государя. Такимъ образомъ спаслось Русское дворянство отъ бѣды неизбѣжной, если бы слѣдственная коммиссiя попалась въ руки Аракчеева и Клейнмихеля.

Вышедши 15 Декабря изъ канцелярiи на площадь, встрѣтилъ я умилительное зрѣлище: бунтовавшiе вчера солдаты съ слезами приняли прощенiе и присягали подъ открытымъ небомъ. Потомъ вынесенныя изъ Дворца знамена гвардейскаго морскаго экипажа и лейбъ-гренадерскаго баталiона государь самъ возвратилъ этимъ раскаявшимся отрядамъ и они съ крикомъ ура! отправились въ свои казармы.

Горскаго узналъ я въ 1814 г. въ Парижѣ. Избитой, на костыляхъ, артиллерiйской офицеръ, явился онъ ко мнѣ ошибкою и я узнавши, что у него нѣтъ знакомыхъ въ главной квартирѣ, имѣлъ случай сдѣлать ему услугу; въ 1817 году изъ благодарности прiѣхалъ онъ ко мнѣ въ С. Петербургъ, будучи уже статскимъ совѣтникомъ; потомъ ѣздилъ на Кавказъ вице-губернаторомъ и по возвращенiи оттуда опять сталъ ходить; я же изъ вѣжливости приглашалъ его иногда обѣдать, но самъ у него никогда не былъ. По слухамъ жилъ онъ хорошо и имѣлъ состоянiе по женѣ (гр. Ворцель). Долго не видавши его и встрѣтивъ 14-го Декабря на бульварѣ въ мундирѣ и шляпѣ съ плюмажемъ, спросилъ я о причинѣ такого парада и вотъ отвѣтъ его: „я занемогъ горячкою и три недѣли не выходилъ изъ дому; вчера объявляетъ мнѣ квартальной требованiе печальной коммиссiи, чтобы представить меня, если не явлюсь самъ сего

дня въ коммиссію и тутъ только узнаю, что я наряженъ туда отъ герольдіи и что мнѣ было двѣ повѣстки, которыхъ никогда не получалъ. Сего дня закутанный, въ каретѣ, пріѣзжаю въ коммиссію, но мнѣ сказано, что присутствія не будетъ по случаю присяги и что объ оной есть объявленіе полиціи; почему и я велѣлъ ѣхать къ Спасу на сѣнной, дабы присягнуть и воротиться домой. У каменнаго моста остановили меня войска и знакомый князь Щепинъ вытащилъ изъ кареты; не смотря на сопротивленіе, я долженъ былъ итти съ его ротою до Сената и тутъ услышалъ, что они не хотятъ присягать изъ опасенія измѣнить Константину Павловичу, который гдѣ-то задержанъ. Можетъ быть и правда, Богъ знаетъ! только разсказы солдатъ привлекаютъ много товарищей и черни; я хотѣлъ уйти, но не пускаетъ Щепинъ; отдѣлался на честное слово, что ворочусь, лишь отъищу своего извощика; теперь нашелъ у манежа, да жандармъ не пускаетъ и толку не добьюсь, кто приказалъ не трогаться каретѣ съ мѣста; дожидаюсъ Шульгина (оберъ-полицеймейстера), чтобы сдержать только слово и уѣхать домой, ибо что-то нехорошо. Тамъ мнѣ не сказали, а здѣсь говорятъ, что Московцы не просто вышли изъ казармъ и чуть ли не убили кого-то, да и командиру полка досталось. И такъ уже сомнительно показалось мнѣ шептанье съ приходящими къ Щепину людьми и какая-то тревога послѣ того какъ ранили Милорадовича. Боюсь заеще, чтобы не перепились солдаты, ежели не запрутъ ближняго кабака, тогда несладятъ съ ними; я хорошо ихъ знаю. Прощайте, совѣтую и вамъ не оставаться здѣсь.“

ПИСЬМО БАРОНА ШТЕЙНГЕЛЯ

къ Императору Николаю.

Августѣйшій Монархъ!
Всемилостивѣйшій Государь!

Изъ мрачной темницы моей, возносясь духомъ любви къ отечеству, духомъ вѣрно-подданническаго къ В. И. В. усердія, припадаю къ священнымъ стопамъ Вашимъ.

Умоляю В. В. благомъ многихъ милліоновъ людей, коихъ Вы нареклись отцомъ, умоляю собственною Вашею славою и самою безопасностію, удостойте прочесть все ниже слѣдующее до послѣдней строки, прежде нежели произнесете строгій судъ о свойствѣ и самой цѣли настоящаго моего письма. Дерзаю представить обнаженную истину; она должна быть доступна престолу мудраго Монарха, воспріявшаго бразды правленія, съ намѣреніемъ жить для отечества.

Въ Высочайшемъ манифестѣ о восшествіи вашемъ на престолъ, какъ-бы въ утѣшеніе народу, сказано: что ваше царствованіе будетъ продолженіемъ предъидущаго — о, Государь! Ужели скрыто отъ васъ, что эта самая мысль страшила всѣхъ, и что одна только увѣренность общая въ непремѣнной перемѣнѣ порядка вещей, говорила въ пользу Цесаревича.

Истина, не подверженная ни малѣйшему возраженію, что въ Бозѣ почивающій Монархъ обладалъ въ совершенствѣ даромъ привлекать къ себѣ сердца всѣхъ тѣхъ, кои имѣли счастіе съ нимъ встрѣтиться, и что его поведеніе въ званіи Наслѣдника, его дѣйствія и намѣренія въ началѣ царствованія твердость его при всеобщемъ бѣдствіи 1812 года, его кротость въ блескѣ послѣдовавшей за тѣмъ славы, человѣколюбіе его во время послѣдняго наводненія, равно какъ многіе другіе, извѣстные свѣту и народу въ особенности, случаи, въ коихъ онъ явилъ высокія свойства души своей, сдѣлали особу его любезною и священною для Россіянъ современниковъ. Но по непостижимому для насъ противорѣчію, которое къ изумленію грядущихъ вѣковъ, можетъ быть объяснитъ одна только безпристрастная исторія, царствованіе его, ежели разумѣть подъ симъ словомъ правленіе, было во многихъ отношеніяхъ, для Россіи пагубно, подъ конецъ же тягостно для всѣхъ состояній, даже до послѣдняго изнеможенія. Противорѣчіе сіе поставило средній и низшій классы въ недоумѣніе; Государь всюду являлся ангеломъ и сопровождался радостными восклицаніями, но въ тоже время отъ распоряженій правительства, именемъ его, разливались повсюду неудовольствія и ропотъ. Народъ приписывалъ сіе лицамъ, то Сперанскому, то Гурьеву, то Аракчееву и вообще думалъ: „министры обманываютъ нашего добраго Государя, гдѣ ему батюшкѣ все знать.“ — Но тѣ, которые просвѣщеннѣе, смотрѣли и разсуждали иначе; результатъ общій; Государь встрѣченный на престолѣ со всеобщимъ безпримѣрнымъ восторгомъ, сопровожденъ во гробъ едва-ли не всеобщимъ равнодушіемъ. О, Государь! если это съ моей стороны дерзновеніе, то въ со-

вѣсти моей вопіющій гласъ убѣждаетъ меня, что оно въ милліонъ разъ полезнѣе В. В. моему Всемилостивѣйшему Монарху, нежели та лесть, которою если возносятъ владыкъ земныхъ до небесъ, то это для того, чтобы они не видѣли — что на управляемой ими землѣ дѣлается.

Не смѣю безъ особаго соизволенія изобразить всего хода дѣлъ въ послѣднее царствованіе, но цѣль меня одушевляющая заставляетъ сказать, хотя ту только истину, что Правительство отличалось не постоянствомъ, и въ управленіи Государствомъ не было никакого положительнаго плана.

Сначала былъ періодъ — мистицизма, наконецъ противныхъ мнѣній тому и другому. Вначалѣ всему дано новое направленіе учрежденіемъ министерствъ. Чрезъ шесть лѣтъ разрядъ министровъ измѣнился съ учрежденіемъ совѣта, въ новомъ его образованіи издано министерство полиціи. Силы министровъ уступили силѣ государственнаго секретаря. Министерство коммерціи уничтожено. Отсутствіе Государя дало поводъ къ учрежденію коммитета Г. Г. министровъ, за тѣмъ смерть Вязмитинава произвела новую перемѣну въ порядкѣ министровъ. Министерство полиціи уничтожено; сдѣлано вновь министерство духовныхъ дѣлъ въ соединеніи съ просвѣщеніемъ, но и то на нѣсколько лѣтъ. При первыхъ министрахъ много начато полезнаго, по крайней мѣрѣ обнаружено намѣреніе готовить государство къ воспріятію конституціонныхъ началъ.... Послѣ Тильзитскаго мира прибытіе Коленкура ко двору и выше упомянутая перемѣна въ министерствѣ пресѣкла дѣятельность правительства; оно до самаго 1812 года видимо тяготилось прихотливымъ деспотизмомъ Наполеона. Вліяніе Сперанскаго на дѣлѣ ознаменовалось учрежденіемъ

коммисіи погашенія долговъ, началомъ изобрѣтенія новыхъ налоговъ, обложеніемъ купцовъ усугубленною податію съ капиталовъ, установленіемъ торговыхъ книгъ, учрежденіеиъ о торгующихъ крестьянахъ, которымъ подорванъ кредитъ внутренней торговли, и новымъ образованіемъ коммисіи составленія законовъ, которая до сихъ поръ издала гражданское и уголовное уложеніе и оба не могли быть приведены въ дѣйствіе. Въ 1810 и 11-мъ годахъ примѣтно уже было неудовольствіе противъ правительства. Указъ 1811 года о непроизведеніи въ чинъ гражданскихъ чиновниковъ 9-хъ классовъ, которымъ многіе заслуженные и опытные люди оскорблены были, много разливалъ сіе неудовольствіе. 1812-й годъ соединилъ всѣхъ къ одной цѣлизащитѣ отечества и престола.

Насталъ ожидаемый миръ! Монархъ, отъ всѣхъ благословляемый, возвратился къ всеобщей радости. Все ожидало эпоху, отъ которой начнется внутреннее благоустройство. Ожиданіе не сбылось. Роздано нѣсколько милліоновъ Москвѣ, Смоленску и частію нѣкоторымъ другимъ городамъ сихъ губерній; но симъ пособіемъ не столько воспользовались совершенно разорившіеся, сколько имущіе, ибо оно раздавалось въ видѣ ссуды подъ залогъ недвижимости. Если Москва, такъ сказать, стряхнула пепелъ съ головы своей въ новомъ селеніи, то не столько помогла тому сія помощь, сколько состояніе внутренней коммерціи и промышленности, оживотворенныхъ тарифомъ 1810 года, который изданъ былъ при увѣщательномъ манифестѣ, чтобы всѣ обращали капиталы свои не въ пользу чужеземной роскоши, но въ пользу отечества. Внезапно сей самый тарифъ измѣненъ въ пользу Австріи и Пруссіи изданіемъ новаго манифеста на 12 лѣтъ. Комерціянты

могли по крайней мѣрѣ располагать свои спекуляціи на сіе императорскимъ словомъ опредѣленное время, но въ этомъ ошиблись; въ 1819 году послѣдовало новое всеобщее разрѣшеніе ввоза иностранныхъ товаровъ, коими вскорѣ наводнили Россію.

Многіе купцы обанкрутились, фабриканты въ конецъ разорились, и народъ чрезъ то лишился способовъ къ пропитанію и уплачиванію податей. Вскорѣ увидѣли ошибку, и справили ее новымъ тарифомъ 1823 года; но причаненный вредъ не возвратенъ, знатныя суммы серебра и золота, вышедшія чрезъ Одесскій портъ, при выгодной хлѣбной торговлѣ 1815, 16 и 17 годовъ, исчезли; слѣдовало новое дополнительное постановленіе о гильдіяхъ; за всѣмъ тѣмъ мѣстныя начальства принуждены были представлять о невозможности его выполнить; ибо у бѣдныхъ мѣщанъ и особенно у жителей малыхъ городовъ, отнятъ послѣдній способъ къ пропитанію. Такимъ образомъ комерція наша находится въ паралитическомъ состояніи, тогда какъ у всѣхъ народовъ преуспѣваетъ и разцвѣтаетъ, особенно во Франціи, которая въ 1815 году была едва ли не въ худшемъ состояніи, нежели Россія. Къ крайнему изумленію всѣхъ, дѣйствія министерства финансовъ въ послѣднія 10 лѣтъ, были можно сказать, ужасныя. Въ 1815 правительство убѣдило откупщиковъ винныхъ, при славномъ посредствѣ Гурьева и Пестеля, сдѣлать весьма важную наддачу. Естественнымъ сего слѣдствіемъ была несостоятельность и они разорились въ конецъ, особенно *Злобинъ*, оказавшій многія услуги отечеству и *Перецъ*. Въ преслѣдованіи сихъ откупщиковъ и потомъ поставщиковъ провіантскихъ, были случаи, что они представляли къ расчету свои на казну претензіи; — но министръ предписывалъ съ нихъ взыскивать, а имъ предоста-

вить видаться особо — распоряженіе, имѣющее характеръ полнаго насилія и несправедливости. Съ откупщиками многіе разорились. Уничтоживъ откупы, министерство финансовъ ввело новый образъ винной продажи, источникъ чрезмѣрно гибельнаго народнаго развритя и разоренія; нарушены нѣкоторыя коренныя права; унижено званіе вице-губернаторовъ, дотолѣ весьма почтенное. Явленъ примѣръ соблазна для чиновниковъ, ибо способъ наживаться стали предпочитать понятіямъ о чести, и тѣ, кои при началѣ считали за униженіе надзирать за питейными домами, увидя, что на сихъ людей обращается вниманіе министра и вмѣстѣ съ обогащеніемъ даются чины и кресты, стали искателями сего рода службы. Размножены повсюду трактиры, герберги, харчевни, портерныя лавочки и питейные дома, временныя выставки, изъ коихъ нѣкоторыя съ бильярдами, музыкою и другими разными для черни приманками. Возвышена на вино цѣна для винопродавцевъ, стѣснительныя и разорительныя правила; за то злоупотребленія устронены отъ надзора полиціи. Вице-губернаторамъ даны предписанія стараться какъ можно о большей распродажѣ вина подъ опасеніемъ отвѣтственности. Съ такими мѣрами первые годы принесли точно прибыль, но вскорѣ оказалось, что она была временная, ибо въ послѣдніе годы не добирались уже многихъ миллiоновъ. Когда такимъ образомъ съ одной стороны народъ поощрали пропивать потовымъ трудомъ наживаемыя деньги, съ другой умноженіе податей съ паспортовъ; возвышена цѣна на первую потребность — соль, приняты строжайшія мѣры къ взысканію недоимки; предписано за недоимку помѣщиковъ отдавать въ опеку, а съ казенныхъ крестьянъ взыскивать хотя бы то было съ пожер-

твованіемъ послѣдняго имущества. Начали у нихъ продавать домашній скотъ, лошадей и самые домы, а какъ съ такихъ уже обобранныхъ взять нечего, то за неимущихъ взыскивать съ общества. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ выбить, выколотить недоимку, сдѣлалось технологическимъ словомъ; между тѣмъ въ однѣхъ губерніяхъ, какъ-то Бѣлорусской, Тверской, Псковской, Вологодской и Ярославской по нѣскольку лѣтъ былъ неурожай, помѣщики не получали дохода и кормили крестьянъ. Въ другихъ, напротивъ, хлѣбъ былъ ни почемъ отъ неимѣнья сбыта, и деревни тоже не давали дохода.

Обстоятельства сіи уподобляютъ Россію тому состоянію, въ которомъ была Франція во время Генриха III, когда сборщики податей обирали послѣднія у земледѣльцевъ. О, Государь! извольте послать довѣренную особу инкогнито, въ видѣ частнаго человѣка, и вы откроете можетъ быть гораздо горестнѣйшее положеніе народа, нежели каковымъ я его представляю. Безпрестанные выгоны крестьянъ на дороги, въ рабочую пору довершали ихъ разореніе и притомъ отъ частныхъ перемѣнъ въ платѣ, и отъ непрочной работы, повинность сія сдѣлалась безконечна; между тѣмъ — какъ въ академическомъ календарѣ въ хронологическомъ показаніи, печатается: „отъ изданія манифеста, коимъ народъ освобождается отъ дѣланія дорогъ столько-то лѣтъ.“

Умножая доходы крайними мѣрами, хотя три года тому назадъ сдѣлано сокращеніе расходовъ по всѣмъ министерствамъ, сколько еще есть предметовъ, на которые дѣлаются напрасно издержки? Сколько чиновниковъ едва имѣющихъ занятія, получаютъ большіе оклады въ двухъ и трехъ мѣстахъ? Сколько также получаютъ пансіоны? По одному коммиссарству расходится до 3-хъ милліоновъ на однѣ цы-

новки, веревки и вообще на укупорку и развозку вещей отъ коммисіи до мѣстъ пребыванія полковъ, тогда какъ однимъ распоряженіемъ въ разсужденіи сей доставки можно бы сей разходъ уничтожить.

По флоту такая же экономія; по адмиралтейскому регламенту Петра I-го едва корабль заложится на верфи должно раздавать по всѣмъ мастерствамъ пропорцій; дабы ко дню спуска, всѣ принадлежности по вооруженію онаго были бы въ готовности. Во все министерство Маркиза де Траверсе, сего не наблюдалось, корабли ежегодно строились, отводились въ Кронштадтъ и нерѣдко гнали, не сдѣлавъ ни одной компаніи, а теперь болѣе 4-хъ, или 5-ти кораблей, которыхъ нельзя вывесть въ море, ибо мачты для сего переставляютъ съ одного корабля на другой; прочіе — хотя число ихъ не малое, не имѣютъ вооруженія. И такъ переводится послѣдній лѣсъ, тратятся деньги, а флота нѣтъ! Но въ царствованіе блаж. памяти родители вашего въ 1797 году выходило 27 кораблей, всѣмъ снабженныхъ, а въ 1801 году готовилось 45!

Можно сказать, что прекрасное твореніе В. Петра Маркизъ де Траверсе уничтожилъ совершенно. Теперь на случай войны некого и не съ чѣмъ выслать въ море; кромѣ вновь принятаго Сенявина и контръ-адмирала Рошпова, ни одного адмирала, нѣсколько капитановъ и весьма не много офицеровъ изъ тѣхъ, кои были въ экспедиціяхъ. Между тѣмъ какъ у сосѣдняго государства сія часть въ совершенной исправности всегда была и теперь существуетъ.

По части управленія губерній во всѣ 25 лѣтъ не сдѣлали ничего особеннаго къ улучшенію; едва въ 1822 г. дозволено Генералъ-губернатору Балашову произвести опытъ преобразованія. Начатый

безъ свѣдѣнія Сената опытъ сей принимался обывателями съ негодованіемъ на новыя тягости и на умноженіе инстанцій, а о пользѣ, которая изъ того произойти можетъ, никто еще не говоритъ. Подобнымъ образомъ жалуются на преобразованіе Сибири, гдѣ въ обширномъ, но мало населенномъ краѣ, въ которомъ приличнѣе бы было сокращать администрацію, прибавлена лишняя губернія и данъ образъ управленія совѣщательно-аристократическій, не свойственный монархическому. Къ сему присовокупить должно и недостатки въ судопроизводствѣ вообще: безконечное продолженіе тяжебныхъ дѣлъ апеляціями и обращеніе ихъ въ нисшія инстанціи; не правосудіе и повсемѣстное злоупотребленіе; послѣднее было строго преслѣдуемо, но отъ полумѣръ осталось неизцѣлимымъ. Посылаемые сенаторы производили изслѣдованія, тысячами бѣдныхъ чиновниковъ отдавали подъ судъ и опредѣляли новыхъ, а тѣ принимались за тоже, только смѣлѣе, ибо обыкновенно на мѣста поступали съ протекціей. Сколько и теперь есть губернаторовъ, состоящихъ подъ безконечнымъ судомъ.

Въ царствованіе великой бабки вашей, Государь, была по всѣмъ частямъ наблюдаема подготовка людей столь много полезная: чиновники, хотя медленно, но доходили отъ нисшихъ степеней до высшихъ, каждый по своей части; оттого были опытные дѣльцы. Въ предшествовавшее вашему царствованіе сего во все не наблюдалось: всякій, при министрѣ служащій или нашедшій покровительство ко всему считался годнымъ. Такъ и дѣла шли. Извѣстно, что великая Екатерина съ полковничьяго чина начинала обращать особенное на людей вниманіе, и тѣ, кои не имѣли отличныхъ дарованій и способностей, не шли далѣе бригадировъ въ

отставку. Въ послѣднее же время всякому продолжающему службу, особенно военную, дорога къ высшимъ степенямъ сдѣлались отверзтою. Въ одной губерніи былъ губернаторъ выслужившійся фельдфебель, и въ губерніи онъ поступалъ какъ въ ротѣ. Не могъ конечно быть терпимъ, но жители губерніи не менѣе отъ того терпѣли. Вообще гражданская часть, сей краугольный камень въ зданіи государственнаго благоденствія, были въ нѣкоторой какъ бы опалѣ. Государь изволилъ видѣть зло, но считалъ его не исцѣлимымъ, пограничивался тѣмъ, что не скрывалъ своего отвращенія. Энгельгартъ, имѣвшій счастье часто разговоривать съ государемъ, сказывалъ мнѣ, что однажды при случаѣ, когда Е. В. любовался устройствомъ войскъ, онъ осмѣлился замѣтить, что время приняться за устройство гражданской части; но государь, взявъ его за руку и пожавъ ее крѣпко, со слезящими глазами произнесъ: „Ахъ, я это очень, очень чувствую, но ты видишь, кѣмъ я возмусь?“ Если это истинно, что за благоустройство въ государствѣ гдѣ монарху не кѣмъ взяться, то посудите, Всемилостив. Государь, въ какомъ несчастнѣйшемъ положеніи наше любезнейшее отечество, коего судьба воспріята вами на рамена свои. Вашему генію предлежитъ подобно Петру и Екатеринѣ, найти людей, вложить въ нихъ душу и сдѣлать сопричастниками будущей вашей славы; да прейдетъ она до позднѣйшаго потомства! Насильственная система такъ называемаго водворенія военнаго поселенія, принята была съ изумленіемъ и ропотомъ, какъ-то и В. В-ву должно быть весьма извѣстно и не могло быть иначе. Послѣ отечественной войны, въ которой всѣ состоянія участвуя, оказали равную вѣрность и усердіе къ отечеству

и престолу, когда всякій ожидаетъ въ мирѣ вожделѣннаго спокойствія, внезапно войти въ селеніе, военною рукою взять домы мирныхъ земледѣльцевъ, все дѣдами или самыми или нажитое, да и ихъ въ общій составъ новаго воинства; едва-ли исторія представляетъ что либо подобное. Къ сему присовокупить вынужденную уступку и покупку сосѣдственныхъ земель и помѣстій, ибо одна несправедливость естественно раждаетъ другую. Возникли съ одной стороны — отчаянное сопротивленіе, особенно на гогѣ, съ другой — сторогія мѣры укрощенія. Всей Россіи сдѣлались извѣстны сцены, которыхъ никто не могъ полагать возможными въ царствованіе Государя столь кроткаго и человѣколюбиваго. Общее негодованіе разрѣшалось одномъ лицемъ Гр. Аракчеева; оно во всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ служило экраномъ для монарха. Цѣль поселенія объявлена послѣ: освобожденіе Россіи отъ тяжкой рекрутской повинности. Осмѣливаюсь, Государь, представить, что уменьшеніе срока службы, по примѣру Пруссіи отъ 8 или 12 лѣтъ, удовлетворило бы сей цѣли справедливѣе, прочнѣе и безопаснѣе, ибо тогда во всей Россіи въ 25 лѣтъ разлился бы духъ военный, и крестьяне сколь же легко стали бы разставаться съ дѣтьми, а теперь они сами везутъ ихъ какъ на смерть. Возвратившіеся въ семейство могли бы жениться, крестьянскимъ бытомъ, и наживая дѣтей, воспитывали бы ихъ заранѣе быть солдатами, сами же были бы готовые ландштурмы.

Мысль о поселеніи войскъ не новая. Минихъ преставлялъ Императрицѣ Аннѣ Іоановнѣ о заселеніи границъ Турецкихъ, Польскихъ и Шведскихъ войсками, съ тѣмъ, чтобы они пріучились къ этому роду войны, который съ сими непріятелями при-

личенъ. Поселеніе на границѣ можетъ быть дѣйствительно оплотомъ; но внутри государства — другія слѣдствія возможны. При разныхъ мнѣняхъ о семъ иностранцевъ, извѣстенъ короткій отзывъ Велингтона; я слышалъ его изъ устъ Гр. Ростопчина: „видно, что русское Правительство не боится штыковъ.“

По симъ краткимъ очеркамъ дѣйствій Правительства, въ отношеніи хозяйственнаго управленія и настоящаго положенія дѣлъ въ государствѣ слѣдующія черты представляются въ характеристикѣ правленія: Правительство считало все прежнее худымъ, много начинало вновь, отмѣняло и вообще ничего не докончило, разстроивъ все. Правительство отдѣляло себя отъ государства и казалось вѣрило, что оно можетъ быть богато сильно, хотя всѣ сословія государственныя и особенно народъ въ изнеможеніи. Правительство имѣло кажется правиломъ, что развратнымъ и бѣднымъ народомъ легче управлять, чѣмъ имѣющимъ гражданскія добродѣтели и въ довольствѣ живущимъ. А потому, не прислушиваясь къ народному мнѣнію и не входило въ его нужды, повелѣвало и требовало безусловнаго повиновенія, хотя бы отъ того все раззорилось. Въ семъ отношеніи Правительство дозволило себѣ даже спекуляцію: послѣдняя распродажа рекрутскихъ квитанцій — разительный тому примѣръ. Должно ли послѣ того удивляться, что Правительство потеряло довѣренность и сердечное уваженіе и возбудило единодушное, общее желаніе перемѣны порядка вещей? Всемилостивѣйшій Государь! раскрывъ передъ взоромъ вашимъ, по крайнему моему разумѣнію, причины неудовольствія противу правительства, я осмѣливаюсь приступить къ настоящей моей цѣли — представить истинный исто-

чникъ, обнаружившагося, при восшествіи Вашемъ на престолъ, злоумышленія.

Дѣятельное просвѣщеніе въ Россіи началось при Екатеринѣ Великой. Одинъ частный человѣкъ, Новиковъ, съ обществомъ своимъ старавшійся о распространеніи чтенія полезныхъ книгъ и для сего имѣвшій свою типографію, сдѣлалъ едва ли не болѣе, чѣмъ всѣ училища. Молодые люди съ талантами посылались на счетъ общества вояжировать и дѣйствительно многіе обязаны стали ему послѣдующею своею извѣстностью. Открылась революція; масонскія ложи сдѣлались подозрительными и Новиковъ пострадалъ. Блаженной памяти родитель вашъ даровалъ ему и сотоварищамъ его свободу. Изъ сего разсадника первые люди явились на сцену, когда при началѣ царствованія умершаго Государя, открылось вождѣленное намѣреніе его — просвѣтить Россію и уничтожить въ ней рабское состояніе. При учрежденіи министерствъ, взяты быстрыя мѣры къ распространенію образованія, учреждены новые университеты, умножены училища, преобразованы гимназіи, ослаблена цензура предоставленіемъ оной гражданскимъ губернаторомъ и управамъ благочинія въ столицѣ; поощрены переводы печатаніемъ съ высочайшаго позволенія книгъ, дающихъ понятіе о новыхъ идеяхъ относительно основанія государственнаго блага. Такъ напечатаны: Конституція Англіи Делольма; творенія Монтескьё, Бентама и другихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ появились: Пиѳагорово путешествіе, Антенорово путешествіе, Фобласъ, и Кумъ Матвѣй — непосредственно развивающія другія понятія и развращающія нравы. При такомъ началѣ просвѣщенія, Государь изволилъ прекратить раздачу крестьянъ въ крѣпостное состяніе. Незабвенный рескриптъ его герцогу Виртембергскому,

по случаю утвержденія аренды на 50 лѣтъ, сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ. Потомъ открыто новое состояніе свободныхъ хлѣбопашцевъ; нѣкоторые вельможи отпустили въ оные цѣлыя селенія. Изданы указы поощрительные къ отъискиванію изъ крѣпостнаго состоянія свободы; нѣсколько разъ повторены, наконецъ составлены правила для перехода крестьянъ помѣщичьихъ въ свободное состояніе, въ Остзейскихъ губерніяхъ повсюду распубликованы. Присоединеніе Псковской губерніи къ округу ихъ провинцій подало поводъ къ заключенію, что на ней сдѣлается первый опытъ приложенія сихъ правилъ къ великороссійскимъ губерніямъ.

Во время вліянія на дѣла Сперанскаго для образованія духовнаго юношества, приняты новыя правила. Учреждены новыя духовныя Академіи и комитеты училищъ; для преподаванія курса богословія выписанъ былъ извѣстный профессоръ Феллеръ изъ Германіи, но по протесту программѣ его, поданному отъ Архіепископа Ѳеофилакта, допущенъ до преподаванія не былъ. Но тѣмъ не менѣе новое образованіе духовенства воспріяло тотъ уже духъ, который видѣнъ былъ прежде. Въ послѣдніе годы методу ученія паки перемѣнили на старую. Общее бѣдствіе 1812 года наклонило умы и сердца къ набожности.

Отселѣ начался періодъ мистицизма. Началось изданіе Сіонскаго вѣстника, удостоенное потомъ высочайшей награды; явились сочиненія Штилинга внушающія мысль о ненадобности духовенства и наружныхъ обрядовъ церкви, потомъ переводы Гюйонъ, Дежума и пр. изъ коихъ многіе напечатаны на казенное иждивеніе.

Ѳткрылось Библейское общество. Магницкій, при открытіи отдѣленія онаго въ Симбирскѣ, сказалъ

весьма соблазнительную рѣчъ, и она была напечатана во всѣхъ публичныхъ листкахъ, какъ образцовая, хотя болѣе имѣла видъ тонкой сатиры, нежели истинной набожности. Библейскія засѣданія представили картину истиннаго толеранса. Изданіе новаго завѣта, Евангелія, которое въ мнѣніи народа казалось неприкосновеннымъ волнующимъ умъ, подало поводъ толкамъ на счеты несходства; такъ на пр. въ посланіи къ Коринѳянамъ VII глав. ст. 21. Славянскій текстъ говоритъ: *Рабъ ли призванъ былъ еси, да не нерадиши, но еще и можешь свободенъ быти, больше поработи себя,* напротивъ въ Русской: „рабомъ ли ты призванъ, не безпокойся, но ежели можешь сдѣлаться свободнымъ, тѣмъ больше воспользуйся". Хотя ближе такой переводъ къ еврейскому тексту, тѣмъ не менѣе онъ подрываетъ народное довѣріе къ одной изъ священнѣйшихъ книхъ, читамыхъ въ церквахъ, довѣріе через два почти вѣка неприкосновенное. Какой притомъ соблазнъ для раскольниковъ.

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, высшее заведеніе для образованія юношества, Царскосельскій лицей далъ нѣсколько выпусковъ; оказались таланты въ словесности; но свободомышленіе, внушенное въ высочайшей степени, поставило ихъ въ совершенную противоположность со всѣмъ тѣмъ, что они должны были встрѣтить въ своемъ отечествѣ при вступленіи въ свѣтъ. Тотъ же самый духъ разлитъ во всѣхъ, кто образовался въ университетахъ, въ училищѣ Іезуитовъ и во всѣхъ другихъ заведеніяхъ, кромѣ корпусовъ. Отличительныя свойства вновь образованныхъ людей, съ нѣкоторымъ исключеніемъ суть: непризнаваніе ничего святымъ, нетерпѣніе подчиненности, скорое стремленіе къ наслажденію жизнію, скучаніе всѣмъ

и безпечность ко всему настоящему: имъ кажется, что для ихъ ума имъ тѣсно въ Россіи и нѣтъ ничего достойнаго ихъ дѣятельности; потому многіе, чтобы быть чѣмъ нибудь, ищутъ только считаться при комъ нибудь. Должно-ли послѣ сего удивляться, что предпріимчивость нѣкоторыхъ опытныхъ людей захотѣла воспользоваться такимъ расположеніемъ умовъ и основать тайныя общества, подобно Прусскимъ и Германскимъ.

Существованіе массонскихъ ложъ долженствовало еще болѣе тому способствовать. Правительство не подозрѣвало ихъ. Въ 1816 г. 30 Августа въ Москвѣ была открыта ложа съ высоч. дозволенія. Государь изволилъ сказать Тормасову: „Я не даю явнаго позволенія, но смотрю сквозь пальцы; опытомъ дознано, что въ нихъ нѣтъ ничего и потому предоставляю на твою волю.“ Въ рѣчи своей на Варшавскомъ сеймѣ, Государь изволилъ упомянуть, что готовитъ для Россіи подобное состояніе. Рѣчь была напечатана въ публичныхъ листахъ и польстила надеждѣ либераловъ. Внезапное происшествіе въ Испаніи и Піемонтѣ, съ совершеннымъ возстаніемъ Грековъ, произвели рѣшительный переломъ въ намѣреніи Государя, какъ между тѣмъ воспламенились умы въ мечтателяхъ о свободѣ Россіи. Греки оставлены своей судьбѣ, связь единовѣрства, восемь вѣковъ ненарушимо существовавшая, которой всегда страшилась Порта и опасалась Европа, вдругъ разрушена. Греки въ Россіи, особенно въ Москвѣ находящіеся, шопотомъ произносили жалобу свою и сообщали знакомымъ о несправедливостяхъ поступка съ ними. Отъ того радость ихъ при объявленіи Цесаревича Пиператоромъ была чрезвычайна. Они отыскивали медали, выбитыя на рожденіе Е. Выс. съ изображе-

ніемъ церкви св. Софіи; видя уже себя обладателями Царь-града и вдругъ восхитительная надежда исчезла, унылость на лицахъ ихъ.

Внезапное уничтоженіе массонскихъ ложъ послужило къ тайному огорченію многихъ. Между тѣмъ просвѣщеніе, хотя цензура постепенно сдѣлалась строже, но въ тоже время явился феноменъ не бывалый въ Россіи, IX томъ Исторіи, Россійскаго государства, смѣлыми, рѣзкими чертами изобразившій всѣ ужасы неограниченнаго самовластія, и одного изъ великихъ царей открыто наименовавшій тираномъ, какому подобнаго мало представляетъ исторія! Непостижимо какимъ образомъ въ то самое время какъ строжайшая цензура внимательно привязывалась къ словамъ ничего не значущимъ, какъ-то: ангельская красота, рокъ и проч. пропускала статьи подобныя Волынскому, исповѣди Наливайки и братьевъ-разбойниковъ и пр. Предъ самымъ восшествіемъ Вашимъ на престолъ, въ 22 N Сѣв. Архива, показалась статья о избраніи Годунова на царство.

Все сіе не есть ли дѣйствіе одного и того же духа? Происшествіе съ переводомъ пастора Гаспера дало поводъ къ немалому волненію умовъ. Удаленіе Кн. Голицына отъ мин. просвѣщенія и уничтоженіе мин. духовныхъ дѣлъ, сдѣлалось эпохою изложенія мистицизма и соблазна. Представилось соблазнительное торжество извѣстнаго Фотія представляющаго Св. ревнителя и въ тоже время обирающаго именитую свою покаянницу. Обнародовавъ оскорбительный для Кн. Голицына рескриптъ къ новому министру просвѣщенія, по случаю дозволенія напечатать книгу Сташевича, за пропущеніе коей пострадалъ духовный цензоръ Иннокентій, между тѣмъ какъ читавшіе въ публикѣ книгу сію,

увѣряли, что она ни той ни другой чести не заслуживаетъ. Объявлено запрещеніе и самая конфискація тѣхъ книгъ, кои прежде напечатаны съ Высочайшаго дозволенія; пріостановленъ даже катехизисъ Архіепископа Филарета, на заглавномъ листѣ коего обозначено было, что онъ С. Синодомъ разсмотрѣнъ, одобренъ и съ Высоч. соизволенія напечатанъ. Надо было видѣть дѣйствіе такого запрещенія: въ два-три дня въ Москвѣ выкупили всѣ экземпляры за тройную цѣну; съ такою жадностью желали всѣ узнать, что могъ написать Архипастырь, добродѣтельною жизнью славящійся, противнаго духу христіанской религіи? Въ тоже время послѣдовало два указа на счетъ священниковъ и духовенства вообще, первый, распубликованный отъ гражд. Губернатора чтобы міряне не поили до пьяна священниковъ; а второй данный С. Синоду, чтобы отличить женъ и дочерей священно и церковнослужителей особымъ одѣяньемъ. Тотъ и другой оскорбили духовенство и сдѣлали оное предметомъ разныхъ сарказмовъ въ публикѣ. Если все это дѣлалось безъ скрытой пружины, то по крайней мѣрѣ производило одно дѣйствіе: возбудило умы противъ правительства и поощрило къ желанію чего либо лучшаго. Достопочтенный министръ просвѣщенія между тѣмъ въ рѣчи своей открылъ намѣренія правительства остановить успѣхи превратнаго просвѣщенія — новый поводъ къ неудовольствію свободномыслящимъ. Еще продолжалось о семъ различное мнѣніе, какъ вдругъ происшествіе въ Грузіи представило глазамъ публики не менѣе всѣхъ поразившій. Броженіе умовъ и ожиданіе предшествовало важнѣйшему событію. О, Государь, удостойте обозрѣть все выше изложенное и вы изволите увидѣть и убѣдиться, что истинный корень республиканскихъ

правилъ скрывается въ самомъ просвѣщеніи и образованіи, которое правительство въ теченіи 24 лѣтъ само давало юношеству. Оно само питало ихъ, какъ млекомъ, либеральными идеями, между тѣмъ какъ вступая на дѣятельное поприще жизни, они на каждомъ шагу встрѣчали поводъ къ достиженію той цѣли, къ которой ведетъ подобное образованіе. Преслѣдовать теперь за свободомысліе, не тоже ли будетъ значить, что бить слѣпаго, у котораго трудною операціею сняты катаракты и которому показанъ свѣтъ, за то что различаетъ предметы? Когда вы изволите быть въ Москвѣ, то увидите въ ней въ миніатюрѣ изображеніе русскаго юношества, возросшаго въ XIX вѣкѣ, это училище — обществомъ сельскаго домоводства для помѣщичьихъ крестьянскихъ дѣтей учрежденное. Директоръ сего училища, почтенный профессоръ Павловъ, назидая надъ ихъ воспитаніемъ, обходится съ ними со всею деликатностію и къ тому же пріучаетъ къ взаимному обхожденію. Между тѣмъ съ преподаваніемъ наукъ, развивающихъ высшія понятія, возвышающихъ душу — они дѣлаются людьми выше своего состоянія, и за чѣмъ все это? Что бы по окончаніи курса отдать помѣщику, который при первомъ капризѣ можетъ сего образованнаго юношу послать въ конюшню для тѣлеснаго наказанія. Не есть ли это тоже, что точить на себя ножъ ожесточенія?...

Всемилостивѣйшій Государь! сколько бы ни оказалось членовъ тайнаго общества, или вѣдавшихъ про оное; сколько бы многихъ по оному преслѣдованію ни лишали свободы, все еще останется гораздо множайшее число, раздѣляющее тѣже идеи и чувствованія. Россія уже такъ просвѣщена, что лавочные сидѣльцы читаютъ газеты, а въ газетахъ

пишутъ, что говорятъ въ палатѣ депутатовъ въ Парижѣ. Не первая ли мысль родится въ головѣ каждаго? Большая часть профессоровъ, литераторовъ, журналистовъ должны душевно принадлежать къ желателямъ конституціоннаго правленія, ибо свобода тисненія сопряжена съ личною ихъ выгодою. Книгопродавцы тоже, купцы тоже. Наконецъ всѣ тѣ, кои бывали въ иностранныхъ государствахъ, а иные и образовались тамъ; всѣ тѣ, кои служили въ гвардіи и теперь служатъ; не того же ли образа мыслей? Кто изъ молодыхъ людей, нѣсколько образованныхъ, не читалъ, не увлекался сочиненіями Пушкина, дышущаго свободой? Кто не цитировалъ басни Дениса Давыдова — *голова и ноги?* Можетъ быть въ числѣ тѣхъ, кои окружаютъ васъ, есть таковые. О, Государь! чтобы истребить корень свободомышленія, нѣтъ другаго средства, какъ истребить цѣлое поколѣніе людей, кои родились и образовались въ послѣднее царствованіе, но если сіе невозможно, то остается одно: препобѣдить сердца милосердіемъ и увлечь умы рѣшительными явными пріемами къ будущему благоденствію Россіи. Въ семъ отношеніи дозвольте обратить вниманіе В. В. на два коренные устава Россіи, кои приносятъ непримѣтный, но дѣйствительный вредъ *табель о рангахъ и городское положеніе.* По первому быстро умножается классъ личнаго безпотомственнаго дворянства, подобно Польской шляхтѣ, которое всякій трудъ и ремесло почитаетъ низкимъ, живетъ различными изворотами и вообще составляетъ родъ людей, который при переворотахъ можетъ надѣяться что нибудь выиграть, а потерять ничего не можетъ. Недавно одинъ такой чиновникъ посаженъ былъ въ городскую тюрьму по взысканію за повышеніе чина. По городовому положенію,

собственно гражданами нашихъ городовъ почитаются одни купцы и мѣщане, съ такою при томъ особенностію въ отношеніи къ первымъ, какая едва ли есть въ другихъ государствахъ, а именно то, что права, облагороживающія особу гражданина, даны не лицу, а капиталу; отъ этого происходитъ двоякое слѣдствіе, богатый честный купецъ, невинно раззорившійся, потеря богатства есть само по себѣ несчастіе великое, но законъ вмѣсто утѣшенія, утѣшаетъ его иначе: отнятіемъ всякихъ правъ, отличающихъ его отъ нисшаго класса; съ другой стороны — будь гражданинъ Сократъ добродѣтелью, и онъ подверженъ тягостямъ низкаго званія, если не богатъ; будь напротивъ заявленъ въ безчестныхъ правилахъ, онъ получаетъ права равныя дворянству, самымъ пріѣздомъ ко Двору. По истинѣ гибельный соблазнъ гражданской добродѣтели, а безъ нея никакое государство не можетъ быть благополучно. Государь! Вы воспріяли скипетръ Россіи въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько предстоитъ Вамъ предметовъ на пути къ истинной неувядаемой славѣ, къ немерцающему безсмертію. Воскресите въ своей особѣ благодушнаго Генриха IV, котораго желаніе видѣть въ воскресный день курицу въ супѣ каждаго крестьянина пребудетъ прочнѣйшимъ памятникомъ въ сердцахъ позднѣйшаго потомства. Великій Генрихъ принялъ Францію въ бѣдственнѣйшемъ положеніи, но пожелавъ видѣть ее счастливою, избралъ честнѣйшаго Сюлли и въ 9 лѣтъ все измѣнило свой видъ. Вамъ предстоитъ подобное: даровавъ духовенству нравственное образованіе, подкрѣпить упавшее и 24 лѣтнимъ займомъ вконецъ раззоренное дворянство, воскресить комерцію и промышленность незыблемыми уставами, водво-

рить правосудіе учрежденіемъ лучшаго судопроизводства, преобразовать города введеніемъ гражданскихъ правъ, подобныхъ другимъ государствамъ; дать другое постепенное для всѣхъ состояній просвѣщеніе юношеству; улучшить состояніе земледѣльцевъ, уничтожить унизительную для націи продажу людей (къ сему средства я имѣлъ счастіе представить покойному Государю), воскресить флотъ, поощрить къ мореплаванію частныхъ людей, къ чему призываютъ Америка и Гаити. Но мнѣ ли исчислять всѣ отрасли государственнаго блага, которыя должны отъ васъ произойти Августѣйшій Монархъ! Въ послѣднемъ порывѣ любви къ отечеству дерзнулъ я, не желая уподобиться Евангельскому рабу, сокрывшему свой талантъ въ землю, представить все то, что по бытности моей при дѣлахъ и по обращеніи въ среднемъ состояніи, мнѣ извѣстно относительно настоящаго положенія Россіи, которую я имѣлъ случай видѣть отъ Камчатки до Польши и отъ Петербурга до Астрахани. Я исполнилъ сіе, сколько то растерзанное сердце горестью и необходимость писать на бѣло мнѣ дозволили, имѣвъ счастіе прочесть благость во взорахъ вашихъ; я скорблю объ одномъ, что Вы, Государь, не сердцевѣдецъ; а если бы Вы изволили видѣть какими чувствами исполнена душа моя, можетъ быть удостоили бы меня вашимъ состраданіемъ. Но да совершится воля неисповѣдимаго въ путяхъ своихъ провиденія; съ благоговѣніемъ повергаюсь къ стопамъ Вашимъ, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего И. В.

Баронъ Владиміръ сынъ Штейнгель, отставной подполковникъ, заключенный въ Петропавловской крѣпости. Января 11, 1826 года.

РАЗСКАЗЫ О ВРЕМЕНАХЪ НИКОЛАЯ.

Событіе 1825 года и кровавыя мѣры, принятыя противъ дѣйствующихъ лицъ этой великой драмы, заслонили множество эпизодовъ открытія *злонамѣренныхъ* людей, которые потомъ гибли въ каторжной работѣ, въ крѣпостныхъ казематахъ и на Кавказѣ. Царствованіе „незабвеннаго" обильно такими событіями и мы можемъ считать ихъ не десятками, но сотнями: изъ одного 1827 года, слѣдовавшаго за „порѣшившимъ" съ Декабристами, когда, по словамъ Николая, „Россія была совершенно исцѣлена отъ скрывавшейся въ ней язвы", мы имѣемъ подъ руками 8 обстоятельныхъ и полныхъ разсказовъ, основанныхъ на документахъ. На первый разъ приводимъ *три* эпизода.

I.

Колесниковъ и его товарищи въ Оренбургѣ.

Существовавшее въ Москвѣ общество *Новикова* и его друзей основано было отчасти по правиламъ масонства. Братство, равенство, искренность, взаимное вспомоществованіе другъ другу, благотвореніе, распространеніе чтенія полезныхъ книгъ и вообще свободомысліе того времени — составляли цѣль его. Оно имѣло многія отрасли въ Россіи. Одно отдѣленіе его существовало даже въ Иркутскѣ.

Командиръ тогдашняго Екатеринбургскаго линейнаго баталліона Казачковскій, послѣ бывшій генералъ-лейтенантомъ, былъ основателемъ этого сибирскаго отдѣленія. Мудрено-ли, что подобное отдѣленіе образовалось и въ Оренбургѣ. Когда и кѣмъ оно основано, мы не знаемъ; извѣстно только, что бывшій оренбургской таможни директоръ Величко, поддерживалъ его до самой своей кончины, случившейся въ послѣдніе годы царствованія Александра. Со смертью его общество не рушилось. Вынужденныя тогда правительствомъ подписки доказываютъ только, и конечно не въ первый разъ, что въ подобныхъ случаяхъ никто не считаетъ противусовѣстнымъ обмануть его.

При вступленіи на престолъ Николая, оставался въ Оренбургѣ нѣкто Кудряшевъ, принадлежавшій къ обществу Велички. Онъ былъ чиновникъ, незначительный аудиторъ, но человѣкъ честный и образованный; Кудряшевъ завербовалъ нѣсколько молодыхъ людей, служившихъ въ тамошнемъ гарнизонѣ.

Происшествіе 14 Декабря 1825, съ его послѣдствіями, естественно напугало старшихъ и осторожныхъ членовъ этого общества, но огорчило и ожесточило юношей. При этомъ расположеніи ихъ, привезли въ Оренбургъ Завалишина, изъ юнкеровъ артиллерійскаго училища, разжалованнаго въ солдаты. Въ то самое время, когда *комитетъ о тайныхъ злоумышленникахъ* производилъ слѣдствіе, этотъ молодой человѣкъ, имѣя отъ роду не болѣе 17—18 лѣтъ, сдѣлалъ извѣтъ на роднаго своего брата, принадлежавшаго къ обществу — и даже на сестру. Настоящее несчастіе нисколько его не образумило: дорогою онъ надѣлалъ еще нѣсколько гадостей. Изъ Москвы онъ послалъ

доносъ на командира баталліона внутренней стражи Штемпеля, въ благодарность за то, что онъ принялъ его, какъ благороднаго, несчастнаго юношу и позволялъ, на свой страхъ разъѣзжать по городу. Во Владимірѣ онъ успѣлъ какъ-то пріѣхать подъ именемъ коммиссіонера Иванова и, увѣривъ губернатора, что потерялъ подорожную, выпросилъ другую и до самаго Оренбурга ѣхалъ съ этимъ видомъ.

Едва явился онъ въ команду, какъ и началъ увѣрять молодыхъ юнкеровъ и офицеровъ, что онъ принадлежалъ къ тайному обществу и осужденъ вмѣстѣ съ прочими. Весьма естественно, что провинціальные, молодые либералы имъ заинтересовались и начали съ нимъ нескромно бесѣдовать. Замѣтивъ это, Завалишинъ выдумалъ имъ сказку, будто-бы проѣзжая чрезъ Владиміръ, онъ открылъ и тамъ тайное общество, которое его приняло и дало порученіе принимать членовъ. Портупей-прапорщикъ *Колесниковъ*, одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, тотчасъ разсказалъ обо всемъ Кудряшеву, который и посовѣтовалъ быть крайне осторожнымъ въ откровенности съ Завалишинымъ; но чтобы вывѣдать у него истину, разрѣшилъ Колесникову, съ 2 или 3 товарищами, войти съ нимъ въ тайное сношеніе, примолвивъ: „а тамъ увидимъ!“ Колесниковъ уговорилъ прапорщика Таптикова и оба они дали себя принять въ мнимое общество. Потомъ Колесниковъ принялъ еще товарища и друга своего Дружинина, также портупей-прапорщика, а за тѣмъ прапорщика Старкова, юнкера Шестакова и служившаго въ ратушѣ коллежскаго регистратора Дынькова. Таптиковъ же съ своей стороны принялъ казачьяго сотника Вѣтошникова.

Все это происходило въ Мартѣ и началѣ Апрѣля 1827 г. Завалишинъ составилъ уставъ общества и 18 Апрѣля прочиталъ его въ собраніи всей этой молодежи. Они судили, рядили, кое-что исправили и кончили тѣмъ, что дали обманщику подписки въ вѣрномъ сохраненіи правилъ устава и тайны. Не далѣе какъ чрезъ три дня послѣ этого происшествія, секретарь военнаго губернатора шепнулъ одному изъ нихъ объ осторожности, примолвивъ: „кажется вашъ новы *пріятель* подалъ какой-то доносъ военному губернатору“. Объ этомъ тотчасъ дано было знать Кудряшеву. Онъ досталъ даже списокъ поименованныхъ въ доносѣ и успѣлъ предостеречь многихъ, присовѣтовавъ истребить бумаги, если есть, могущія навлечь хотя малѣйшее подозрѣніе и, вѣроятно, самъ поспѣшилъ сдѣлать тоже.

Предавъ этихъ несчастныхъ молодыхъ людей, Завалишинъ не посовѣстился собрать ихъ еще 23 числа, и тутъ весьма много ораторствовалъ о будущихъ дѣйствіяхъ, видахъ и надеждахъ, о заготовленіи оружія, о возмутительныхъ бумагахъ и т. п.

Черезъ день, т. е. 25 числа, по распоряженію военнаго губернатора начались аресты. Всѣхъ по списку, составленому Завалишинымъ взято 33 человѣка и всѣ разсажены по разнымъ гаубтвахтамъ. Обрадованный, вѣроятно, случаемъ выказать бдительность свою, и свое усердіе престолу, генералъ Эссенъ, одинъ изъ немногихъ оставшихся представителей Гатчины, не развѣдавъ порядочно, есть-ли тутъ что нибудь основательное, тотъ же день поспѣшилъ отправить курьеромъ своего адъюданта Лебедева, съ доносеніемъ къ государю объ открытіи *важнаго государственнаго заговора*.

Аудиторъ Кудряшевъ былъ арестованъ на другой день, и какъ ни у него, ни у многихъ другихъ

ничего подозрительнаго не нашли, то кромѣ 8 человѣкъ, о коихъ ниже будетъ упомянуто — тотчасъ всѣхъ выпустили. Кудряшевъ однакожъ черезъ недѣлію скоропостижно умеръ, и смерть его — какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ бываетъ — подала поводъ къ тайнымъ толкамъ объ отравѣ.

26 числа всѣ тѣ, которые спутали себя подписками, данными Завалишину, призваны были къ военному губернатору, для снятія съ нихъ допроса. Въ собственномъ его кабинетѣ составленъ былъ, подъ личнымъ его предсѣтательствомъ родъ комитета, въ которомъ присутствовали начальникъ штаба Оренбургскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Веселицкій, бригадный командиръ 1й бригады, генералъ-маіоръ Стерлингъ и, для письмоводства, корпусный аудиторъ.

Послѣ первыхъ разспросовъ, не трудно было увидѣть, что это просто молодые опрометчивые люди, большею частію чуть не дѣти, которые дались въ обманъ негодяю, вознамѣрившемуся ихъ погибелью купить себѣ прощенье. Генералъ Стерлингъ сильнѣе всѣхъ это замѣтилъ и потому вслухъ сказалъ генералу Эссену: „Вотъ, ваше высокопревосходительство, я вамъ говорилъ, что это все *штуки* самаго *Завалишина!*“ Военный губернаторъ не отвѣчалъ ни слова, но на лицѣ его показалась багровая краска, что могло значить: Глупость сдѣлана; поправлять поздно, пусть погибнутъ.

Вѣроятно увлекаясь этою послѣднею мыслію, а можетъ быть и желая показать, что жертвы его не совсѣмъ-же невинны, онъ обратился къ нимъ съ язвительною насмѣшкою и спросилъ: „Какое-же знамя вы приготовили: красное или зеленое, гдѣ оно у васъ?“ — „Мы не готовили никакого“, отвѣчали ему. „Какъ, сударь, изъ устава вашего

видно, что бы намѣревались *поднять знамя!*" — „Знамя бунта ваше превосходительство, это такъ только говорится", объяснилъ ему Колесниковъ — и генералъ сталъ въ тупикъ.

Удостовѣрившись изъ разспросовъ, что Завалишинъ самъ былъ зачинщикъ всего дѣла, генералъ Эссенъ тутъ-же приказалъ взять его подъ стражу; а допрошенныхъ повели изъ кабинета въ копрусное дежурство, чтобы тамъ прочитать имъ снятые съ нихъ допросы и дать имъ подписать ихъ. Это предоставлено было одному корпусному аудитору. Когда дошла очередь до подпоручика Михайлова, всѣ его товарищи приступили къ аудитору и, свидѣтельствуя единогласно, что онъ съ ними ни въ чемъ не участвовалъ, просили уничтожить допросъ и освободить его. Аудиторъ спросилъ: „всѣ-ли они на это согласны?" и получивъ утвердительный отвѣтъ, тутъ же разорвалъ допросъ и вымаралъ его изъ списка. Такимъ образомъ этотъ человѣкъ спасся! Доказательство: какими глазами смотрѣли на важность этого дѣла низшіе чиновники и что можетъ сдѣлать иногда корпусный аудиторъ.

И такъ, по этому важному заговору преданы были суду только слѣдующія лица:

Прапорщики;	*Тантиковъ*	30 лѣтъ.*)
„	*Старковъ*	25

*) Судьба этого человѣка довольно странна. Изъ бѣдныхъ дворянъ Орловской губерніи, онъ взросъ въ домѣ фельдмаршала Каменскаго, послѣ трагической смерти котораго, отданъ въ военную службу. За Бородинское дѣло произведенъ въ офицеры. Впослѣдствіи, за пожаръ въ деревнѣ, въ которой стоялъ съ своимъ капральствомъ, разжалованъ въ рядовые. Дѣлалъ нѣсколько трудныхъ походовъ въ Бухару и Хиву, и только что выслужился опять въ офицеры — попалъ въ каторжную работу.

Портупей-прап:	*Колесниковъ*	24
„ „	*Дружининъ*	19
Юнкеръ	*Шестаковъ*	17
Казачій сотникъ	*Вѣтошниковъ*	23
Рядовой	*Завалишинъ*	19

и коллеж. регистр. *Дыньковъ* 19 лѣтъ; этотъ послѣдній судился гражданскимъ судомъ.

Военный судъ, подъ предсѣдательствомъ дивизіоннаго командира генералъ-лейтенанта Жемчужникова, былъ составленъ изъ слѣдующихъ членовъ:

1) Полковникъ Эссенъ, состоящіи по особымъ порученіямъ у военнаго губернатора, своего роднаго брата.

2) Полковникъ свиты его величества Тимофѣевъ.

3) Полковникъ Покатиловъ, бригадный командиръ Оренбургской артиллеріи, и нѣсколько оберъ-офицеровъ.

Дѣлопроизводителемъ былъ дивизіонный аудиторъ Пенской.

Судъ открытъ 4 Мая. Члены всѣ примѣтно были озлоблены гнуснымъ поступкомъ Завалишина, который хотѣлъ запутать еще многихъ бывшихъ семеновскихъ солдатъ; но они отвѣтами своими усуглубили только его вину. Видя, что ему плохо, Завалишинъ успѣлъ изъ подъ караула послать на самаго Эссена доносъ къ государю, собравъ въ немъ всѣ злоупотребленія, о какихъ отъ частныхъ лицъ въ городѣ могъ только слышать; но этотъ доносъ, въ доказательство уже полной высочайшей довѣренности къ усердновѣрному Эссену, присланъ былъ къ нему, съ повелѣніемъ судить Завалишина. А за этотъ поступокъ Эссенъ его и не пощадилъ. Судъ оконченъ 13 Іюня. Замѣчательно,

что 15 числа полковникъ Эссенъ умеръ скоропостижно отъ удара.*)

По приговору военнаго суда, присуждено! Таптикова, Колесникова, Вѣтошникова и Завалишина, *яко* главныхъ злоумышленниковъ бунта, *колесовать;* Старкова и Дружинина, *лишить живота;* Шестакова *расжаловать вѣчно въ солдаты.* Генералъ Эссенъ конфирмовалъ; *сослать въ каторжную работу:* Таптикова — на 12 лѣтъ, Колесникова — на 24, Дружинина — на 8, Завалишина *вѣчно;* Вѣтошникова же и Старкова — *вѣчно въ солдаты;* а Шестакова *на три года въ солдаты безъ лишенія дворянства.* Аудиторіатскій департаментъ положилъ: Таптикова, на 8 лѣтъ, Колесникова на 12, и Дружинина, на 6 лѣтъ въ каторжную работу; а о Старковѣ, Шестаковѣ, Вѣтошниковѣ и Завалишинѣ подтвердилъ конфирмацію военнаго губернатора.

Всемилостивѣйшая, высочайшая конфирмація, послѣдовавшая въ 12 день Августа, 1827 года, состояла въ слѣдующемъ: Таптикову, Колесникову и Дружинину сбавлены сроки вполовину; Старкову, Вѣтошникову и Завалишину утверждено наказаніе, положенное генераломъ Эссеномъ, а о 17-лѣтнемъ Шестаковѣ присовокуплено: *„вѣчно въ солдаты и лишить дворянства.“*

Экзекуція исполнена 12 Сентября. Посланные въ каторжную работу поступили въ Петровскій заводъ, въ Сентябрѣ 1828 г. Эссенъ переведенъ въ Петербургъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, получилъ андреевскую звѣзду и потомъ графское достоинство.

---

*) Кстати припомнить, что и въ такъ названномъ верховномъ уголовномъ судѣ, однаго члена, наиболѣе водвизавшагося въ осужденіи обреченныхъ заранѣе на жертву, именно графа Г. В. Орлова, постигла подобная смерть.

II.

Братья Критскіе и ихъ товарищи въ Москвѣ.

11 Августа 1827 года на главную гаубтвахту въ Кремлѣ пришелъ нѣкто Николай Лушниковъ, сынъ симбирскаго помѣщика, пріѣхавшій въ 1826 году для поступленія въ московскій университетъ, но почему-то туда не принятый. Спросивъ часоваго о караульныхъ офицерахъ (штабсъ капитанѣ Боцанъ и прапорщикѣ Ковалевскомъ), съ которыми былъ знакомъ, онъ вошелъ къ нимъ и въ откровенной бѣсѣдѣ началъ говорить объ образѣ правленія въ Россіи, сказалъ, что скоро конституція возметъ верхъ, бранилъ Николая и упомянулъ, что у него съ друзьями составлено тайное общество для истребленія императорской фамиліи, что у нихъ хранится кинжалъ, изготовленный въ 1826 году, наконецъ объявилъ, что 22 Августа общество намѣрено распустить нѣсколько тысячь афишъ для возмущенія народа и издать прокламаціи для возбужденія въ немъ ненависти къ монархическому правленію, при этомъ онъ указалъ на Критскихъ.

Офицеры, вечеромъ того-же дня, донесли объ этомъ своему полковнику командиру (командиръ Сибирскаго гренадерскаго полка былъ полковникъ Юницынъ), тотъ донесъ далѣе и на другой день фельдъегерь несся въ Петербургъ съ письмами отъ военнаго генералъ-губернатора князя Голицына и коменданта Веревкина. Не желая остаться неизвѣстнымъ, Юницынъ, вопреки порядку службы, и отъ себя послалъ донесеніе Николаю, но въ донесеніи этомъ показалъ не тотъ день, въ который узналъ о происшествіи, да еще припуталъ ни къ селу ни къ городу какой то глупый слухъ о дѣ-

лателяхъ фальшивыхъ ассигнацій. Командиръ 3 гренадерской дивизіи генералъ-ад. Храповицкій, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ и самъ донести государю, испрашивая прощенія „незаконному дѣйствію" Юницына и оправдывая его излишнимъ рвеніемъ, такъ что Юницынъ впослѣдствіи отдѣлался только строгимъ выговоромъ.

Всю массу полученныхъ донесеній гр. Сакенъ по высочайшему повелѣнію, передалъ Дибичу, присовокупивъ, что „московскіе студенты, какъ видно, всѣ заражены возмутительными мыслями."

Съ 14 на 15 Августа, въ 4 часа ночи, по распоряженію московскаго военнаго генералъ-губернатора, были взяты: *Лушниковъ* (18 лѣтъ); служившій въ 7 Д-тѣ Сената, 12 класса, *Петръ Критскій* (21 годъ), братья его студенты Московскаго университета: *Василій* (17 лѣтъ) и *Михаилъ* (18 лѣтъ).

Для разбора дѣла была составленна слѣдственная коммиссія изъ генералъ-ад. Храповицкаго, московскаго коменданта Веревкина, начальника 2 округа корпуса жандармовъ генералъ-маіора Волкова, московскаго оберъ-полицмейстера генералъ-маіора Шульгина и статскаго совѣтника Тургенева. Оберъ-аудиторомъ былъ извѣстный Н. Д. Оранскій.

20 Августа коммиссія открыла свои засѣданія и, послѣ перваго допроса, еще были взяты: проживавшій у отца въ Воронежской губерніи студентъ *Николай Поповъ* (18 лѣтъ) и кремлевской экспедиціи архит. помощникъ *Данило Тюринъ* (19 лѣтъ); а потомъ канцеляристъ *Салтановъ* (20 лѣтъ), коллежскіе регистраторы *Матвѣевъ* (24 лѣтъ) и *Томановскій* (17 лѣтъ), студенты, *Роговъ* и *Пальминъ* (послѣдній изъ имѣнія матери, тамбовской губерніи), канцеляристы *Николай Тюринъ* (17 лѣтъ), и *Ших-*

маревъ (19 лѣтъ) и 6го карабинернаго полка юнкеръ *Куриловъ.**)

Коммиссія, изъ разпросовъ, открыла, что малый кругъ „соумышленниковъ“ не принадлежалъ ни къ какому тайному обществу, что они только старались размножать товарищей, сближаясь съ разными лицами, выдавали себя за членовъ тайнаго общества и желали конституціоннаго правленія.

Лушниковъ показывалъ, что съ прибытія въ Москву изъ симбирской губерніи, огорченный неуспѣшностью поступленія въ университетъ, онъ скучалъ и искалъ знакомства по сердцу, которое и нашелъ въ Критскихъ. Онъ познакомился съ ними въ Январѣ 1827 года, но разговоры не заключали ничего особеннаго. Въ страстную пятницу Лушниковъ пошелъ на Москву рѣку, смотрѣть ледъ, и тамъ встрѣтился съ Васильемъ Критскимъ. Они разговорились, между прочимъ, о всеобщемъ употребленіи иностраннаго языка въ Россіи и обычаевъ, и сожалѣли, что русскіе чуждаются своего отечественнаго. Подобный разговоръ былъ черезъ нѣсколько дней при Михаилѣ Критскомъ, который очень хвалилъ конституцію Англіи и Испаніи, пред-

*) Они были взяты и посажены: 1) Лушниковъ — въ срѣтенскую часть, съ 15 Августа по 24 Декабря. 2) Петръ Критскій — въ тверскую, съ 15 Августа по 8 Сентября и потомъ въ якиманскую по 24 Декабря. 3) Михаилъ Критскій — въ мясницкую съ 15 Августа по 7 Ноября и въ яузскую по 19 Декабря. 4) Василій Критскій — въ прѣсненскую съ 15 Августа по 19 Декабря. 5) Поповъ — въ тверскую, съ 8 Сентября по 21 Декабря. 6) Даніилъ Тюринъ — въ арбатскую съ 19 Августа по 21 Декабря. 7) Салтановъ — въ мѣщанскую съ 26 Августа по 9 Января. 8) Томановскій — въ хамовническую, съ 26 Августа по 9 Января. 9) Николай Тюринъ — съ 1 Сентября по 9 Января. 10) Пальминъ въ пречистенскую съ 11 Сентября по 9 Января. 11) Роговъ въ городскую съ 26 Августа по 10 Января.

ставлялъ несчастнымъ народъ, находящійся подъ монархическимъ управленіемъ и называлъ Декабристовъ *великими,* говоря, что они желали блага отечеству. Рѣшительный характеръ Критскихъ привлекъ Лушникова. Послѣ частыхъ свиданій они открыли ему желаніе свое видѣть въ Россіи конституціонное правленіе и говорили, что для этого можно пожертвовать жизнію. Лушниковъ объявилъ себя ихъ единомышленникомъ, но сомнѣвался въ успѣхѣ по малочисленности товарищей. Василій Критскій замѣтилъ на это, что и общество Декабристовъ составилось не вдругъ.

Черезъ нѣсколько времени Критскіе познакомили Лушникова съ Данилою Тюринымъ, который думалъ, что прежде всего надо стараться объ умноженіи членовъ, и со временемъ уже — принять рѣшительныя мѣры въ разсужденіи императора, котораго, въ случаѣ несогласія принять конституцію, принудить къ тому силою.

Потомъ они познакомили Лушникова съ Поповымъ, который прежде, по ихъ словамъ, былъ „рабъ", какъ называли Критскіе всѣхъ непринадлежащихъ къ ихъ обществу.

При совѣщаніяхъ, въ семъ обществѣ дѣлаемы были предложенія: разпространять мысли свои въ университетѣ между студентами (такъ показывалъ одинъ Данило Тюринъ, но Василій Критскій не соглашался) и избрать предсѣдателемъ Александра Пушкина (мысль Михаила Критскаго, но Лушниковъ опровергалъ ее, говоря, что Пушкинъ преданъ нынѣ большому свѣту и думаетъ больше о модахъ, и остренькихъ стишкахъ, нежели о благѣ отечества). Но то и другое было оставлено. Разсуждали даже о покушеніи на жизнь государя (первый показалъ это Данило Тюринъ, Лушниковъ

подтвердилъ, а Петръ Критскій говоритъ, что забылъ). Однажды въ разговорахъ: „Нужно убить государя", сказалъ Михаилъ Критскій Данилу Тюрину: — „Это будетъ безполезно", возразилъ Тюринъ. — „Смерть государя устрашитъ прочихъ особъ царской фамиліи и заставитъ удалиться въ Германію", продолжалъ Михаилъ Критскій. — „Напротивъ, примутъ страшныя мѣры и за одно неосторожное слово будутъ отсылать въ Сибирь", продолжалъ Тюринъ. „Тѣмъ лучше, сказалъ Критскій, потому что народъ тогда ожесточится." При возобновившемся разговорѣ, въ другое время, было положено совершить это по жребію, съ тѣмъ, чтобы избранный убилъ и себя. Намѣревались отложить это на 10 лѣтъ. Въ 3 разъ Михаилъ Критскій при Васильѣ Поповѣ и Тюринѣ, обратясь къ Лушникову сказалъ: „Какъ вы думаете, до корня или съ корнемъ, т. е. лишить жизни всю императорскую фамилію или оставить наслѣдника?" — „Если благополучіе моего отечества и перемѣна правленія требуетъ этой жертвы — то я готовъ на все, но для чего губить царственнаго младенца? Онъ не можетъ быть намъ вреденъ!" говорилъ Лушниковъ. „Вотъ хорошо! возразилъ Василій Критскій: не можетъ быть вреденъ? развѣ змѣенышъ, возрастая, не получаетъ материнскаго яда?" — „Къ тому же, присовокупилъ Поповъ, за наслѣдника вступятся всѣ нѣмцы, какъ за родную кровь свою." — Потомъ Михаилъ Критскій указывалъ въ календарѣ, на портретъ государя, и возбуждалъ къ ненависти говоря, что есть уже нѣсколько оружія „для гостинцевъ", а Василій спрашивалъ Лушникова, „хочетъ ли онъ жертвовать собою для блага отечества или ему пріятно видѣть его угнетеніе и погибель?"

Послѣ этого Поповъ уѣхалъ на ваканціи въ Воронежскую губернію. Михаилъ Критскій предложилъ распускать возмутительныя записки въ городѣ. Сначала эта мысль была одобрена, но потомъ сознана опасною и оставлена. Петръ Критскій, занимая квартиру въ Кремлевскомъ зданіи, часто при проходѣ чрезъ корридоры разговаривалъ съ часовыми, стараясь развивать въ нихъ нерасположеніе къ начальству, одинъ изъ этихъ часовыхъ Франкъ Кушнерюкъ рядовой Астраханскаго полка былъ потомъ привлеченъ къ дѣлу и наказанъ крайне жестоко.*) Лушниковъ думалъ написать прокламаціи къ жителямъ Москвы и положить на памятникѣ Минина и Пожарскаго. Михаилъ Критскій одобрялъ это, говоря: „мысль хороша, но предпріятіе отъ этого можетъ уничтожиться.“ Онъ полагалъ, что могутъ добраться по почерку и хотѣлъ имѣть печатный станокъ, чтобы ко времени коронаціи (т. е. дня 22 Августа) напечатать и разбросать по красной площади. Всѣ они надѣялись на генерала Ермолова, какъ человѣка оби-

*) Когда Петръ Критскій былъ посаженъ въ тверской частной домъ, то на другой день ареста увидѣлъ изъ окошка близъ часоваго Франка Кушнерюка и позвалъ его. Кушнерюкъ узналъ Критскаго и спросилъ: „Какъ это вы попали ваше благородіе?“ „Да, вчера выпилъ лишнее въ Сокольникахъ, меня и взяли. Отнеси пожалуста записочку къ матери, чтобъ поскорѣе меня выручила.“ Тутъ онъ выбросилъ записку на лоскуткѣ, вырванномъ изъ бумажника. Кушнерюкъ, послѣ смѣны поднялъ ее и отнесъ. Когда Критскій разсказалъ объ этомъ коммиссіи, то не могъ указать какого полка солдатъ и какъ его прозваніе, зналъ только что имя Франкъ. По этому добрались и назначили надъ Кушнерюкомъ военный судъ, который и приговорилъ его: прогнать сквозь строй четыре раза черезъ тысячу и потомъ навсегда на работы въ Бобруйскъ. Это исполнено и донесено „незабвенному“.

женнаго, на Симбирскаго губернатора, предводителя дворянства князя Баратаева и на генерала Ивашева, огорченнаго ссылкою сына.

Въ это время общество было открыто.

Таково показаніе Лушникова. Прочіе показывали: Василій Критскій тоже самое, Петръ Критскій прибавлялъ, что любовь къ независимости и отвращеніе къ монархическому правленію были возбуждены въ немъ чтеніемъ твореній Пушкина и Рылѣева. Слѣдствіемъ этого было, что погибель Декабристовъ родила въ немъ негодованіе и сожалѣніе, возбудивъ желаніе подражать имъ. Михаилъ Критскій не признался ни въ чемъ. Д. Тюринъ не признался въ намѣреніи истребить царскую фамилію.

Показанія ихъ сдѣлали прикосновенными другія лица, которыя показывали и обвинялись:

Служившій въ 7 департаментѣ, изъ дворянъ, Алексѣй Салтановъ, слушалъ вольные разговоры; говорилъ, что войско содержится строго, что во время тогдашней персидской войны описывали уронъ непріятеля, а своего нѣтъ.

Служившій въ опекунскомъ совѣтѣ Алексѣй Матвѣевъ соглашался съ Лушниковымъ, будто въ Россіи нѣтъ положительныхъ законовъ, и дурно жить чиновникамъ, что надо перемѣнить правленіе; читалъ вредные стихи, слышанные отъ Пальмина.*)

---

*) Стихотвореніе, приведенное въ особомъ докладѣ Николаю было:

Когда-бы вмѣсто фонаря,
Что свѣтитъ тускло въ непогоду,
Повѣситъ деспота-царя,
То заблисталъ-бы лучь свободы.

Оно было приписано Полежаеву, который только что передъ тѣмъ былъ разжалованъ, за побѣгъ, въ рядовые изъ унтеръ-офицеровъ, съ лишеніемъ дворянства и безъ выслуги („это изъ того же доклада“). Николай Павловичъ написалъ: спро-

Кремлевской экспедиціи помощникъ архитектора, коллежскій регистраторъ, Петръ Тамановскій полагалъ, что нужна конституція въ Россіи („едва-ли понимая значеніе этого слова“, замѣчаетъ коммисія).

Студентъ университета Алексѣй Роговъ, часто возвращался съ лекцій съ Критскими и на пути разговаривалъ о правительствѣ, о несправедливости суда надъ Декабристами, говорилъ, что не должны быть начальники иностранцы, *говорилъ объ юстиніановыхъ законахъ, и о конституціи.*

Канцеляристъ Николай Тюринъ — изъ отвѣтовъ видно, что онъ *слушалъ* дерзкіе разговоры, но „изъ изъясненія его подлинно не видно дальняго ума“, замѣчаетъ коммисія. Онъ самъ объявилъ, что хотѣлъ быть соумышленникомъ, но по недальнему уму отдалился. Онъ удивлялся, узнавъ, что царь „изъ нѣмцевъ“.

Кремлевской экспедиціи канцеляристъ Алексѣй Шихмаревъ согласился на искорененіе иностранцевъ, но слыша отъ Лушникова: „желаешь-ли ты счастія отечеству и имѣешь-ли столько твердости, чтобы для достиженія этого пожертвовать жизнію?“ отвѣчалъ: „Безъ сомнѣнія, ибо какой вѣрноподанный не захочетъ умирать за государя и отечество.“ Онъ говоритъ, что старался вывѣдать цѣль, чтобы потомъ донести правительству и получить названіе *вѣрнаго.*

сить Полежаева — написалъ-ли онъ это до отдачи въ солдаты или послѣ. Если до отдачи — оставить, а если послѣ — предать суду. Полежаевъ былъ посаженъ, но оказалось (изъ его допросовъ и другихъ доказаній), что стихотвореніе написано прежде отдачи въ солдаты. Его выпустили. Иначе ему грозило наказанье: сквозь строй. Не тогда-ли написалъ онъ:

Я погибалъ,
мой злобный геній
Торжествовалъ и пр.?

Бывшій студентъ, 12 класса, Петръ Пальминъ, передалъ Матвѣеву вредное стихотвореніе.

Книгопродавецъ, московскій купеческій сынъ *Иванъ Кольчугинъ.* Лушниковъ, зайдя въ лавку, спрашивалъ о цѣнѣ „Думъ" Рылѣева и выхваляя его геній, сожалѣлъ объ участи. Кольчугинъ сказалъ: „То, за что онъ погибъ, увѣковѣчитъ его память; слѣдственная коммиссія сдѣлала ихъ дураками; они-бы по нашему, по просту, изъ за уголка." Лушниковъ сказалъ иронически: „Пойти помолиться за царя, да поставить за него свѣчку." Кольчугинъ прибавилъ: „Да, ужъ и отъ меня поставьте сальную." Кольчугинъ противъ этого показанія Лушникова не сознался, говоря, что не помнитъ, и что по молодости это можетъ быть извинительно, „впрочемъ прося снихожденія у присутствующихъ."

Кремлевскій экспедиторъ, титулярный совѣтникъ Алексѣй Гамбурцевъ, архитекторскій помощникъ коллежскій регистраторъ Александръ Тимоѳѣевъ, канцеляристы: Александръ Косовъ, Александръ Пашковъ и Иванъ Мейенъ. Послѣдній оказался совершенно неприкосновеннымъ къ дѣлу. Онъ встрѣтившись съ Тюринымъ въ Александровскомъ саду говорилъ: „Что тебя еще не взяли?" — за что? — „За то что былъ знакомъ съ Критскими, вѣдь ихъ взяли, погоди и тебя возьмутъ." За это Тюринъ и привлекъ его къ дѣлу.

Коммиссія представляя изложенное, заключала, что по недостатку фактовъ суду предавать невозможно и что дѣло вообще не важно, такъ что по ея мнѣнію, слѣдовало-бы молодымъ людямъ вмѣнить въ наказаніе, содержаніе подъ арестомъ.

„Незабенный" написалъ на докладѣ:

„Суду не предавать, а послать по два: въ Швартгольмъ, въ Шлюссельбургъ и въ Соловецкій

островъ. Членамъ коммиссіи объявить благодарность. 21 Ноября 1827."

Въ самомъ докладѣ, противъ фамилій, онъ обозначилъ собственноручно:

„Лушникова и Петра Критскаго въ Швартгольмъ, Михаила Критскаго и Николая Попова въ Соловецкій островъ, Василія Критскаго и Даніила Тюрина въ Шлюссельбургъ (въ крѣпость)." Противъ остальныхъ отмѣтилъ:

Салтанова „на службу въ Оренбургъ" *), Матвѣева „простить", Томановскаго „въ Пермь", Рогову „избрать родъ службы и отправить куда изъявитъ желаніе", Николая Тюрина „въ Вятку", Александра Шахларева „простить", Пальмина „въ Вологду", Кольчугина „простить, но имѣть строгій присмотръ." Прочіе прощены, но изъ кремлевской экспедиціи велѣно перевести на службу внѣ Москвы. Мейенъ прощенъ.

Михаила и Василья Критскихъ, по ошибкѣ, отправили въ Соловки. Незабвенный задалъ за это головомойку и велѣлъ перевести Василья Критскаго въ Шлюссельбургъ, а Попова оттуда въ Соловки, какъ прежде назначилъ. Тамъ Василій Критскій и умеръ 21 Мая 1831 г. отъ изнурительной лихорадки въ подземномъ, сыромъ, казематѣ. Судьба прочихъ печальна. Они даже „облегченій" не получали, какъ Декабристы, которымъ раза три въ

*) Салтанова привезли въ Оренбургъ на службу. Военный губернаторъ извѣстный изъ предыдущей статьи, Эссенъ, понялъ это выраженіе такъ: онъ опредѣлилъ Салтанова на службу рядовымъ, и этотъ былъ болѣе полугода солдатомъ, пока родственникамъ удалось добраться до Бенкендорфа и изложить дѣло. Тогда по высочайшему повелѣнію написано было Эссену, что онъ не такъ понялъ, что Салтанова слѣдуетъ опредѣлить по прежнему канцеляристомъ. Это и было сдѣлано.

торжества, сбавлялся срокъ каторги на годъ или на два. Объ этихъ же *забыли.**)

III.

Братья Раевскіе.

Предложеніе правительствующему сенату управляющаго министерствомъ юстиціи, г. тайнаго совѣника, сенатора и кавалера, князя Алексѣя Алексѣевича Долгорукова, 1827 года, Октября 28 числа.

За отсутствіемъ г. начальника штаба его императорскаго величества, товарищъ его, г. генералъ-адъютантъ графъ Чернышевъ, препроводилъ къ бывшему г. министру юстиціи копію съ высочайше конфирмованнаго, въ 15 день минувшаго Сентября, всеподданнѣйшаго доклада начальника главнаго штаба его величества (1), по двумъ военно-суднымъ дѣламъ о маіорѣ 32-го егерскаго полка, Раевскомъ (2), и братѣ его, отставномъ корнетѣ Раевскомъ, сужденномъ за разные противузаконные проступки. Изъ сего доклада, между прочимъ, видно, что высочайше утвержденная для разсмотрѣнія сихъ дѣлъ коммиссія, почитая, что корнетъ Григорій Раевскій продолжительнымъ содержаніемъ въ заключеніи достаточно наказанъ уже за фальшивый свой поступокъ (3), на который рѣшился онъ не по особеннымъ какимъ либо причинамъ, но по незрѣлости лѣтъ и развращенному поведенію; притомъ же поступокъ сей учиненъ имъ до состоянія еще всемилостивѣйшаго манифеста 22 Августа 1826 года, полагала: освободя упомянутаго корнета Григорія

---

*) Николай Павловичъ пожелалъ узнать, гдѣ воспитывались эти молодые люди, оказалось что двое или трое въ пансіонѣ Горна. Велѣно было обратить на него вниманіе, и если что окажется неподходящее въ преподованіи, то закрыть.

Раевскаго изъ подъ ареста, доставить въ имѣніе отца, гдѣ и быть ему подъ присмотромъ родственниковъ. Командующій же гвардейскимъ корпусомъ, его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ, разсмотрѣвъ заключеніе означенной, высочайше утвержденной коммиссіи, и находя оное въ отношеніи къ обвиненію подсудимыхъ и сопричастныхъ къ тому лицъ (4), равно къ оправданію нѣкоторыхъ изъ сихъ послѣднихъ по неприкосновенности ихъ къ поступкамъ маіора Раевскаго (5), достаточными для опредѣленія по нимъ мѣры наказанія виновнымъ, присовокупляетъ съ своей стороны: 1) что маіоръ Раевскій (6) хотя по удостовѣренію коммиссіи и не принадлежалъ къ составленному послѣ 1821 года злонамѣренному обществу, почему и дальнѣйшее объ немъ изслѣдованіе по комитету о государственныхъ преступникахъ прекращено было, но за всѣмъ тѣмъ, собственное его поведеніе, образъ мыслей (7) и поступки, изъясненные въ рапортѣ коммиссіи, столь важны, что онъ по всѣмъ существующимъ постановленіямъ, подлежалъ бы лишенію жизни, и потому на счетъ его находя приговоръ коммиссіи не соотвѣтствующимъ обнаруженнымъ преступленіямъ, полагалъ: онаго маіора Раевскаго, лиша чиновъ, заслуженныхъ имъ: ордена св. Анны 4 класса, золотой шпаги съ надписью за храбрость, медали въ память 1812 года, и дворянскаго достоинства, удалить, какъ вреднаго въ обществѣ человѣка, въ Сибирь на поселеніе. И 2) что бывшій гевальдигеромъ 16 пѣхотной дивизіи поручикъ Таушевъ, получа отъ начальства предписаніе о принятіи въ вѣденіе свое, послѣ ареста Раевскаго, всѣхъ находившихся въ школѣ таблицъ, книгъ и разныхъ вещей, взялъ только однѣ печатныя таблицы Греча, а книги и

письменныя прописи, подъ предлогомъ не нужныхъ, отдалъ служителю капитана Охотникова, который жилъ на одной квартирѣ съ маіоромъ Раевскимъ и находился съ нимъ въ тѣсной связи, каковое дѣйствіе поручика Таушева очевидно заключаетъ въ себѣ умыселъ къ сокрытію вреднаго намѣренія Раевскаго (8), за что и подлежалъ бы онъ строгому наказанію; но какъ въ семъ умыслѣ онъ, Таушевъ, не изобличенъ, а остался только въ подозрѣніи, то, согласно заключенію коммиссіи, освободить его отъ дальнѣйшаго наказанія. Его высочество признаетъ однако нужнымъ имѣть за поведеніемъ его строгое наблюденіе. Во всемъ же прочемъ по означеннымъ дѣламъ, его высочество согласенъ съ заключеніемъ коммиссіи.

На подлинномъ докладѣ, собственною его императорскаго величества рукою, написано тако: „Быть по мнѣнію его императорскаго высочества, командующаго гвардейскимъ корпусомъ (9). Николай.“ С. Петербургъ, 15 Октября 1827.

(См. „Московскія Вѣдомости 1827 г., Ноября 23 дня [середа], No. 94).

Замѣчанія, написанныя въ 1849 году.

1) Графа Дибича, душевнаго друга генерала Сабанѣева.

2) Надъ маіоромъ Раевскимъ произведено было четыре военносудныхъ дѣла: 1) при 6 пѣхотномъ корпусѣ, подъ предсѣтательствомъ генерала Сабанѣева; 2) въ высочайше учрежденномъ комитетѣ противъ государственныхъ преступниковъ; 3) въ Царствѣ Польскомь, въ крѣпости Замосць подъ предсѣдательствомъ генерала Дурасова, такъ называемая вѣсочайше учрежденная коммиссія; 4) при

1-мъ гвардейскомъ корпусѣ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Левашова и подъ надзоромъ вел. кн. Михаила Павловича.

3) 1823 въ исходѣ, или 1824 года, отставной корнетъ Григорій Раевскій просилъ неотступно у своего отца позволенія съѣздить въ Одессу или Тирасполь и узнать за что братъ его, маіоръ Владиміръ Раевскій, преданъ суду, потому что маіоръ Раевскій судился *секретно* и узнать стороною не возможно было; но отецъ его, Ѳедосей Раевскій, ему рѣшительно въ томъ отказалъ. Черезъ этотъ отказъ, желаніе молодаго, семнадцатилѣтняго человѣка только усилилось; онъ отыскалъ между бумагами нѣсколько старыхъ подорожныхъ братьевъ своихъ и выбравъ лучшую, подскоблилъ годъ и отправился въ Одессу, сказавши отцу, что ѣдетъ въ Курскъ. Пріѣхавши въ Одессу, по молодости и неопытности, онъ проговорился, а какъ арестъ маіора Раевскаго считался весьма важнымъ, то о намѣреніи Григорія Раевскаго тотчасъ донесли графу Ланжерону, бывшему генералъ-губернаторомъ; Ланжеронъ донесъ государю. Корнета Раевскаго взяли, увезли въ крѣпость Шлюссельбургскую, гдѣ онъ лишился ума; потомъ перевезли его въ крѣпость Замосць, а оттуда домой, гдѣ онъ *послѣ пятилѣтняго заключенія* въ крѣпостяхъ и помѣшательства ума, вскорѣ умеръ.

4) Соприкосновенныхъ лицъ по 4-мъ суднымъ дѣламъ, никого и нигдѣ не было.

5) Это фантастическія лица, въ воображеніи или на бумагѣ только существовавшіе.

6) Маіоръ Раевскій судился въ комитетѣ о государственныхъ преступникахъ и найденъ рѣшительно непричастнымъ къ заговору, да и не могъ принадлежать къ тому обществу, которое учреж-

дено въ 1823 году, такъ какъ онъ заключенъ былъ въ крѣпость Тираспольскую въ 1822 г. 6 Февраля.

7) *Собственное* (?) *поведеніе* и поступки, а въ особенности *образъ мыслей* (кто ихъ проникъ?) столь *важны,* что ни одного изъ сихъ поступковъ и думъ коммиссія и всѣ суды не могли огласить. Въ чемъ же состояла *важность* его поступковъ и думъ? Для чего бы не сказать, не обнаружить хотя *одинъ* поступокъ и *одну* или *двѣ мысли?* Лишить человѣка жизни, опубликовать виновнымъ, и не объяснить вины! Маіоръ Раевскій лишенъ чиновъ, орденовъ, имѣнія, шесть лѣтъ содержался въ крѣпостномъ заключеніи и сосланъ въ Сибирь, какъ *вредный въ обществѣ* человѣкъ, за *важные* поступки и *образъ мыслей.*

Великій князь Михаилъ Павловичъ опредѣлилъ удалить маіора Раевскаго въ Сибирь, какъ вреднаго человѣка, находя приговоръ высочайше учрежденной коммиссіи и конфирмацію цесаревича Константина Павловича не соотвѣтствующими. Въ чемъ же состояла сія не соотвѣтствующая конфирмація высочайше учрежденной коммиссіи, которая судила маіора Раевскаго въ крѣпости Замосцъ около года? Въ томъ, „чтобъ освободить маіора Раевскаго изъ заключенія, съ вознагражденіемъ или безъ вознагражденія, на службу; а ежели за тѣмъ остаются какія либо подозрѣнія, которыхъ изъ дѣлъ не видно, то отправить въ свое имѣніе подъ надзоръ начальства.“

8) 20 лѣтъ прошло съ того времени, какъ маіоръ Раевскій преданъ былъ суду, 20 лѣтъ назадъ говорилъ онъ, что *прописей никакихъ не было* и черезъ 20 лѣтъ повторялъ тоже. Прописи были вымыселъ Сабанѣева въ припадкѣ бѣшенства. Онъ хотѣлъ запутать гевальдигера Таушева,

но Раевскій съ клятвой повторялъ всегда, что Таушевъ ни въ чемъ не виноватъ, и самый судъ, подозрѣвая его и не находя виновнымъ, подвелъ подъ манифестъ. Въ чемъ же было намѣреніе Раевскаго и въ чемъ вредъ, когда прописей не было и о бытіи ихъ ничѣмъ не доказано, кромѣ предположеній Сабанѣева и послѣдней коммиссіи?

9) Мнѣніе Михаила Павловича утверждено, а цесаревича Константина Павловича уничтожено.

Изъ дѣла видно:

Что фальшивый поступокъ корнета Раевскаго заключался въ томъ, что онъ подскоблилъ подорожную и пріѣхалъ по ней изъ Курска въ Одессу. Но развратное поведеніе? Надо полагать въ любви къ своему брату, въ желаніи видѣться съ нимъ, разспросить его, успокоить его и себя.

Зная это, маіоръ Раевскій изъ крѣпости Петропавловской, писалъ къ государю и просилъ его о свободѣ брата, увѣряя императора въ невинности его. Надо полагать, что присылка корнета Раевскаго въ крѣпость Замосць, была слѣдствіемъ этого письма.

Но каково было удивленіе маіора Раевскаго, когда онъ узналъ, что брата его привезли въ крѣпость Замосць, посадили въ нумеръ на одномъ коридорѣ, и что онъ съ нимъ ни явно, ни тайно, видѣться не могъ, потому что Григорій былъ лишенъ ума.

ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО П. Я. ЧААДАЕВА.

Я уважаю, я люблю въ васъ, болѣе всего, ваше чистосердечіе, вашу искренность. Эти прелестныя качества очаровали меня съ первыхъ минутъ нашего знакомства и навели на разговоръ о религіи, тогда-какъ все васъ окружавшее налагало на меня молчаніе. Представьте-же мое удивленіе, когда я получилъ ваше письмо. Вотъ все, что́ могу я сказать о мнѣніи, которое, по вашему предположенію, долженъ составить о вашемъ характерѣ. Но перейдемъ-те къ важнѣйшей части вашего письма.

Отчего это возмущеніе въ вашихъ мысляхъ, которое, какъ вы говорите, волнуетъ, утомляетъ васъ до-того, что разстроиваетъ самое здоровье? Неужели это слѣдствіе нашихъ разговоровъ? Вмѣсто спокойствія, мира, которые должно было воцарить новое чувство, возбужденное въ вашемъ сердцѣ, оно пробудило томленіе, сомнѣнія, почти угрызенія совѣсти. Впрочемъ, что̀жъ тутъ удивительнаго? Это естественное слѣдствіе настоящаго порядка вещей, которому покорены всѣ сердца, всѣ умы. Вы уступили только вліянію причинъ, движущихъ всѣми, начиная съ самыхъ высшихъ членовъ общества до самыхъ низшихъ. И вы не могли воспротивиться ихъ вліянію. Самыя качества, которыми вы отличаетесь отъ толпы,

дѣлаютъ васъ еще воспріимчивѣе къ вредному вліянію воздуха, которымъ вы дышете. Немногое, что я могъ сказать вамъ, не могло дать должнаго направленія вашимъ мыслямъ посреди всего васъ окружающаго. Могъ-ли я очистить атмосферу, въ которой мы живемъ? Я долженъ былъ предвидѣть послѣдствія, и въ-самомъ дѣлѣ я ихъ предвидѣлъ. Вотъ причина частыхъ моихъ умолчаній, которыя не только не могли проникнуть вашу душу убѣжденіемъ, напротивъ должны были привести васъ въ недоумѣніе. Еслибъ я не былъ увѣренъ, что страданія, которыя можетъ возбудить религіозное чувство не вполнѣ развитое, всегда лучше совершеннаго равнодушія, я раскаявался-бы въ своей излишней ревнительности. Но облака, которыя затемняютъ теперь ваше небо, преобратятся въ благотворную росу, которая возраститъ сѣмена запавшія въ ваше сердце. Дѣйствіе на васъ немногихъ словъ служитъ мнѣ вѣрнымъ ручательствомъ, что ваше собственное разумѣніе доведетъ васъ впослѣдствіи до полнѣйшаго развитія. Предавайтесь безбоязненно религіознымъ чувствованіямъ: изъ этого чистаго источника не могутъ родиться чувства нечистыя.

Чтожъ касается до предметовъ внѣшнихъ, то на этотъ разъ вамъ довольно знать, что ученіе, основанное на высшемъ началѣ единства и на прямой передачѣ истины священнослужителями, безпрерывно слѣдующими одинъ за другимъ, совершенно согласно съ истиннымъ духомъ религіи? Потому что вполнѣ соотвѣтствуетъ идеѣ слитія всѣхъ нравственныхъ силъ въ одну мысль, въ одно чувство, и постепеннаго образованія въ обществѣ духовнаго единства, или церкви, которая должна воцарять истину между людьми. Всякое другое

ученіе, однимъ уже отдѣленіемъ отъ ученія перво-начальнаго, уничтожаетъ значеніе высокаго воззванія Спасителя: *„Отче да будутъ едино, якоже и мы!“*, и противудѣйствуетъ осуществленію на землѣ царствія Божія. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ васъ обязывали проявлять эту истину на землѣ; нѣтъ, не въ томъ состоитъ ваше призваніе. Напротивъ, по вашему положенію въ свѣтѣ, самое начало, изъ котораго истекаетъ эта истина, обязываетъ васъ почитать ее не болѣе, какъ внутреннимъ свѣтильникомъ вашего вѣрованія. Я счастливъ, что могъ содѣйствовать религіозному направленію вашихъ мыслей, но почелъ-бы себя несчастнымъ, еслибъ, въ тоже время, возбудилъ укоры совѣсти, которые впослѣдствіи могли-бы охладить вашу вѣру.

Кажется, я говорилъ вамъ однажды, что религіозное чувство поддерживается лучше всего выполненіемъ постановленій церкви. Это упражненіе въ покорности, которое заключаетъ въ себѣ гораздо больше нежели предполагаютъ, которое налагали на себя величайшіе умы, по зрѣломъ разсужденіи, съ полнымъ сознаніемъ, есть настоящее чествованіе Бога. Ничто такъ не укрѣпляетъ ума въ его вѣрованіяхъ, какъ строгое выполненіе всѣхъ налагаемыхъ ими обязанностей. Кромѣ того большая часть обрядовъ христіанской религіи, постановленные самимъ Верховнымъ Умомъ, существенно дѣйствительны для каждаго, кто умѣетъ проникнуться истинами, которыя онѣ выражаютъ. Горе тому, кто приметъ обольстительные призраки своего тщеславія, суемудрствованія своего разсудка за высшее просвѣтленіе, и возмечтаетъ, что оно освобождаетъ его отъ общаго закона! И для васъ, сударыня, что̀ можетъ быть приличнѣе одежды

смиренія? Облекитесь въ нее: она такъ идетъ вашему полу. Повѣрьте, это средство всего скорѣе укротитъ волненія вашего ума, разольетъ сладостное спокойствіе по всему существу вашему.

Для женщины, которой образованный умъ находитъ прелесть въ ученіи и въ важныхъ занятіяхъ созерцанія, что можетъ быть естественнѣе, даже по свѣтскимъ понятіямъ, какъ жизнь нѣсколько серьезная, посвященная преимущественно благочестивымъ помысламъ и выполненію обязанностей, налагаемыхъ религіей? Вы пишете, что ничто не говоритъ вашему воображенію такъ сильно, какъ описанія этихъ мирныхъ, ясныхъ чувствованій, взглядъ на которыя, какъ взглядъ на прелестное сельское мѣстоположеніе, озаренное послѣдними лучами солнца, успокоиваетъ душу и уноситъ ее на-мгновеніе изъ міра нашей болѣзненной или безцвѣтной существенности. Чтожъ мѣшаетъ вамъ осуществить одно изъ этихъ прелестныхъ созданій фантазіи! Вы одарены всѣмъ, что для этого нужно. Вы видите какъ я снисходителенъ: я отыскиваю успокоивающія средства въ собственныхъ вашихъ вкусахъ, въ пріятнѣйшихъ мечтахъ вашего воображенія.

Въ жизни есть сторона совершенно невещественная, относящаяся собственно къ разумной стихіи нашего бытія: этой стороны никакъ не должно пренебрегать. Для души есть діэтетическое содержаніе, точно такъ-же какъ и для тѣла; умѣнье подчинять ее этому содержанію необходимо. Знаю, что повторяю старую поговорку; но въ нашемъ отечествѣ она имѣетъ всѣ достоинства новости.

Это одна изъ самыхъ жалкихъ странностей нашего общественнаго образованія, что истины, давно извѣстныя въ другихъ странахъ, и даже у народовъ,

во многихъ отношеніяхъ, менѣе насъ образованныхъ, у насъ только-что открываются. И это оттого что мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами; мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ Западу, ни къ Востоку, не имѣемъ преданій ни того, ни другаго. Мы существуемъ какъ-бы внѣ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ. Эта дивная связь человѣческихъ идей въ теченіе вѣковъ, эта исторія человѣческаго разумѣнія, доведшія его въ другихъ странахъ міра до настоящаго положенія, не имѣли на насъ никакого вліянія. То, что у другихъ народовъ давно вошло въ жизнь, для насъ до-сихъ-поръ есть только умствованіе, теорія.

Примѣры недалеки; вы сами, созданныя такъ счастливо, что можете совмѣщать въ себѣ все что есть въ мірѣ благаго и истиннаго, одаренныя сознаніемъ всего что доставляетъ изящнѣйшія и чистѣйшія душевныя наслажденія, скажите, далеко-ли ушли вы со всѣми этими достоинствами? Вы ищете даже того, чѣмъ наполнить вашъ день, не-то-что цѣлую жизнь. Вамъ не достаетъ даже тѣхъ предметовъ, которые въ другихъ странахъ составляютъ эту необходимую рамку жизни, гдѣ всѣ произшествія дня размѣщаются такъ естественно: условіе столь-же нужное для здоровья нравственнаго, какъ чистый воздухъ для здоровья тѣлеснаго. Вы понимаете, что я говорю здѣсь не о нравственныхъ или философическихъ правилахъ, а просто о хорошемъ разпредѣленіи жизни, о тѣхъ обыкновеніяхъ, тѣхъ навыкахъ, которые даютъ уму какое-то приволье, душѣ правильное движеніе.

Посмотрите вокругъ себя. Все какъ-будто находу. Мы всѣ какъ-будто странники. Нѣтъ ни

у кого сферы опредѣленнаго существованія, нѣтъ ни что добрыхъ обычаевъ, не только правилъ, нѣтъ даже семейнаго средоточія; нѣтъ ничего, что̀ бы привязывало, что̀ бы пробуждало ваши сочувствія, расположенія; нѣтъ ничего постояннаго, непремѣннаго; все проходитъ, протекаетъ, не оставляя слѣдовъ ни на внѣшности, ни въ васъ самихъ. До́ма мы будто на постоѣ, въ семействахъ какъ чужіе, въ городахъ какъ будто кочуемъ, и даже больше чѣмъ племена блуждающія по нашимъ степямъ, потому-что эти племена привязаннѣе къ своимъ пустынямъ, чѣмъ мы къ нашимъ городамъ. Не воображайте, чтобъ эти замѣчаиія были ничтожны. Бѣдные! неужели къ прочимъ нашимъ несчастіямъ мы должны прибавить еще новое: несчастіе ложнаго о себѣ понятія? Какъ добиваться намъ жизни чистыхъ духовъ! Научимся прежде жить благоразумно въ нашей данной существенности.

Для всѣхъ народовъ бываетъ періодъ сильной, страстной, безсознательной дѣятельности. Люди блуждаютъ тогда и тѣломъ и духомъ. Это время великихъ страстей, великихъ ощущеній. Народы движутся въ то время сильно, безъ видимой причины; но не безъ пользы для будущихъ поколѣній. Всѣ общества проходили чрезъ этотъ періодъ. Онъ даровалъ имъ ихъ живѣйшія воспоминанія, ихъ чудесное, ихъ поэзію, всѣ ихъ высшія и плодотворнѣйшія идеи. Онъ необходимъ для жизни общества. Безъ него что сохранилось бы въ памяти народовъ, къ чему могли-бы они привязаться, пристраститься; безъ него они дорожили-бы только прахомъ родной земли. Эта чрезвычайно занимательная эпоха въ исторіи народовъ, есть время ихъ юности; время когда способности ихъ развиваются съ наибольшею силою, время, воспоминаніе

о которомъ, въ возрастѣ возмужаломъ, служитъ имъ наслажденіемъ и урокомъ. Мы не имѣемъ ничего подобнаго. Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное владычество завоевателей, владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились совсѣмъ и донынѣ. Вотъ горестная исторія нашей юности. Мы совсѣмъ не имѣли возраста этой безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Эпоха нашей общественной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы, безъ энергіи. Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка нами прожитые, все пространство земли нами занимаемое, вы не найдете ни одного воспоминанія, которое-бы васъ остановило, ни одного памятника, который-бы высказалъ вамъ протекшее живо, сильно, картинно. Мы живемъ въ какомъ-то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ, безъ прошедшаго и будущаго. Если-жъ иногда и принимаемъ въ чемъ участіе, то не отъ желанія, не съ цѣлію достигнуть истиннаго, существенно нужнаго и приличнаго намъ блага; а по дѣтскому легкомыслію ребенка, который подымается и протягиваетъ руки къ гремушкѣ, которую завидитъ въ чужихъ рукахъ, не понимая ни смысла ея, ни употребленія.

Истинное общественное развитіе не начиналось еще для народа, если жизнь его не сдѣлалась правильнѣе, легче, удобнѣе неопредѣленной жизни первыхъ годовъ его существованія. Какъ можетъ процвѣтать общество, которое, даже въ отношеніи

къ предметамъ ежедневности, колеблется еще безъ убѣжденій, безъ правилъ; общество, въ которомъ жизнь еще не составилась? Міръ нравственный находится здѣсь въ хаотическомъ броженіи, подобномъ переворотамъ, которые предшествовали настоящему состоянію планеты. И мы находимся еще въ этомъ положеніи.

Первые годы нашего существованія, проведенные въ неподвижномъ невѣжествѣ, не оставили никакого слѣда на умахъ нашихъ. Мы не имѣемъ ничего индивидуальнаго, на чтò могла бы опереться наша мысль. Разобщенные, какою-то странною судьбою, отъ всемірной жизни человѣчества, мы ничего не извлекли даже изъ идей, которыя сообщаются человѣчеству преданіями. А на этѣхъ то идеяхъ основывается частная жизнь народовъ; изъ нихъ развивается ихъ будущность, ихъ нравственное образованіе. Чтобъ сравниться съ прочими образованными народами, намъ надобно переначать для себя снова все воспитаніе человѣческаго рода. Для этого, передъ нами исторія народовъ, и плоды движенія вѣковъ. Конечно, великъ этотъ трудъ, и можетъ-быть одно поколѣніе людей не въ состояніи совершить его; но прежде-всего необходимо узнать: въ чемъ дѣло, что это за воспитаніе человѣческаго рода, и какое мѣсто занимаемъ мы въ общемъ порядкѣ міра?

Народы живутъ только мощными впечатлѣніями временъ прошедшихъ на умы ихъ и соприкосновеніемъ съ другими народами. Такимъ образомъ каждый человѣкъ чувствуетъ свое соотношеніе съ цѣлымъ человѣчествомъ. „Что такое жизнь человѣка, говоритъ Цицеронъ, если память о предшествовавшемъ не соединяетъ настоящаго въ прошедшимъ?“ Мы явились въ міръ, какъ незакон-

норожденные дѣти, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, которые намъ предшествовали, не усвоили себѣ ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго. Каждый изъ насъ долженъ самъ связывать разорванную нить семейности, которой мы соединялись съ цѣлымъ человѣчествомъ. Намъ должно молотами вбивать въ голову то, что у другихъ сдѣлалось привычкою, инстинктомъ. Наши воспоминанія не далѣе вчерашняго дня; мы, такъ-сказать, чужды самимъ себѣ. Мы идемъ по пути временъ такъ странно, что каждый сдѣланный шагъ исчезаетъ для насъ безвозвратно. Все это есть слѣдствіе образованія совершенно привознаго, подражательнаго. У насъ нѣтъ развитія собственнаго, самобытнаго, совершенствованія логическаго. Старыя идеи уничтожаются новыми, потому-что послѣднія не истекаютъ изъ первыхъ, а западаютъ къ намъ Богъ-знаетъ откуда; наши умы не браздятся неизгладимыми слѣдами послѣдовательнаго движенія идей, которое составляетъ ихъ силу, потому-что мы заимствуемъ идеи уже развитыя. Мы ростемъ, но не зрѣемъ; идемъ впередъ, но по какому-то косвенному направленію, не ведущему къ цѣли. Мы подобны дѣтямъ, которыхъ не заставляли разсуждать; возмужавъ, они не имѣютъ ничего собственнаго; все ихъ знаніе во внѣшности ихъ существованія, во внѣшности вся душа ихъ.

Народы существа нравственныя, точно также какъ и люди. Они образуются вѣками, какъ люди годами. Но мы, почти можно сказать, народъ исключительный. Мы принадлежимъ къ націямъ, которыя кажется не составляютъ еще необходимой части человѣчества, а существуютъ для того чтобъ со-временемъ преподать какой-нибудь великій урокъ міру. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это

предназначеніе принесетъ свою пользу; но кто знаетъ, когда это будетъ?

Народы Европы имѣютъ одну общую физіономію, какой-то отблескъ односемейности. Не смотря на раздѣленіе ихъ на вѣтви латинскую и тевтоническую, на южную и сѣверную, между ними есть связь общая, которая соединяетъ ихъ, связь видимая для всякаго, кто углублялся въ ихъ общую исторію. Давно-ли вся Европа называлась „христіанствомъ", и это названіе имѣло мѣсто въ ея публичномъ правѣ? Но кромѣ этого общаго характера, каждый, изъ нихъ имѣетъ еще свой особенный, придаваемый ему исторіей и преданіями. И то и другое составляетъ родовое наслѣдіе идей этихъ народовъ. Каждое частное лицо пользуется плодами этого наслѣдія; безъ утомленія, безъ труда, собираетъ на жизненномъ пути свѣденія, разсѣянныя въ обществѣ, и употребляетъ ихъ въ свою пользу. Теперь сравните сами: много-ли соберете вы у насъ начальныхъ идей, которыя, какимъ-бы то ни было образомъ, могли-бы руководствовать насъ въ жизни? Замѣтьте, что здѣсь дѣло не объ ученіи, не о литературѣ, или наукѣ; но просто о соприкосновеніи умовъ, объ тѣхъ идеяхъ, которыя овладѣваютъ ребенкомъ еще въ колыбели, которыя окружаютъ его въ играхъ; которыя мать вдыхаетъ въ него своими ласками; которыя въ видѣ различныхъ чувствованій проникаютъ въ его существо вмѣстѣ съ воздухомъ, которымъ онъ дышетъ, и образуютъ его нравственное бытіе еще до вступленія въ міръ и въ общество. Хотите-ли знать, что это за идеи? Это идеи долга, закона, правды, порядка. Онѣ развиваются изъ происшествій, содѣйствовавшихъ образованію общества; онѣ необходимые начала міра общественнаго. Вотъ

что составляетъ атмосферу Запада; это болѣе чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ психологія: это физіологія Европейца. Чѣмъ вы замѣните все это?

Не знаю, можно-ли вывести изъ сказаннаго что-нибудь совершенно безусловное и основать на немъ непремѣнное правило; но очевидно, какое сильное вліяніе на духъ каждаго отдѣльнаго лица должно имѣть это странное положеніе народа, по которому онъ не можетъ остановить своей мысли ни на одномъ рядѣ идей, развивавшихся въ обществѣ постепенно одна изъ другой; по которому онъ принималъ участіе въ общемъ движеніи человѣческаго разума, только слѣпымъ, поверхностнымъ и часто дурнымъ подражаніемъ другимъ націямъ. Отъ этого, вы найдете, что всѣмъ намъ не достаетъ нѣкотораго рода основательности, методы, логики. Силлогизмъ Запада намъ неизвѣстенъ. Въ нашихъ лучшихъ головахъ есть что-то больше чѣмъ неосновательность. Лучшія идеи, отъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ безплодные призраки, цѣпенѣютъ въ нашемъ мозгу. Человѣкъ теряется, не находя средства придти въ соотношеніе, связаться съ тѣмъ, что ему предшествуетъ и что послѣдуетъ; онъ лишается всякой увѣренности, всякой твердости; имъ не руководствуетъ чувство непрерывнаго существованія, и онъ заблуждается въ мірѣ. Такія потерявшіяся существа встрѣчаются во всѣхъ странахъ; но у насъ эта черта общая. Это не та легкомысленность, которою нѣкогда упрекали французовъ, которая, не отрицая ни глубины, ни многообъемлемости ума, зависѣла только отъ способности понимать все съ чрезвычайною легкостію, что́ придавало обращенію болѣе прелести и любезности. Нѣтъ! это вѣтреность жизни безъ опыта и предвидѣнія; жизни, которая

ограничивается эфемернымъ существованіемъ недѣлимаго, оторваннаго отъ своей породы; жизни, которая не заботится ни о славѣ, ни о разпространеніи какихъ-либо общихъ идей или выгодъ, ни даже о тѣхъ семейныхъ, наслѣдственныхъ интересахъ, о томъ множествѣ притязаній и надеждъ, освященныхъ давностью, которыя въ обществѣ, основанномъ на памяти прошедшаго и на понятіи будущаго, составляютъ жизнь общественную и жизнь частную. Въ нашихъ головахъ рѣшительно нѣтъ ничего общаго; все въ нихъ частно, и ктому еще не вѣрно, не полно. Даже въ нашемъ взглядѣ я нахожу чтó-то чрезвычайно неопредѣленное, холодное, нѣсколько сходное съ физіономіею народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Находясь въ другихъ странахъ и воособенности южныхъ, гдѣ лица такъ одушевленны, такъ говорящи, я сравнивалъ не-разъ моихъ соотечественниковъ съ туземцами, и всегда поражала меня эта нѣмота нашихъ лицъ.

Чужестранцы ставили намъ въ достоинство нѣкотораго рода безпечную отважность, которую встрѣчали особенно въ низшихъ классахъ. Но по нѣсколькимъ отдѣльнымъ проявленіямъ народнаго характера они не могли вѣрно судить о цѣломъ. Они не видятъ, что тоже самое начало, которое иногда придаетъ намъ эту смѣлость, дѣлаетъ насъ въ тоже время неспособными ни къ глубокомыслію, ни къ постоянству; они не видятъ, что это равнодушіе къ матерьяльнымъ опасностямъ дѣлаетъ насъ также равнодушными ко всему хорошему, ко всему дурному, ко всякой истинѣ, ко всякой лжи, и что тѣмъ самымъ уничтожаетъ въ насъ всѣ сильныя возбужденія, которыя стремятъ людей по пути совершенствованія; они не видятъ, что, по милости

этой-то безпечной отваги, у насъ и въ высшихъ классахъ, къ прискорбію, существуютъ пороки, которые въ другихъ странахъ принадлежатъ только низшимъ; не замѣчаютъ, что имѣя нѣкоторыя изъ добродѣтелей народовъ юныхъ, еще необразованныхъ, мы лишены всѣхъ достоинствъ народовъ зрѣлыхъ, наслаждающихся высшимъ просвѣщеніемъ. Я совсѣмъ не хочу сказать, что у насъ только пороки, а добродѣтели у европейцевъ; избави Боже! Но я говорю, что для вѣрнаго сужденія о народахъ надобно изучить общій духъ, ихъ животворящій; ибо не та или другая черта ихъ характера, а только этотъ духъ можетъ довести ихъ до совершеннѣйшаго нравственнаго состоянія, до развитія безконечнаго.

Массы находятся подъ вліяніемъ особеннаго рода силъ, развивающихся въ избранныхъ членахъ общества. Массы сами не думаютъ; посреди ихъ есть мыслители, которые думаютъ за нихъ, возбуждаютъ собирательное разумѣніе націи, и заставляютъ ее двигаться впередъ. Между-тѣмъ какъ небольшее число мыслитъ, остальное чувствуетъ, и общее движеніе проявляется. Это истинно въ отношеніи всѣхъ народовъ, исключая нѣкоторыя поколѣнія, у которыхъ человѣческаго осталось только одно лицо. Первоначальные народы Европы, Цельты, Скандинавы, Германцы, имѣли Друидовъ, Скальдовъ, Бардовъ; это были сильные мыслители, разумѣется въ своемъ родѣ. Посмотрите на народы Сѣверной Америки, истребленіенъ которыхъ такъ ревностно занимается матеріальное просвѣщеніе Соединенныхъ-Штатовъ: между ними есть люди дивнаго глубокомыслія. Теперь спрашиваю васъ, гдѣ наши мурдецы, наши мыслители? *Когда и кто думалъ за насъ, кто думаетъ въ настоящее время?*

По нашему мѣстному положенію между Востокомъ и Западомъ, опираясь однимъ локтемъ на Китай, другимъ на Германію, мы должны-бы соединять въ себѣ два великія начала разумѣнія: воображеніе и разсудокъ; должны-бы совмѣщать въ нашемъ гражданственномъ образованіи исторію всего міра. Но не таково предназначеніе, павшее на нашу долю. Опытъ вѣковъ для насъ не существуетъ. Взглянувъ на наше положеніе, можно подумать, что общій законъ человѣчества не для насъ. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него; не пріобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйстовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія, и исказили все что̀ сообщило намъ это совершенствованіе. Во все продолженіе нашего общественнаго существованія мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей: ни одной полезной мысли не возрасло на безплодной нашей почвѣ; ни одной великой истины не возликло изъ-среди насъ. Мы ничего не выдумали сами, и изъ всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и безполезную роскошь.

Странное дѣло! Даже въ мірѣ наукъ, который обнимаетъ все, наша исторія разобщена отъ всего, ничего не объясняетъ ничего не доказываетъ. Еслибъ орды варваровъ, возмутившихъ міръ, не прошли прежде нежели наводнили Западъ, страны нами обитаемой, мы не доставили-бы и одной главы для всемірной исторіи. Чтобъ обратить на себя вниманіе, мы должны были распространиться отъ Берингова пролива до Одера. Нѣкогда великій царь хотѣлъ насъ образовать, и чтобъ заохотить къ просвѣщенію, бросилъ намъ мантію цивилизаціи: мы подняли мантію, но не коснулись просвѣщенія. Въ

другой разъ, другой великій государь пріобщилъ насъ своему великому посланію, проведши побѣдителями съ одного края Европы на другой; мы прошли просвѣщеннѣйшія страны свѣта, и что-же принесли домой? Однѣ дурныя понятія, гибельныя заблужденія, которыя отодвинули насъ назадъ еще на полстолѣтіе. Не знаю, въ крови у насъ есть что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію. Повторю еще: мы жили, мы живемъ, какъ великій урокъ для отдаленныхъ потомствъ, которыя воспользуются имъ непремѣнно, но въ настоящемъ времени, что̀ бы ни говорили, мы составляемъ пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія. Для меня нѣтъ ничего удивительнѣе этой пустоты и разобщенности нашего существованія. Конечно, въ этомъ виновата отчасти какая-то непостижимая судьба; но, неправы и люди, которыхъ содѣйствіе, во всемъ что́ свершается въ нравственномъ мірѣ, неизбѣжно. Заглянемъ еще разъ въ исторію: она объясняетъ бытіе народовъ лучше всего.

Что́ дѣлали мы въ то время, какъ изъ жестокой борьбы варварства сѣверныхъ народовъ, съ высокою мыслію религіи, возникало величественное зданіе новаго образованія? Ведомые злою судьбою, мы заимствовали первыя сѣмена нравственнаго и умственнаго просвѣщенія, у растлѣнной, презираемой всѣми народами, Византіи. Мелкая суетность только-что оторвала ее отъ всемірнаго братства; и мы приняли отъ нея идею, искаженную человѣческою страстію. Въ это время животворящее начало единства одушевляло всю Европу. Все истекало тамъ изъ этого начала; все сосредоточивалось; всякое умственное движеніе силилось объединить человѣческую мысль; всякое побужденіе проявлялось могучею потребностью отыскать одну

всемірную идею: это самое и составляетъ духъ новѣйшихъ временъ. Чуждые этому дивному началу, мы сдѣлались добычею завоевателей. Свергнувъ иго чужеземное, мы могли-бы воспользоваться идеями, которыя развились между тѣмъ у нашихъ западныхъ братій; но мы были оторваны отъ общаго семейства.

Сколько свѣтлыхъ лучей прорѣзалъ къ это время мракъ, покрывавшій всю Европу! Большая часть познаній, которыми умъ человѣческій теперь гордится, были уже предчувствуемы тогдашними умами; характеръ новѣйшаго общества былъ уже опредѣленъ; міру христіанскому не доставало только формъ прекраснаго, и онъ отыскалъ ихъ, обративъ взоры на древности язычества. Уединившись въ своихъ пустыняхъ, мы не видали ничего происходившаго въ Европѣ. Мы не вмѣшивались въ великое дѣло міра. Мы остались чужды высокимъ доблестямъ, которыми религія озарила новѣйшія поколѣнія и которыя въ глазахъ здраваго смысла возвышаютъ ихъ надъ древними народами, также какъ эти послѣдніе возвышаются надъ Готтентотами и Лапландцами. Въ насъ не развились этѣ новыя силы, которыми она обогатила человѣческое разумѣніе; эта кротость нравовъ, потерявшихъ свое первобытное звѣрство отъ покорности власти безоружной. Не смотря на званіе христіанъ, мы не тронулись съ мѣста, тогда-какъ западное христіанство величественно шло по пути, начертанному его божественнымъ основателемъ. Міръ пересоздавался, а мы прозябали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и глины. Коротко, не для насъ совершались новыя судьбы человѣчества; не для насъ, христіанъ, зрѣли плоды христіанства.

Послѣ этого, скажите, справедливо-ли у насъ почти общее предположеніе, что мы можемъ усвоить

европейское просвѣщеніе, рязвивавшееся такъ медленно, и притомъ подъ прямымъ и очевиднымъ вліяніемъ одной нравственной силы, съ-разу, даже не затрудняясь розысканіемъ, какъ это дѣлалось?

Тотъ рѣшительно не понимаетъ христіанства, кто не замѣчаетъ въ немъ стороны чисто исторической; стороны, которая показывая, что́ сдѣлало оно для людей и что́ должно еще сдѣлать, заключаетъ въ себѣ всю его философію и составляетъ необходимую часть его догматики. Такимъ образомъ христіанская религія является не только нравственною системой, выразившеюся въ преходящихъ формахъ человѣческаго ума; но силою божественною, вѣчною, дѣйствующею во всемъ пространствѣ міра умственнаго; силою, которой видимыя дѣйствія должны намъ служить вѣчными уроками.

Въ мірѣ христіанскомъ все необходимо должно содѣйствовать, и въ самомъ дѣлѣ содѣйствуетъ учрежденію на землѣ совершеннаго порядка. Въ противномъ случаѣ дѣйствительность противурѣчила бы слову Господа: онъ не былъ бы посреди своей церкви до скончанія вѣковъ. Новый порядокъ, царствіе Божіе, которое должно было осуществиться искупленіемъ, не отличалось бы отъ прежняго порядка, отъ царства зла, которое искупленіе должно было уничтожить: тогда существовала бы одна воображительная усовершимость, о которой мечтаетъ философія и которую обличаетъ во лжи каждая страница исторіи; суетное волненіе ума, удовлетворяющее только нуждамъ существа матеріяльнаго, которое если когда и возносило человѣка на нѣкоторую высоту, то для того только, чтобъ низвергнуть потомъ въ глубочайшія пропасти.

Но вы возразите: развѣ мы не христіане, развѣ образованіе возможно только по образцу европей-

скому? Безъ сомнѣнія, мы христіане: но развѣ Абиссинцы не христіане-же? Разумѣется, можно образоваться отлично отъ Европы: развѣ Японцы не образованы и, если вѣрить одному изъ нашихъ соотечественниковъ, даже болѣе насъ? Но неужели вы думаете, что христіанство Абиссинцевъ и образованность Японцевъ могутъ возсоздать тотъ порядокъ, о которомъ я говорилъ сію-минуту, порядокъ, который составляетъ конечное предназначеніе человѣчества? Неужели вы думаете, что этѣ жалкія отклоненія отъ божественныхъ и человѣческихъ истинъ низведутъ небо на землю?

Въ христіанствѣ есть два направленія, рѣзко отличающіяся одно отъ другаго: это есть дѣйствіе на человѣка и дѣйствіе на всемірное разумѣніе. Онѣ сливаются оба въ Верховномъ Разумѣ и ведутъ къ одной и той-же цѣли. Но наше ограниченное зрѣніе не можетъ обнять время, впродолженіе котораго должны осуществиться вѣчныя предначертанія божественной мудрости. По-этому мы должны различать божественное дѣйствіе, проявляющееся въ данное время въ жизни человѣка, отъ проявляющагося только въ безконечности. Конечно, въ день окончательнаго исполненія великой тайны искупленія, всѣ сердца и всѣ умы соединятся въ одно чувство и въ одну мысль, и всѣ преграды, раздѣляющія пароды и вѣроисповѣданія, исчезнутъ; но, въ настоящее время, каждый долженъ знать свое мѣсто въ порядкѣ общаго призванія христіанъ, тоесть долженъ знать чѣмъ и какъ можетъ содѣйствовать онъ и все его окружающее конечной цѣли, предположенной всему человѣчеству.

По-этому необходимо долженъ быть особенный кругъ идей, гдѣ должны двигаться умы общества, въ которомъ должна достигаться эта конечная

цѣль, то-есть гдѣ возбужденная мысль должна созрѣть и достигнуть всей полноты своей. Этотъ кругъ идей, эта нравственная сфера даютъ обществу особенный родъ существованія, особенный взглядъ котораго, не будучи совершенно тождественны для каждаго недѣлимаго этого общества, какъ въ отношеніи насъ, такъ и въ отношеніи другихъ не-европейскихъ народовъ, составляютъ одинаковый способъ ихъ бытія: слѣдствіе огромной умственной работы осьмнадцати вѣковъ, работы, въ которой участвовали всѣ страсти, всѣ выгоды, всѣ страданія, всѣ мечты, всѣ усилія разума.

Всѣ европейскіе народы проходили этѣ столѣтія рука въ руку, и въ настоящее время, не смотря на всѣ случайныя отклоненія, онѣ всегда будутъ сходиться на одной и тойже дорогѣ. Чтобъ понять семейное развитіе этихъ народовъ не нужно даже изучать исторію: прочтите только Тасса, и вы увидите какъ всѣ они склоняются въ прахъ передъ Іерусалимомъ; вспомните, что впродолженіе пятнадцати вѣковъ они молились Богу на одномъ языкѣ, покорялись одной нравственной власти, имѣли одно убѣжденіе; вспомните, что впродолженіе пятнадцати вѣковъ, каждый годъ, въ одинъ и тотъ-же день, въ одинъ и тотъ-же часъ, однѣми и тѣми же словами, всѣ вдругъ они возносили хвалебные гимны Всевышнему, торжествуя величайшее изъ его благодѣяній: дивный концертъ, въ тысячу разъ изящнѣйшій, возвышеннѣйшій всѣхъ гармоній міра физическаго! И такъ если эта сфера, въ которой живутъ европейцы, сфера единственная, гдѣ человѣческій родъ можетъ достигнуть своего конечнаго предназначенія, есть плодъ религіи; если напротивъ враждебныя обстоятельства отстранили насъ отъ общаго движенія, въ которомъ общественная идея

христіанства развилась и приняла извѣстныя формы; если этѣ причины отбросили насъ въ категорію народовъ, которые не могли воспользоваться всѣмъ вліяніемъ христіанства; то не очевидно-ли, что должно стараться оживить въ насъ вѣру всѣми возможными способами? Вотъ что я хотѣлъ сказать, говоря, что у насъ должно переначать все воспитаніе человѣческаго рода.

Вся исторія новаго общества совершается въ области мнѣнія. Слѣдовательно здѣсь настоящее воспитаніе. Новое общество, основанное на этомъ началѣ, двигалось впередъ только мыслію. Выгоды всегда слѣдовали за идеями, но никогда имъ не предшествовали. Мнѣнія раждали выгоды, но выгоды никогда не раждали мнѣній. Всѣ успѣхи Запада въ сущности были успѣхи нравственные. Искали истину и нашли благосостояніе. Вотъ какъ объясняется явленіе новаго общества и его образованіе; иначе оно совершенно непонятно.

Первыя столѣтія новой исторіи наполняются гоненіями за вѣру, мученичествомъ, распространеніемъ христіанской вѣры, ересями и соборами. Движеніе всей этой эпохи, не исключая и нашествія варваровъ, связано тѣсно съ усиліями новѣйшаго разума еще въ дѣтствѣ. Вторую эпоху наполняютъ: образованіе іерархіи, сосредоточеніе духовной власти и безпрерывное распространіе религіи на Сѣверѣ. За-тѣмъ слѣдуютъ: усиленіе религіознаго чувства до высочайшей степени и упроченіе религіозной власти. Философическое и литературное развитіе ума и образованіе нравовъ подъ вліяніемъ религіи оканчиваютъ эту исторію, которая имѣетъ точно такое-же право на названіе священной, какъ и исторія древняго избраннаго народа. Наконецъ, и настоящее положеніе общества заимствуетъ свой

характеръ отъ религіознаго противодѣйствія, отъ новаго направленія, которое религія дала человѣческому духу. Такимъ образомъ, можно сказать, что у новѣйшихъ народовъ мнѣніе было единственнымъ могучимъ дѣятелемъ; оно поглощало всѣ матеріальныя, положительныя и личныя выгоды.

Знаю: вмѣсто-того чтобъ дивиться этому дивному порыву человѣчества къ возможному совершенству, его называли фанатизмомъ, суевѣріемъ. Но что бы ни говорили, подумайте, какъ сильно должно отпечатлѣться на характерахъ этихъ народовъ, какъ въ добромъ, такъ и въ дурномъ отношеніи, это развитіе общественности, вполнѣ совершенное однимъ чувствомъ! Пусть поверхностная философія вопіетъ, что хочетъ, противъ войнъ за вѣру, противъ костровъ зажженныхъ нетерпимостію: мы можемъ только завидовать народамъ, которые въ этой сшибкѣ мнѣній, въ этой кровопролитной борьбѣ за истину, создали себѣ цѣлый міръ идей, міръ, который мы не можемъ представить себѣ воображеніемъ, не только перенестись въ него тѣломъ и душой, какъ у насъ предполагаютъ.

Повторяю еще: въ Европѣ не все было умно, добродѣтельно, религіозно; но въ ней все проникнуто таинственною силой, которая царила самодержавно цѣлый рядъ столѣтій; въ ней все слѣдствіе того безконечнаго сцѣпленія идей и явленій, которыя образовали настоящее общество. Изъ многихъ доказательствъ, вотъ одно. У народа, физіономія котораго оттѣнена рѣзче прочихъ, постановленія котораго проникнуты наиболѣе новѣйшимъ духомъ, словомъ у Англичанъ, почти одна религіозная исторія. Что такое бурная эпоха Карла I и Кромвеля, предшествовавшая ихъ настоящему благосостоянію, и весь этотъ длинный рядъ про-

исшествій, ее породившихъ, до самаго Генриха VIII, какъ не развитіе чисто религіозное? Во всемъ этомъ періодѣ, выгоды чисто политическія появляются второстепенными побудителями, и часто исчезаютъ совершенно, или приносятся въ жертву мнѣнію. Даже въ эту самую минуту, какъ я пишу *), что волнуетъ эту привиллегированную землю? Выгоды религіозныя. Коротко, есть-ли въ Европѣ народъ, который не нашелъ-бы въ своемъ національномъ сознаніи, еслибъ только захотѣлъ поискать, этого особеннаго начала, которое подъ видомъ священной мысли, постоянно было животворящимъ дѣятелемъ, душею общественнаго бытія, во все продолженіе его существованія?

Дѣйствіе христіанства отнюдь не ограничивается его прямымъ и непосредственнымъ вліяніемъ на умы людей. Исполинское предназначеніе его должно быть слѣдствіемъ множества нравственныхъ, умственныхъ и общественныхъ сопряженій, въ которыхъ человѣчество должно найти возможный просторъ для всѣхъ направленій своей дѣятельности. Отсюда понятно, что все свершившееся съ перваго дня нашей эры, или лучше съ той минуты, какъ Спаситель сказалъ своимъ ученикамъ: *„идите, проповѣдуйте Евангеліе всей твари!“* неисключая и самыя гоненія на христіанство, совершенно согласуется съ этимъ общимъ понятіемъ объ его вліяніи. Чтобъ убѣдиться въ дѣйствительномъ осуществленіи пророческихъ изреченій Христа, довольно одного взгляда на повсемѣстное проявленіе его царствія въ сердцахъ людей, проявленіе сознательное или безсознательное, вольное или невольное. Такимъ образомъ, не смотря на всѣ несовершен-

*) 1829. Да и въ 1879 г. спиритуализмъ въ борьбѣ съ ученымъ матеріализмомъ!

ства, на все что есть дурнаго и порочнаго въ настоящемъ европейскомъ обществѣ, частное осуществленіе царствія Божія въ немъ неоспоримо, потому-что оно заключаетъ въ себѣ начало безконечнаго совершенствованія и содержитъ въ зародышѣ и въ начальныхъ проявленіяхъ все нужное для конечнаго осуществленія его на землѣ.

Теперь позвольте мнѣ заключить это разсужденіе о вліяніи религіи на общество выпискою изъ одной вамъ неизвѣстной статьи написанной мною гораздо прежде.

„Нѣтъ никакого сомнѣнія, говорилъ я, что тотъ, кто не замѣчаетъ дѣйствій христіанства, вездѣ, гдѣ человѣческая мысль приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе, какимъ бы то ни было образомъ, даже противодѣйствуя ему, тотъ не имѣетъ объ немъ настоящаго понятія. Вездѣ, гдѣ произносится имя Христа, одно это имя увлекаетъ людей противъ ихъ воли. Ничто не обнаруживаетъ такъ божественнаго начала этой религіи, какъ этотъ отблескъ безусловной всемірности, которымъ она проникаетъ въ душу всѣми возможными способами; овладѣваетъ умами, даже въ то время, когда они, кажется, противятся ей наиболѣе; покоряетъ, сообщая разумѣнію истины, дотолѣ ему неизвѣстныя, возбуждая въ сердцѣ ощущенія, до-сихъ-поръ имъ не испытанныя, вдыхая въ насъ чувства, которыя безъ нашего вѣденія вводятъ насъ въ порядокъ общій. Такимъ образомъ она опредѣляетъ кругъ дѣйствій каждаго въ особенности, устремляя въ тоже время дѣйствія всѣхъ къ одной цѣли. При разсматриваніи христіанства съ этой точки, каждое изъ пророческихъ изреченій Христа дѣлается осязаемою истиною. Отсюда можно видѣть ясно игру всѣхъ рычаговъ, которые приводитъ въ движеніе его всемогущая рука, ведя человѣка къ его предназначенію,

никакъ не ограничивая его дѣятельности, никакъ не подавляя ни одной изъ силъ ему врожденныхъ, но напротивъ удвояя ихъ, возвышая до безконечности. Ни одно изъ нравственныхъ началъ не остается бездѣйственнымъ; оно пользуется всѣми способностями мысли, всею пламенною расширимостію чувства, героизмомъ души сильной и преданностію ума покорнаго. Доступное всякому созданію, одаренному разумѣніемъ, сливаясь съ каждымъ біеніемъ нашего сердца, оно поглощаетъ все, ростетъ и даже укрѣпляется препятствіями, которыя встрѣчаетъ. Съ геніяльнымъ человѣкомъ, оно возносится на высоту недосягаемую для другихъ; съ умомъ робкимъ, идетъ по землѣ мѣрнымъ шагомъ; въ умѣ мыслящемъ, безусловно, глубоко; въ душѣ преобладаемой воображеніемъ, эѳирно, творитъ миріады образовъ; въ сердцѣ нѣжномъ, любящемъ, проявляется милосердіемъ и любовью. Оно идетъ всегда вмѣстѣ съ разумѣніемъ ему предавшимся, сообщая ему силу, теплоту, ясность. Посмотрите, какъ разнообразны природы, какъ многочисленны силы, которыя оно приводитъ въ движеніе; сколько различныхъ дѣятелей сливается воедино, сколько сердецъ, совершенно несходныхъ одно съ другимъ, бьется для одной единственной идеи!

Еще удивительнѣе общее дѣйствіе христіанства. Взгляните на картину полнаго развитія новаго общества, и вы увидите, что христіанство преобразуетъ всѣ человѣческія выгоды въ свои собственныя; потребность вещественную вездѣ замѣняетъ потребностію нравственною; возбуждаетъ въ мірѣ мыслительномъ эти великія пренія, которыхъ вы не встрѣтите въ исторіи другихъ эпохъ, другихъ обществъ; воспламеняетъ это ужасное бореніе мнѣній, въ которомъ цѣлая жизнь народовъ становится од-

ною великою идеею, однимъ безконечнымъ чувствованіемъ. Вы увидите, что все создано имъ, и только имъ: и жизнь частная и жизнь общественная, и семейство и отечество, и наука и поэзія, и умъ и воображеніе, и воспоминанія и надежды, и восторги и горести. Счастливы тѣ, которые во глубинѣ души сознаютъ свои дѣйствія въ этомъ великомъ движеніи міра, движеніи возбужденномъ самимъ Богомъ!

Но время обратиться къ вамъ, сударыня. Признаюсь, мнѣ тяжело оторваться отъ этихъ общихъ взглядовъ. Картина, которая съ этой высоты представляется мнѣ, есть для меня источникъ всего утѣшительнаго. Сладостное вѣрованіе въ будущее благоденствіе человѣчества живитъ мою душу, когда сдавленный жалкою, окружающею меня существенностію, я жажду подышать воздухомъ чистѣйшимъ, взгянуть на небо яснѣйшее. Впрочемъ, мнѣ кажется, что я не употребилъ вашего терпѣнія во зло. Прежде всего надобно было показать вамъ точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на христіанскій міръ и на наши дѣйствія въ нашимъ мірѣ. Можетъ быть вамъ покажется, что я слишкомъ нападаю на насъ: нѣтъ, я говорилъ истину, и еще не высказалъ ее вполнѣ. Впрочемъ духъ христіанства не терпитъ никакого ослѣпленія, а тѣмъ болѣе народныхъ предразсудковъ, потому-что они разъединяютъ людей долѣе всего.

Это письмо довольно длинно. Вначалѣ я полагалъ, что выскажу все въ немногихъ словахъ, но впослѣдствіи увидѣлъ, что разсмотрѣніе этого предмета можетъ составить цѣлый томъ. Вы мнѣ напишете, согласны-ли вы съ моими мнѣніями. Но во всякомъ случаѣ, вы не избавитесь втораго письма, потому-что мы только приступили къ предмету нашего разсужденія......

Некрополисъ. 1829, Декабря 17.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ УСТАВНАЯ ГРАМОТА

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Документъ этотъ напечатанъ былъ въ Варшавѣ, во время Польской революціи, въ 1831 году. Въ предисловіи этого печатнаго экземпляра было между прочимъ сказано:

Le comité chargé de la révision des archives de la police secrète, a trouvé dans les papiers laissés à Varsovie par M. de Novosiltzoff, conseiller privé de S. M. l'Empereur, deux exemplaires d'un projet de constitution pour la Russie, dont l'un est écrit en langue russe et l'autre en français. Le gouvernement national auquel le comité a remis ces deux pièces les a jugées dignes d'être portées á la connaissance du public.

Le ministre des affaires étrangères en exécution de l'ordonnance rendue par le gouvernement national, le 15 du mois de Juillet s'empresse de faire imprimer ce projet, afin que tout le monde puisse le lire et le méditer. Il décide évidemment l'intention qui a présidé à sa rédaction, et qui était de le faire servir de fondement à un systême complet de législation. Nous regrettons infiniment de n'avoir pu: ni découvrir l'époque à laquelle ce projet a été

conçu, ni trouver une trace qui aurait pu nous apprendre par quelle voie il s'est trouvé entre les mains de M. de Novosiltzoff et quels sont les ordres que ce dernier a pu recevoir à cet égard. Ce qu'il y a de positif, c'est que le projet de constitution à donner à l'empire de Russie est postérieur à la constitution octroyée au royaume de Pologne, en 1815; car il renferme un grand nombre d'articles tirés de cette même Charte, comme on le voit par les notes qui sont écrites en marge du manuscrit et il se trouve aussi accompagné d'un sommaire des chapitres qui sont contenus dans notre constitution.*)

Подлинникъ напечатанъ на двухъ языкахъ французскомъ и русскомъ; содержаніе обоихъ текстовъ совершенно одинаково.

---

*) Комитетъ, составленный для ревизіи архивовъ тайной полиціи, нашелъ въ бумагахъ, оставленныхъ въ Варшавѣ тайнымъ совѣтникомъ Новосильцовымъ, два экземпляра проэкта конституціи Россіи, изъ которыхъ одинъ написанъ порусски, а другой пофранцузски. Народное Правленіе, которому комитетъ представилъ эти документы, признало ихъ достойными печати и опубликованія.

Министръ иностр. дѣлъ въ исполненіе приказанія Народнаго Правленія отъ 15 Іюля, принялъ мѣры къ напечатанію этого проэкта, чтобы всѣ могли его прочесть и обсудить. Проэктъ этотъ явнымъ образомъ показываетъ, что онъ составленъ для того чтобы служить главнымъ основаніемъ цѣлой законодательной системы. Мы очень жалѣемъ о томъ, что не могли открыть: къ какой эпохѣ относится составленіе этого проэкта, какимъ образомъ онъ очутился въ рукахъ Новосильцова и какія приказанія онъ имѣлъ относительно его. Конституція, которую предполагалось ввести въ Россію, была очевидно основана на началахъ конституціи Царства Польскаго 1815 года. Перечень статей взятыхъ изъ Польской Хартіи и помѣщенныхъ въ началѣ этого проэкта, сходство содержанія въ нѣкоторыхъ и примѣчанія на поляхъ подлинника не дозволяютъ сомнѣваться въ этомъ.

ГЛАВА I.

Предварительныя распоряженія.

Ст. 1. Россійское государство, со всѣми владѣніями, присоединенными къ нему, подъ какимъ бы наименованіемъ то ни было, раздѣляется сообразно съ росписаніемъ у сего приложеннымъ, на большія области, называемыя Намѣстничествами.

2. Каждое Намѣстничество заключаетъ въ себѣ опредѣленное число губерній, по мѣрѣ народонаселенія, разстоянія, обширности, и смотря на нравы, обычаи и особенные или мѣстные законы, жителей между собою сближающіе.

3. Намѣстничества называются по имени одной изъ составляющихъ оныя губерній, или по мѣсту для присутствія Намѣстническаго начальства опредѣленному.

4. Губерніи сохраняютъ настоящее раздѣленіе свое на уѣзды, исключая тѣ случаи, въ которыхъ мѣстныя обстоятельства востребовали бы новыхъ разграниченій.

5. Уѣзды раздѣляются на округи; округамъ состоять изъ городовъ 3й степени и изъ опредѣленнаго числа волостей, селъ и деревень, по мѣрѣ народонаселенія и разстоянія отъ мѣста, для присутствія окружному начальству опредѣленнаго.

6. Городами первой степени сутъ: города губернскіе; второй степени: города уѣздные; а городами третьей степени всѣ прочіе. Изъ сихъ послѣднихъ исключаются тѣ, которымъ по выгодному положенію своему и по торговымъ сношеніямъ, слѣдовать будетъ поступить на одну изъ высшихъ степеней.

7. Каждый городъ первой и второй степени имѣетъ свой округъ. Онъ заимствуетъ отъ него

свое имя и есть мѣстопребываніе начальства онаго. Прочимъ округамъ называться по мѣсту, къ коему будутъ приписаны.

8. Изъ сего разграниченія исключаются столицы С. Петербургъ и Москва, равно какъ и ихъ губерніи.

ГЛАВА II.

О правленіи россійской имперіи.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О государѣ или державной власти.

9. Корона Россійско-императорскаго престола есть наслѣдственная; она переходитъ по порядку установленному въ Бозѣ почивающимъ родителемъ нашимъ императоромъ Павломъ.

10. Основанія державной власти и образъ дѣйствія оной опредѣляются сею государственною уставною грамотою, жалуемою нами любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ на вѣчныя времена.

11. Державная власть нераздѣлима: она сосредоточивается въ лицѣ монарха.

12. Государь есть единственный источникъ всѣхъ въ Имперіи властей: гражданскихъ, политическихъ, законодательныхъ и военныхъ.

Онъ управляетъ исполнительною частію во всемъ ея пространствѣ. Каждое начальство исполнительное, управительное и судебное имъ однимъ постановляется.

13. По законодательной власти государя содѣйствуетъ государственный Сеймъ, о которомъ ниже упомянуто будетъ, на основаніи уставной грамоты и особенныхъ учрежденій.

14. Особа государя священна и неприкосновенна.

15. Государь есть верховная глава общаго управленія Имперіи. Онъ печется о внутренней и внѣшней безопасности государства. Онъ бдитъ о своихъ правахъ и владѣніяхъ.

16. Право объявлять войну и заключать договоры и условія всякаго рода, принадлежитъ одному государю.

17. Предводительство военною силою сухопутною и морскою, какъ въ мирное такъ и въ военное время, равно какъ и назначеніе главнокомандующихъ и производство генераловъ и офицеровъ, принадлежитъ монарху безъ исключенія.

18. Государь назначаетъ пословъ, посланниковъ и другихъ уполномоченныхъ чиновниковъ для переговоровъ политическихъ и торговыхъ.

19. Государь на всѣ мѣста гражданскія, управительныя и судебныя, назначаетъ непосредственно или чрезъ тѣхъ, коимъ ввѣритъ онъ таковую власть.

20. Какъ верховная глава православной Греко-Россійской церкви, государь возводитъ во всѣ достоинства духовной іерархіи.

21. Право помилованія принадлежитъ исключительно государю. Онъ можетъ преступника простить или облегчить его наказаніе.

22. Дѣла по всѣмъ судебнымъ и всякимъ другимъ присутственнымъ мѣстамъ производятся, и приговоры онымъ равно какъ и всякаго рода публичные акты объявляются именемъ его императорскаго величества.

23. Учрежденіе орденовъ, постановленія онымъ статутовъ и награжденіе военными и гражданскими орденами принадлежитъ государю, равно какъ и право возведенія на степень дворянства и высшихъ онаго достоинствъ, принятіе въ подданство и пожалованіе въ чины и классы.

24. Государь располагаетъ доходами государства сообразно съ утвержденными имъ частными росписаніями доходовъ и расходовъ (бюджетами) намѣстничествъ и съ общимъ росписаніемъ доходовъ и расходовъ всего государства.

25. Первое же общее росписаніе доходовъ и расходовъ, имѣющее быть составлено въ силу настоящей грамоты, на основаніи ли частныхъ росписаній доходовъ и расходовъ намѣстничествъ, или по соображеніямъ министерствъ, предоставляется въ особенности единственному расрoряженію государя императора.

26. Для опредѣленія законодательныхъ дѣйствій государя, общія основанія права въ Имперіи дѣлятся на три разряда:

Въ первомъ заключаются законы.

Во второмъ уставъ и учрежденія.

Въ третьимъ указы, повелѣнія, рескрипты и постановленія.

27. Подъ именемъ законовъ разумѣюся всѣ законодательныя распоряженія, кои основаны на началахъ, по существу своему непремѣнныхъ, и кои не могутъ быть иначе ни отмѣнены, ни преобразованы, какъ съ соблюденіемъ ненарушимости оныхъ началъ, и тогда только, когда въ послѣдствіе времени опытъ покажетъ необходимость измѣненій, или когда будутъ вынуждены причинами важными и рѣшительными.

28. Подъ словомъ: уставы и учрежденія должно разумѣть всѣ распоряженія, требуемыя обстоятельствами или для защиты государства и охраненія цѣлости его границъ, или для устройства разныхъ предметовъ по части внутренняго управленія, или наконецъ по дѣламъ до порядка службы и до усовершенствованія общаго и частнаго благосостоянія касающимся.

29. Наконецъ подъ именемъ указовъ, повелѣній, рескриптовъ и постановленій, должно разумѣть все, что предписывается къ исполненію по частнымъ и случайнымъ обстоятельствамъ, въ различныхъ отдѣленіяхъ государственнаго управленія встрѣчающимся, или что относится до какого либо начальства, чиновника военнаго, гражданскаго или частнаго лица, и по свойству своему смотря по надобности можетъ подвергаться разнымъ измѣненіямъ.

30. Законы раздѣляются на общіе государственные законы и на особенные или мѣстные. Общіе законы составляютъ общее право, и примѣняются во всѣхъ случаяхъ въ коихъ мѣстные законы недостаточны.

31. Общіе законы постановляются государемъ при содѣйствіи общаго государственнаго Сейма, о коемъ ниже будетъ упомянуто.

32. Особенные или мѣстные законы постановляются государемъ при содѣйствіи Сеймовъ намѣстническихъ.

33. Право издавать уставы, учрежденія, указы, рескрипты и постановленія принадлежитъ исключительно государю. Онъ можетъ ввѣрить оное въ совокупности или въ частяхъ, мѣсту или лицу, по своему благоусмотрѣнію.

34. Общіе и особенные или мѣстные законы скрѣпляются министромъ начальникомъ управленія юстиціи. Уставы, учрежденія, указы, повелѣнія и постановленія должны быть за скрѣпою того изъ министровъ, до котораго они по содержанію своему будутъ принадлежать. Онъ отвѣчаетъ за все, что въ сихъ уставахъ, учрежденіяхъ, указахъ, повелѣніяхъ, рескриптахъ и постановленіяхъ могло бы заключаться противнаго правиламъ уставной грамоты и законовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О государственномъ Совѣтѣ.

35. Государственный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ государя, состоитъ изъ министерствъ, членовъ государственнаго совѣта, государственныхъ докладчиковъ или статсъ-секретарей и изъ особъ, коихъ угодно будетъ его императорскому величеству въ него призвать.

36. Государственный совѣтъ раздѣляется на общее собраніе Совѣта и на правительный совѣтъ или комитетъ министровъ.

А) ПРАВИТЕЛЬНЫЙ СОВѢТЪ.

37. Правительный Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ государя состоитъ изъ министровъ-начальниковъ управленій и другихъ особъ призванныхъ въ него по волѣ государя.

38. Члены правительнаго Совѣта имѣютъ голоса совѣщательные. Одинъ государь рѣшаетъ. Его величество можетъ сіе право ввѣрить въ совокупности или въ частяхъ намѣстнику въ правительномъ совѣтѣ или кому заблагоразсудитъ. Сей обязанъ рѣшить въ совѣтѣ согласно съ уставными правилами государства и законами.

39. Правительный государственный Совѣтъ или комитетъ министровъ, имѣетъ право уничтожить постановленія изданныя намѣстниками въ намѣстническомъ совѣтѣ, когда они противны законамъ, учрежденіямъ, указамъ, повелѣніямъ и рескриптамъ на имя ихъ писаннымъ или имъ даннымъ. Въ подобныхъ сему случаяхъ онъ уничтожаетъ также постановленія и опредѣленія нижнихъ присутственныхъ мѣстъ, когда упущеніемъ посреднихъ начальствъ того не учинено.

40. Если сіи постановленія и опредѣленія нарушаютъ общественную безопасность или общественное спокойствіе, то за исключеніемъ однихъ намѣстниковъ, комитетъ министровъ вправѣ удалять по управительной части всякаго рода чиновниковъ, съ обязанностію неотлагательно доносить о томъ государю и входить съ представленіемъ въ общее собраніе государственнаго Совѣта, буде удаленіе отъ должности относится до чиновниковъ, коихъ преданіе суду подлежитъ его вѣдомству.

41. Если по случаю упомянутому въ предидущей статьѣ слѣдовало бы удалить намѣстника, то комитетъ министровъ доноситъ о томъ государю и входитъ съ представленіемъ въ Сенатъ, до коего принадлежитъ преданіе суду намѣстниковъ какъ о томъ ниже въ ст. 145 сказано будетъ.

Б) ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА.

42. Общее собраніе государственнаго Совѣта, подъ пресѣдательствомъ государя, намѣстника его или другаго уполномоченнаго его величествомъ, или подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ членовъ составляется какъ означено въ ст. 35.

Дѣла вѣденію государственнаго совѣта подлежащія, за исключеніемъ тѣхъ, которыя возложены на него по образованію, учрежденному 1809 года суть слѣдующія:

1) Разсматривать и составлять проэкты законовъ или уставовъ и учрежденій, относящихся до общаго управленія имперіи.

2) Разрѣшать споры произойти могущіе отъ присвоенія какою либо властію непринадлежащаго себѣ вѣдомства или столкновенія вѣдомствъ.

3) Опредѣлять преданіе суду по предложенію правительнаго Совѣта или комитета министровъ, чиновниковъ управленія, по назначенію его императорскаго величества опредѣляемыхъ, за злоупотребленіе въ отправленіи ихъ должностей и въ случаяхъ подвергающихъ ихъ отвѣтственности, за исключеніемъ тѣхъ чиновниковъ, коихъ преданіе суду предоставлено Сенату или намѣстническимъ совѣтамъ (ст. 60).

4) Ежегодно разсматривать и повѣрятъ отчеты поданные каждымъ главнымъ начальствомъ управленія.

5) Дѣлать замѣчанія на всѣ существующія или вкрадывающіяся злоупотреблепія въ управленіи; равно какъ и на всѣ нарушенія государственной уставной грамоты и законовъ, и составлять изъ нихъ общій докладъ для поднесенія его императорскому величеству. Принятіе мѣръ въ слѣдствіе доклада и распредѣленіе предметовъ, смотря по существу ихъ, для препровожденія въ Сеймъ, въ Сенатъ или къ другимъ властямъ, будетъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія его величества.

43. Общее собраніе государственнаго Совѣта занимается также разсужденіями о предметахъ вообще, поступающихъ въ оное по волѣ государя императора, или по предложенію одного изъ министровъ, на основаніи существующихъ общихъ и частныхъ учрежденій министерствъ.

44. Опредѣленія государственнаго Совѣта подносятся на утвержденіе государя или особы, имъ уполномоченной. Изъ сего исключаются опредѣленія относящіяся до преданія суду (ст. 42 пунктъ 3) чиновниковъ и столкновенія вѣдомствъ (ст. 42 пунктъ 2) по коимъ исполняется непосредственно.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О министерствахъ или главныхъ управленіяхъ.

45. Исполненіе законовъ возложено, согласно общему учрежденію министерствъ, изданному 25 Іюня 1811 года на нижеслѣдующія министерства или главныя управленія.

1) На главное управленіе духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.
2) На главное управленіе военное.
3) На главное управленіе морское.
4) На главное управленіе юстиціи.
5) На главное управленіе финансовъ и государственнаго казначейства.
6) На главное управленіе ревизіи государственныхъ счетовъ.
7) На главное управленіе внутреннихъ дѣлъ.
8) На главное управленіе полиціи.
9) На главное управленіе путей сообщенія.
10) На министерство иностранныхъ дѣлъ.

Каждое изъ сихъ главныхъ управленій съ составляющими оное департаментами, состоитъ подъ начальствомъ и председательствомъ министра или главноуправляющаго.

46. Министры, начальники управленій, директоры департаментовъ и правители дѣлъ, подлежатъ отвѣтственности за всякое нарушеніе уставной грамоты, законовъ, равно какъ указовъ и повелѣній отъ государя императора послѣдовавшихъ, и буде бы оказались въ томъ виновными, то предаются верховному государственному суду.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

О намѣстникахъ и совѣтахъ намѣстничествъ.

47. Въ каждой области устроенной по образу намнѣстничествъ, имѣетъ быть постановленъ намѣстникъ и учрежденъ совѣтъ намѣстничества, присутствующіе въ назначенномъ мѣстопребываніи.

48. Намѣстникъ, совокупно съ совѣтомъ, на основаніи предписаннаго порядка, печется о благосостояніи ввѣренныхъ ему губерній и блюдетъ за точнымъ исполненіемъ законовъ и повелѣній высшаго начальства по всѣмъ частямъ управленія.

49. Совѣтъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ намѣстника и раздѣляется на правительный совѣтъ и общее собраніе.

А) ПРАВИТЕЛНЫЙ СОВѢТЪ.

50. Правительный совѣтъ составляется изъ намѣстника, опредѣленнаго числа членовъ и всѣхъ другихъ лицъ, по высочайшей волѣ въ него призванныхъ. Сверхъ того при немъ находится еще членъ правитель дѣлъ.

51. Члены правительнаго совѣта, въ качествѣ начальниковъ отдѣленій по совѣту намѣстничествъ и въ видѣ отряженныхъ чиновниковъ отъ каждаго министерства или главнаго государственнаго управленія, завѣдываютъ по губерніямъ составляющимъ область намѣстничества, на основаніи особенныхъ учрежденій, всѣми дѣлами, до ввѣренной имъ части касающихся.

52. Члены совѣта имѣютъ голоса совѣщательные. Рѣшитъ дѣло намѣстникъ. Онъ обязанъ рѣшить въ совѣтѣ сообразно съ уставными правилами государства, законами и въ мѣрѣ даннаго ему полномочія.

53. Каждый членъ совѣта, завѣдывающій какою либо частію, долженъ скрѣплять всѣ рѣшенія и

постановленія намѣстника по своей части. Буде бы не согласенъ былъ съ его рѣшеніемъ, то въ такомъ случаѣ имѣетъ право записать свое мнѣніе въ протоколъ, и тогда отстраняется отъ всякой отвѣтственности.

54. Намѣстникъ въ совѣтѣ имѣетъ право, по управительной части, уничтожить всѣ рѣшенія и опредѣленія губернскихъ начальствъ, когда они окажутся противны законамъ, учрежденіямъ, указамъ и предписаніямъ высшей власти. Буде бы сіи рѣшенія угрожали общественной безопасности, общественному спокойствію или заключали въ себѣ явныя злоупотребленія, то намѣстникъ въ совѣтѣ имѣетъ право самъ отрѣшать и предавать суду виновныхъ чиновниковъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, за исключеніемъ губернаторовъ, вице-губернаторовъ, членовъ губернскаго правленія и казенныхъ палатъ, и другихъ лицъ особенному вѣдомству подлежащихъ, о коихъ представляетъ комитету министровъ.

55. Опредѣленія и постановленія намѣстниковъ тогда только становятся обязательными, когда послѣдуютъ изъ совѣта и за скрѣпою того изъ членовъ до коего тотъ предметъ относится, или другаго, на мѣсто его призваннаго.

56. Буде бы не послѣдовало высочайшаго повелѣнія о продолженіи власти намѣстника, то въ присутствіи государя императора власть его пресѣкается. Въ семъ случаѣ государь императоръ занимается дѣлами по своему благоусмотрѣнію съ каждымъ начальникомъ отдѣленія особенно или въ правительномъ совѣтѣ.

57. Въ случаѣ смерти намѣстника государь императоръ, до назначенія другаго, замѣщаетъ его временнымъ предсѣдателемъ.

Б) ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ СОВѢТА НАМѢСТНИЧЕСТВА.

58. Общее собраніе совѣта намѣстничества состоитъ изъ членовъ означенныхъ выше въ ст. 50, и изъ членовъ выбранныхъ въ разныхъ губерніяхъ, лежащихъ въ области намѣстничества и по представленіямъ комитета министровъ государемъ императоромъ утвержденныхъ.

59. Общее собраніе совѣта намѣстничества имѣетъ свои непремѣнныя засѣданія токмо при выборахъ и при созваніи сеймовъ. Въ прочее время они собираются по повелѣнію государя и востребованію намѣстника. Общее собраніе разсуждаетъ вообще о всѣхъ предметахъ до управленія намѣстничествъ касающихся, и по высочайшей волѣ государя императора или по предложеніямъ комитета министровъ и намѣстника, въ него вносимымъ; въ особенности же о раскладкѣ и взиманіи податей, установленіи земскихъ повинностей, сбереженіи государственныхъ расходовъ по области намѣстничества, умноженіи съ оной доходовъ, распространеніи земледѣлія, промышленности и торговли и тому подобномъ.

60. Сверхъ сего къ непремѣнной обязанности онаго принадлежитъ:

1) Разсматривать и обработывать всѣ проэкты частныхъ законовъ и учрежденій, относящихся къ области каждаго намѣстника.

2) Въ особенности же опредѣлять по представленіямъ правительственнаго совѣта преданіе суду чиновниковъ управленія за злоупотребленія по ихъ должности и въ другихъ случаяхъ, подвергающихъ ихъ отвѣтственности. Изъ сего исключаются тѣ чиновники, коихъ преданіе суду зависитъ отъ Сената и государственнаго Совѣта.

3) Разсматривать и повѣрять ежегодно отчеты представляемыя въ концѣ года каждымъ управляю-

щимъ членомъ по своей части и составлять изъ частныхъ вѣдомостей одну общую по всѣмъ ввѣреннымъ совѣту намѣстничества губерніямъ, для доставленія оной чрезъ намѣстника въ комитетъ министровъ.

4) Дѣлать замѣчанія на подаваемыя отчеты и на всѣ существующія или вкрадывающіяся въ управленіе злоупотребленія, равно какъ и на всѣ испытываемыя нарушенія государственной уставной грамоты законовъ, составляя изъ всего онаго общій всеподданнѣйшій докладъ для представленія онаго государю императору чрезъ посредство намѣстника и государственнаго Совѣта.

61. Всѣ рѣшенія общаго собранія совѣта намѣстничества представляются на утвержденіе намѣстника, за исключеніемъ однихъ рѣшеній о преданіи суду, которые исполняются непосредственно.

62. Отъ каждаго намѣстническаго совѣта будетъ находиться въ столицѣ при правительствѣ докладчикъ или статсъ-секретарь того намѣстничества; должность и образъ сношеній его опредѣлены будутъ особеннымъ постановленіемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

О губернскомъ начальствѣ.

63. Законъ постановляетъ за неизмѣнное и непоколебимое правило: чтобы управительная и судебная части были раздѣлены, и дѣйствія оныхъ, яко несовмѣстныя, ни въ какомъ случаѣ не сливались. Въ слѣдствіе чего частные уставы въ отмѣну 97 статьи главы V учрежденія о губерніяхъ, съ точностію опредѣлятъ, въ какія судебныя мѣста должны поступить тѣ спорныя дѣла, кои по основаніи вы-

шесказанной статьи подлежали до сего времени вѣденію губернскаго правленія.

64. Изъ сего общаго правила изъемлются: 1) Судебныя полиціи, возложенныя на городскія полицейскія управы и уѣздныя правительства (нижніе земскіе суды) въ обязанность коихъ входитъ изслѣдованіе преступленій, содѣянныхъ на мѣстахъ, вѣдомству ихъ подлежащихъ и представленіе виновныхъ куда слѣдуетъ къ суду. 2) Обыкновенная градская и сельская полиція.

65. Губернское начальство подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора составляется изъ вице-губернатора и извѣстнаго числа членовъ, управляющихъ особенными экспедиціями.

66. Для скорѣйшаго движенія дѣлъ и успѣшнѣйшаго исполненія, губернское начальство раздѣляется на два главныя отдѣленія: на управительное и казенное. Первое подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора заключается въ губернскомъ правленіи, а второе подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора въ казенной палатѣ.

67. Каждое изъ сихъ отдѣленій раздѣляется на извѣстное число экспедицій, коихъ начальники составляютъ членовъ каждаго отдѣленія.

68. Особенныя учрежденія опредѣлятъ въ подробности какимъ дѣламъ оканчиваться по экспедиціямъ и отдѣленіямъ и какимъ по важности своей, поступать въ общее собраніе всего губернскаго начальства. Общее собраніе составляется чрезъ соединеніе обѣихъ отдѣленій и находится подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора, а въ отсутствіи его, заступающаго его мѣсто вице-губернатора.

69. Общее собраніе имѣетъ право уничтожать всѣ рѣшенія и опредѣленія нижнихъ мѣстъ по части управительной, буде усмотритъ, что они противны

законамъ, учрежденіямъ, уставамъ, указамъ и предписаніямъ на имя ихъ даннымъ. Ежели бы сими опредѣленіями нарушалось спокойствіе и общая безопасность, то въ такомъ случаѣ правитель губерніи доноситъ о томъ намѣстнику въ правительномъ совѣтѣ и предлагаетъ о удаленіи отъ должности чиновниковъ, оказавшихся въ томъ виновными.

70. Члены губернскаго начальства какъ по отдѣленіямъ, такъ и въ общемъ онаго собраніи, имѣютъ голоса совѣщательные. Одинъ предсѣдатель рѣшитъ. Рѣшенія его должны быть основаны на правилахъ государственной уставной грамоты и законахъ и ничего противнаго онымъ въ себѣ не заключать.

71. Каждый членъ управляющій экспедиціею обязанъ скрѣплять послѣдовавшія какъ по отдѣленію, такъ и по общему собранію по части его рѣшенія. Ежели бы который изъ нихъ былъ не согласенъ съ симъ рѣшеніемъ, то долженъ записать мнѣніе свое въ протоколъ, чѣмъ и устраняется отъ всякой отвѣтственности.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

О уѣздныхъ, окружныхъ и городскихъ начальствахъ.

72. Всякій уѣздъ имѣетъ свое уѣздное начальство. Оно состоитъ въ земскомъ уѣздномъ правленіи (нижній земскій судъ) и составляется подъ предсѣдательствомъ земскаго уѣзднаго исправника, и извѣстнаго числа засѣдателей, которое смотря по обширности уѣзда, можетъ быть увеличиваемо.

73. Земское уѣздное правленіе, равно какъ и предсѣдательствующій въ ономъ земскій уѣздный исправникъ, поступаютъ по данному имъ наказу. Они подчинены правителю губерніи и губернскому

начальству, и исполняютъ въ точности всѣ получаемыя отъ нихъ предписанія.

74. Каждый уѣздъ, смотря по своей обширности и народонаселенію, раздѣляется на нѣсколько округовъ, которые подвѣдомы окружному начальству. Оно состоитъ въ окружномъ исправникѣ или ключьвойтѣ и его помощникѣ, и имѣетъ при себѣ нѣсколько сотниковъ и десятскихъ, отряжаемыхъ на опредѣленное время отъ селеній, къ составу каждаго округа принадлежащихъ.

75. Окружное начальство есть среднее мѣсто между уѣзднымъ начальствомъ и каждымъ селеніемъ своего округа. Оно доставляетъ посредствомъ сотниковъ и десятскихъ въ каждое селеніе прикащикамъ, старостамъ, сельскимъ начальникамъ, выборнымъ и всякаго другаго наименованія составляющимъ послѣднее звѣно управительной власти, всѣ повелѣнія и предписанія имѣющія послѣдовать отъ уѣзднаго начальства, и смотритъ за строгимъ оныхъ исполненіемъ. Сверхъ сего неослабно наблюдаетъ, чтобы вездѣ въ округѣ подъ вѣденіемъ его состоящимъ, наблюдаемъ былъ установленный порядокъ, обезпечивающій общую безопасность и тишину.

76. Каждый городъ первой и второй степени, кромѣ ратушъ или магистратовъ, имѣетъ еще свою городскую полицейскую управу. Она состоитъ подъ начальствомъ городничаго или полицмейстера, и въ ней засѣдаютъ (на основаніи городоваго положенія § 34, статьи о обывателяхъ): два ратмана городовые.

77. Образъ дѣйствія сихъ нижнихъ начальствъ, равно какъ предѣлы и степень власти и отвѣтственности, частію опредѣленные уже въ существующихъ узаконеніяхъ, будутъ предметомъ особаго учрежденія, соотвѣтствующимъ изложеннымъ въ государственной уставной грамотѣ правиламъ.

ГЛАВА III.

Ручательства державной власти.

78. Православная греко-россійская вѣра будетъ на всегда господствующею вѣрою имперіи, императора и всего императорскаго дома. Она непрестанно будетъ обращать на себя особую попечительность правительства, безъ утѣсненія однакожъ свободы всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій. Рарзличіе христіанскихъ вѣроисповѣданій не производитъ никакихъ различій въ правахъ гражданскихъ и политическихъ.

79. Священно служители всѣхъ исповѣданій вообще состоятъ безъ исключенія подъ покровительствомъ и надзоромъ законовъ и правительства.

80. Законъ безъ всякого различія покровительствуетъ равно всѣмъ гражданамъ.

81. Коренный россійскій законъ: „Безъ суда никто да не накажется“ — и освященное учрежденіемъ о губерніяхъ правило (§ 401): „чтобы никто безъ объявленія ему вины и снятія съ него допроса въ теченіи 3 дней по задержаніи, не лишался свободы и не содержался въ тюрьмѣ“ — распространяется на всѣхъ жителей вообще въ слѣдующей силѣ.

82. Никто не можетъ быть взятъ подъ стражу, обвиненъ и лишенъ свободы, какъ только въ случаяхъ закономъ опредѣленныхъ и съ соблюденіемъ закономъ предписанныхъ на сей конецъ правилъ.

83. Всякое самопроизвольное задержаніе вмѣняется въ преступленіе, подвергающее наказанію означенному въ уголовномъ правѣ.

84. Взятому подъ стражу должно немедленно объявить причину его задержанія.

85. Каждый задержанный долженъ быть представленъ въ теченіи 3 (въ рѣдкихъ же токмо случаяхъ,

въ которыхъ розысканіе потребовало бы отсрочки не позднѣе 6 сутокъ) въ то присутственное мѣсто, до котораго онъ принадлежитъ, для снятія въ него допроса или сужденія узаконеннымъ порядкомъ. Всякое отступленіе отъ сего вмѣняется въ злоупотребленіе власти. Ежели обвиняемый оправдается при первомъ слѣдствіи, то немедленно освобождается.

86. Во всѣхъ случаяхъ закономъ неизъятыхъ, обвиняемый отпущается на поруки.

87. Никто не долженъ быть наказанъ какъ въ силу закона постановленнаго и обнародованнаго до содѣланнаго преступленія, и по приговору того суда, которому онъ принадлежитъ.

88. Право просить о помилованіи (vis agratiandi) предоставляется лицамъ, осужденнымъ на смертную казнь, на вѣчную и свыше 15 лѣтъ продолжиться имѣющую ссылку, заточеніе и каторжную работу.

89. Свобода тисненія обезпечивается. Законъ излагаетъ правила къ обузданію злоупотребленій.

90. Каждому россійскому подданному вольно переселиться въ другое государство и вывезть свое имѣніе, лишь бы соблюлъ закономъ предписанныя на таковые случаи правила.

91. Да будетъ россійскій народъ отнынѣ навсегда имѣть народное представительство. Оно должно состоять въ государственномъ Сеймѣ (государственной думѣ) составленномъ изъ государя и двухъ палатъ. Первую подъ именемъ высшей палаты, образуетъ Сенатъ; а вторую подъ имененъ посольской палаты, земскіе послы и депутаты окружныхъ городскихъ обществъ.

92. Государственныя должности какъ гражданскія, такъ и военныя, иначе возлагаемы быть не могутъ, какъ на россійскихъ подданныхъ.

93. Каждый иностранецъ предъявившій законные

виды, будетъ пользоваться на равнѣ съ другими жителями государства покровительствомъ законовъ и выгодами, законами обезпеченными. Ему вольно будетъ на основаніи учрежденныхъ правилъ, жить въ государствѣ, выѣзжать изъ онаго, возвращаться и пріобрѣтать въ немъ недвижныя имѣнія.

94. Каждый иностранецъ, укоренный, при безпорочномъ поведеніи и послѣ пятилѣтняго пребыванія, научась россійскому языку, можетъ допущенъ быть въ отправленіе государственныхъ должностей.

95. Одинъ государь по собственному выбору, или по представленію государственнаго совѣта, можетъ въ отмѣну сего правила, допустить къ отправленію государственныхъ должностей иностранцевъ превосходными дарованіями отличающихся.

90. Всѣ государственные чиновники по части правительственной, отрѣшаются отъ должностей тою же властію, которая ихъ опредѣляетъ, съ соблюденіемъ закономъ предписанныхъ на таковой конецъ правилъ. Всѣ безъ исключенія подвержены отвѣтственности въ отправленіи своихъ должностей.

97. Всякая собственность на поверхности ли земли находящаяся или въ нѣдрахъ оной сокровенная какого бы рода ни была, въ чемъ бы ни состояла, и кому бы ни принадлежала, признается священною и неприкосновенною. Никакая власть и ни подъ какимъ предлогомъ посягнуть на нее не можетъ. Посягающій на чуждую собственность осуждается и наказывается какъ нарушитель общественнаго спокойствія.

98. Правительство имѣетъ однако право по справедливомъ и предварительномъ вознагражденіи требовать отъ частнаго лица пожертвованія его собственностію. Законъ опредѣлитъ особенные случаи употребленія сего права, и правила имѣющія онымъ руководствовать.

ГЛАВА IV.

О народномъ представительствѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О государственной думѣ или сеймѣ.

99. Представительство народное образуется, какъ выше сказано (ст. 91).

100. Государственный Сеймъ (государственная дума) раздѣляется на частные сеймы (думы) намѣстническихъ областей, созываемые каждые три года и на общую государственную думу или Сеймъ, созываемый каждые пять лѣтъ.

101. Законодательная власть заключается въ особѣ государя при содѣйствіи двухъ палатъ государсгвеннаго сейма (какъ сказано въ ст. 13).

РАЗРЯДЪ I.

О ЧАСТНЫХЪ ДУМАХЪ ИЛИ СЕЙМАХЪ НАМѢСТНИЧЕСКИХЪ ОБЛАСТЕЙ.

102. Сеймы намѣстническихъ областей составляются изъ государя и двухъ палатъ. Первая подъ именемъ высшей палаты образуется изъ одного департамента Сената, присутствующаго въ главномъ мѣстопребываніи намѣстническаго начальства. Вторая подъ именемъ земской посольской палаты составляется изъ двухъ третей избраннаго въ области намѣстничества числа пословъ и депутатовъ, государемъ утвержденныхъ.

103. Сеймы намѣстническихъ областей разсматриваютъ проэктъ общихъ законовъ во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ государь заблагоразсудитъ повелѣть имъ оные сообщить чрезъ государственный совѣтъ. Они разсматриваютъ въ особенности всѣ проэкты

частныхъ законовъ до каждой намѣстнической области касающихся, по повелѣнію государя чрезъ правительственный совѣтъ намѣстничества къ нимъ препровождаемыхъ. Сверхъ сего они разсуждаютъ по сообщенію же отъ имени государя подобно вышесказанному, о увеличеніи или уменьшеніи всякаго рода сборовъ, податей и земскихъ повинностей; о средствахъ къ уравненію раскладокъ, о составленіи частныхъ росписаній доходовъ и расходовъ намѣстническихъ областей (Бюджетъ): однимъ словомъ о всемъ, что государю благоугодно будетъ высочайше указать внести къ нимъ на разсужденіе.

104. Сеймы намѣстничествъ разсуждаютъ еще, когда послѣдуетъ на то высочайшая воля, по предметамъ содержащимся во всеподданнѣйшихъ докладахъ общаго собранія намѣстническихъ совѣтовъ, составленныхъ на основаніи ст. 60 изъ годовыхъ отчетовъ по каждой отрасли управленія. Наконецъ каждый намѣстническій сеймъ, изложивъ свое мнѣніе по всѣмъ симъ предметамъ, приступаетъ къ разсмотрѣнію наказовъ, земскимъ посламъ и депутатамъ отъ ихъ избирателей данныхъ и заключающихъ въ себѣ ихъ замѣчанія, представленія и прошенія, касательно всего того, что относится до ихъ пользы. Изъ сихъ наказовъ дѣлается самое вѣрное извлеченіе, которое препровождается въ общее собраніе намѣстническаго совѣта, а изъ онаго въ государственный совѣтъ для поднесенія государю императору на высочайшее разрѣшеніе и принятіе тѣхъ мѣръ, къ коимъ таковыя представленія могутъ подать поводъ.

105. Проэкты частныхъ законовъ относящихся до каждой области намѣстничества, составляются въ намѣстническомъ совѣтѣ и вносятся на сеймъ по повелѣнію государя членами означеннаго совѣта.

106. Для разсмотрѣнія и уваженія сихъ проэктовъ въ сеймахъ намѣстничествъ, каждая палата назначаетъ по баламъ три коммиссіи. Онѣ состоятъ въ высшей палатѣ изъ пяти голосовъ и суть слѣдующія:

1) Коммиссія законодательная.
2) Коммиссія управленія.
3) Коммиссія финансовъ.

Каждая палата увѣдомляетъ правительный совѣтъ объ учиненномъ ею выборѣ. Коммиссіи находятся въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ совѣтомъ намѣстничества.

107. Проэкты предложенные именемъ государя, по всѣмъ отмѣнамъ, какія послѣдовать могли бы вслѣдствіе замѣчаній, коммиссіями учиненныхъ, исправляются токмо въ совѣтѣ намѣстничества.

108. Право читать приготовленныя рѣчи въ обѣихъ палатахъ предоставляется однимъ членамъ намѣстническаго совѣта и членамъ коммиссіи каждой палаты. Всѣ прочіе члены объясняются изустно.

109. Члены совѣта во время разсужденій о проэктахъ, имѣютъ право присутствовать и говорить въ обѣихъ палатахъ; но тѣ изъ нихъ, которые не несутъ званія сенаторовъ, земскихъ пословъ или депутатовъ, числа голосовъ не составляютъ.

110. Общій отчетъ о составленіи всякой области намѣстничества, составленный въ каждомъ намѣстническомъ совѣтѣ, за внесеніемъ онаго предварительно въ департаментъ сената, выслушивается въ совокупныхъ палатахъ.

111. Каждая палата поручаетъ своимъ коммиссіямъ разсмотрѣть сей отчетъ. По учиненномъ разсмотрѣніи, коммиссіи въ общемъ донесеніи за подписаніемъ всѣхъ членовъ ихъ, представляютъ палатамъ свои на оный замѣчанія. Каждая палата

по выслушаніи и уваженіи сихъ замѣчаній, излагаетъ мнѣніе свое касательно поданнаго отчета и подноситъ оное государю.

112. При закрытіи сейма, палата земскихъ пословъ и депутатовъ каждаго намѣстничества, приступаетъ къ выбору земскихъ пословъ и депутатовъ, имѣющихъ составить вторую палату общаго государственнаго сейма. Сей выборъ производятъ они изъ своей среды. Число избранныхъ должно соотвѣтствовать четвертой части состоящихъ на лицо пословъ и депутатовъ.

113. На сей конецъ заготовляется особый протоколъ, въ который вносятся поименно алфавитнымъ порядкомъ всѣ избранные члены. Сей актъ законнымъ образомъ составленный, отсылается намѣстнику для поднесенія онаго государю чрезъ комитетъ министровъ.

РАЗРЯДЪ II.

О ОБЩЕМЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СЕЙМѢ.

114. Общій государстненный Сеймъ составляется изъ государя и двухъ палатъ. Первую подъ именемъ высшей палаты образуетъ сенатскій департаментъ, присутствующій въ одной изъ двухъ столицъ, съ присовокупленіемъ къ нему единственно на время сейма и по назначенію государя изъ двухъ департаментовъ извѣстнаго числа сенаторовъ, образовательнымъ учрежденіемъ опредѣленнаго. Втораа подъ названіемъ палаты земскихъ пословъ составляется, по назначенію государя изъ половиннаго числа пословъ и депутатовъ, въ каждой намѣстнической области посольскою палатою изъ среды своей избранныхъ.

115. Общій государственный сеймъ, по сообщеніи отъ имеми государя чрезъ государственный

совѣтъ, разсматриваетъ всѣ проэкты законовъ гражданскихъ, уголовныхъ и по части управительной, коихъ дѣйствіе распространяется на всю имперію. Онъ разсуждаетъ по предложеніямъ вносимымъ по высочайшему-жъ повелѣнію, о прибавленіи и уменьшеніи налоговъ, податей, сборовъ и всякаго рода общественныхъ повинностей; о удобнѣйшихъ и справѣдливѣйшихъ раскладкахъ, о уравненіи налоговъ и податей по всему государству по мѣрѣ силы и возможности каждой намѣстнической области, о составленіи главнаго росписанія доходовъ и расходовъ (бюджетъ) на основаніи представленныхъ ему на разсмотрѣніе частныхъ росписаній доходовъ и расходовъ, составленныхъ въ каждой области намѣстничества; равно какъ и о всѣхъ другихъ предметахъ, на разсужденіе по волѣ государя ему отсылаемыхъ.

116. Общій сеймъ разсуждаетъ еще по соблюденіямъ, которыя государю благоугодно было бы повелѣть сдѣлать по предметамъ, заключающимся въ общемъ государственномъ отчетѣ, коего составленіе возложено на общее собраніе государственнаго совѣта въ силу ст. 42. Наконецъ общій государственный сеймъ изложивъ свое мнѣніе по всѣмъ симъ предметамъ, приступаетъ къ разсмотрѣнію наказовъ, земскимъ посламъ и депутатамъ отъ ихъ избирателей данныхъ и заключающихъ въ себѣ ихъ замѣчанія, представленія и прошенія, касательно всего того, что относится до ихъ пользы. Изъ сихъ наказовъ дѣлается въ самое вѣрное извлеченіе, которое препровождается въ государственный совѣтъ, а отъ онаго представляется государю императору, на высочайшее разрѣшеніе и для принятія тѣхъ мѣръ, къ коимъ таковыя представленія могли подать поводъ.

117. Проэкты законовъ составленные въ государственномъ совѣтѣ взносятся на общій государственный сеймъ по повелѣнію государя, членами означеннаго совѣта.

118. Для разсмотрѣнія и уваженія сихъ проэктовъ на общемъ государственномъ сеймѣ, каждая палата назначаетъ по баламъ три коммиссіи. Онѣ состоятъ въ высшей палатѣ изъ трехъ, и въ посольской палатѣ изъ пяти членовъ и суть слѣдующія:

1) Коммиссія законодательная.
2) Коммиссія управленія.
3) Коммиссія финансовъ.

Каждая палата увѣдомляетъ государственный совѣтъ объ учиненномъ ею выборѣ. Коммиссіи находятся въ безпрестанномъ сношеніи съ государственнымъ совѣтомъ.

119. Проэкты предложенные именемъ государя, по всѣмъ отмѣнамъ, какія послѣдовать могли бы вслѣдствіе замѣчаній коммиссіями учиненныхъ, исправляются токмо въ государственномъ совѣтѣ.

120. Право читать приготовленныя рѣчи въ обѣихъ палатахъ предоставляется однимъ членамъ государственнаго совѣта; всѣ прочіе объясняются изустно.

121. Члены государственнаго совѣта, во время разсужденій о проэктахъ законовъ, имѣютъ право присутствовать и говорить въ обѣихъ палатахъ; но тѣ изъ нихъ, которые не суть сенаторами, земскими послами или депутатами, числа голосовъ не составляютъ.

122. Общій отчетъ о состояніи государства, составленный въ государственномъ совѣтѣ, выслушивается въ совокупныхъ палатахъ.

123. Каждая палата поручаетъ своимъ коммиссіямъ разсмотрѣть сей отчетъ, который дозволяется

и напечатать. Донесенія коммиссій относительно содержанія отчетовъ не иначе должны быть представляемы въ палаты, какъ по единогласію и за общимъ подписаніемъ всѣхъ членовъ составляющихъ коммиссіи. Каждая палата по выслушаніи и уваженіи сихъ замѣчаній излагаетъ мнѣніе свое касательно поданнаго отчета и подноситъ оное государю.

124. Въ обѣихъ столицахъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ, кои не входятъ въ составъ намѣстничествъ, созываются чрезъ каждые три года столичные сеймы, дѣйствующіе на томъ основаніи какъ намѣстническіе сеймы. Сіи сеймы составляются изъ двухъ палатъ подъ предсѣдательствомъ государя императора или особы высочайшею довѣренностію для сего назначенной.

Первую палату подъ названіемъ верхней, составляетъ сенатскій департаментъ, засѣдающій въ столицѣ.

Вторая палата подъ названіемъ посольской палаты составляется изъ двухъ третей земскихъ пословъ и депутатовъ, избранныхъ государемъ императоромъ изъ числа выбранныхъ столицею и въ уѣздахъ съ губерніи пословъ и депутатовъ.

125. Посольскія палаты столичныхъ сеймовъ избираютъ изъ своей среды одну четвертую часть пословъ и депутатовъ для общаго государственнаго сейма. Государь императоръ назначаетъ изъ оныхъ половину.

РАЗРЯДЪ III.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ ОБЩІЯ КАСАЮЩІЯСЯ КАКЪ ДО ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ОБЩИХЪ, ТАКЪ И ДО ЧАСТНЫХЪ СЕЙМОВЪ.

126. Право созвать, распустить, отсрочить и продлить сеймы какъ обыкновенные, такъ и чрез-

вычайные, принадлежитъ одному государю. Засѣданіе сеймовъ продолжается тридцать дней.

127. Сеймы должны заниматься токмо тѣми предметами, кои завѣдыванію ихъ представлены или находятся означенными въ созывной грамотѣ.

128. Никто изъ членовъ сеймовъ во время продолженія оныхъ не можетъ быть ни задержанъ, ни судимъ уголовнымъ судомъ безъ вѣдома той палаты, которой онъ принадлежитъ.

129. Отъ воли государя зависитъ взносить проэкты первоначально въ Сенатъ или въ посольскую палату. Изъ сего исключаются проэкты законовъ финансовыхъ, которые имѣютъ быть предварительно взносимы въ палату земскихъ пословъ.

130. Проэкты по высочайшей волѣ, взносимые на сеймъ, не почитаются ни одобренными ею, ни утвержденными; почему и предоставляется сеймамъ полная свобода на счетъ оныхъ излагать свое мнѣніе.

131. Обѣ палаты сеймовъ разсуждаютъ въ засѣданіяхъ своихъ при открытыхъ дверяхъ, т. е. въ присутствіи посторонныхъ, коимъ входъ не возбраняется. По предложенію однакожъ десятой части наличныхъ членовъ, они могутъ составить изъ себя особенный комитетъ.

132. Проэкты во всѣхъ сеймахъ принимаются или отвергаются большинствомъ голосовъ. Голоса объявляются вслухъ. Проэкты — большинствомъ голосовъ принятые въ одной палатѣ, поступаютъ въ другую, которая, послѣдуя тѣмъ же правиламъ, разсуждаетъ и рѣшитъ. Въ случаѣ равенства голосовъ проэктъ почитается принятымъ.

133. Проэктъ принятый одною палатою, не можетъ быть преобразованъ другою. Онъ долженъ быть просто принятъ или отвергнутъ.

134. Проэктъ принятый обѣими палатами, подносится на утвержденіе государю.

135. Ежели государь утверждаетъ его, то онъ обращается въ законъ и обнародывается по учрежденному порядку. Ежели же государь не соблаговолитъ его утвердить, то проэктъ уничтожается.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О сенатѣ.

136. Сенатъ составляется изъ великихъ князей императорскаго дома и всѣхъ особъ, кои удовлетворивъ требуемымъ условіямъ, возведены на сенаторское достоинство государемъ. Званіе сенатора сохраняется по смерть.

137. Число сенаторовъ опредѣляется государемъ. Оно не должно превосходить четвертой доли числа земскихъ пословъ и депутатовъ всего государства.

138. Сенатъ раздѣляется на нѣсколько департаментовъ, изъ коихъ одинъ присутствуетъ въ С. Петербургѣ, а другой въ Москвѣ. Сверхъ сего назначается для каждаго намѣстничества по одному департаменту, присутствующему въ главномъ мѣстопребываніи намѣстническаго начальства.

139. На достоинство сенатора можетъ быть возведенъ токмо тотъ, который имѣетъ не менѣе 35 лѣтъ отъ роду, выдержалъ въ нижнихъ чинахъ предписанныя испытанія, отправлялъ съ похвалою должности по части военной и гражданской и получаетъ ежегодного дохода съ недвижимаго имѣнія собственно ему принадлежащаго, не менѣе 1,000 руб. серебряною монетою. Изъ сего правила по необходимости исключаются первоначальныя назначенія, имѣющія послѣдовать въ силу сей грамоты.

140. Великіе князья императорскаго дома, по

совершеніи 18 лѣтъ, засѣдаютъ въ сенатѣ и имѣютъ голосъ.

141. Сенатъ во время сейма образуетъ высшую палату и содѣйствуетъ купно съ посольскою палатою законодательной власти государя.

142. Каждый департаментъ сената состоитъ подъ предсѣдательствомъ того изъ своихъ членовъ, котораго государь на то изберетъ; въ отсутствіи же онаго подъ предсѣдательствомъ старшаго члена.

143. Независимо отъ законодательныхъ дѣйствій, Сенатъ имѣетъ еще и другія обязанности, особенно опредѣленныя.

144. Къ законодательнымъ дѣйствіямъ Сенатъ не иначе приступить можетъ, какъ по созыву отъ лица государя и во время Сейма. Для совершенія же всѣхъ прочихъ обязанностей, каждый департаментъ сената созывается своимъ президентомъ съ вѣдома государева намѣстника.

145. Сенатскій департаментъ присутствующій въ С. Петербургѣ, къ коему смотря по нуждѣ присоединяются и другіе сенаторы, государемъ призванные, опредѣляетъ по предложенію государя или по жалобамъ сеймовъ, государемъ допущенныхъ, о преданіи суду сенаторовъ, министровъ, начальниковъ управленія, намѣстниковъ, членовъ общаго собранія государственнаго совѣта и членовъ правительнаго совѣта или комитета министровъ, директоровъ департаментовъ, государственныхъ докладчиковъ или статсъ-секретарей, за злоупотребленіе въ отправленіи ихъ должностей и всякія дѣйствія подвергающія отвѣтственности.

146. Каждый сенатскій департаментъ окончательно рѣшитъ въ каждомъ намѣстничествѣ по всѣмъ дѣламъ, касающимся до дворянскихъ собраній и собраній окружныхъ городскихъ обществъ.

вслѣдствіе чего повѣряетъ свидѣтельство о дворянствѣ, право къ засѣданію въ собраніяхъ и разрѣшаетъ всѣ затрудненія относительно сихъ предметовъ.

147. Сенаторы избранные государемъ исправляютъ сверхъ сего по очереди должность судей въ верховныхъ судахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О палатахъ земскихъ пословъ.

РАЗРЯДЪ I.

О ПОСОЛЬСКИХЪ ПАЛАТАХЪ НАМѢСТНИЧЕСКИХЪ СЕЙМОВЪ.

148. Палата намѣстническаго сейма составляется по назначенію государя изъ двухъ третей пословъ и депутатовъ, избранныхъ уѣздными дворянскими собраніями и гражданскими обществами, какъ сказано выше въ ст. 102.

149. Половинное число членовъ посольской палаты намѣстническаго сейма, возобновляется при каждомъ новомъ сеймѣ. Вслѣдствіе чего и единственно на первый разъ, члены выходятъ по жребію. Такимъ образомъ одна половина остается въ званіи своемъ три года, а другая шесть лѣтъ. Члены вышедшіе по жребію могутъ быть вновь избраны.

150. На послѣдующихъ сеймахъ намѣстничествъ, члены выходятъ уже не по жребію, но по старшинству. Члены вышедшіе могутъ быть вторично избраны.

151. Тоже самое что изображено въ предыдущихъ двухъ статьяхъ, наблюдается и въ палатахъ столичныхъ сеймовъ.

РАЗРЯДЪ II.

О ПОСОЛЬСКОЙ ПАЛАТѢ ОБЩАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО СЕЙМА.

152. Посольская палата общаго государственнаго сейма составляется, какъ выше сказано въ ст. 114, по назначенію государя изъ числа избранныхъ на сеймахъ намѣстничествъ, пословъ и депутатовъ.

153. Половинное число членовъ общаго государственнаго сейма возобновляется при каждомъ новомъ сеймѣ. Вслѣдствіе чего и единственно на первый разъ, члены выходятъ по жребію. Такимъ образомъ одна половина пословъ и депутатовъ остается въ званіи своемъ пять, а другая десять лѣтъ. Вышедшіе члены могутъ быть вновь избираемы.

154. На послѣдующихъ общихъ государственныхъ сеймахъ члены палаты выходятъ уже не по жребію а по старшинству.

РАЗРЯДЪ III.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ОБЩІЯ ВСѢМЪ ПОСОЛЬСКИМЪ ПАЛАТАМЪ.

155. Въ члены посольской палаты можетъ быть избранъ токмо тотъ, которому исполнилось уже 30 лѣтъ, кто пользуется правами гражданина и платитъ поземельныя и всякія другія подати не менѣе той суммы, которая во всякой намѣстнической области будетъ для сего опредѣлена, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ и народонаселенію.

156. Никакой чиновникъ ни военный, ни гражданскій не можетъ быть избираемъ въ члены посольской палаты, не получивъ предварительнаго на то согласія отъ своего начальства.

157. Если кто изъ пословъ и депутатовъ до избранія своего не находился при должности на

казенномъ жалованьѣ и приметъ оную уже по избраніи, то таковой долженъ быть замѣщенъ новымъ членомъ.

158. Государь или вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія его намѣстникъ имѣетъ право распустить посольскія палаты. Въ такомъ случаѣ палаты расходятся и по послѣдовавшимъ созывамъ приступаютъ къ новымъ выборамъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

О дворянскихъ собраніяхъ или сеймикахъ.

159. Дворяне каждаго уѣзда, владѣющіе собственными недвижимыми имѣніями, составляютъ между собою дворянскія собранія, на которыхъ избираютъ трехъ земскихъ пословъ. Послѣ чего приступаютъ къ другимъ выборамъ, особенными учреждеиіями имъ представленнымъ.

160. Дворянскія собранія не иначе съѣзжаться могутъ, какъ въ силу созыва, по высочайшей волѣ послѣдовавшаго. Въ семъ созывѣ означается день съѣзда, время продолженія собранія и предметъ его занятій.

161. Никто изъ дворянъ не можетъ имѣть голоса въ дворянскомъ собраніи, буде не записанъ въ дворянскую книгу своего уѣзда, не пользуется правами гражданина, не достигъ 25 лѣтъ и не владѣетъ недвижимымъ имѣніемъ.

162. Книга уѣздныхъ дворянъ составляется по учрежденному и впредь учредиться имѣющемуся порядку и взносится на разсмотрѣніе и утвержденіе сенатскаго департамента, присутствующаго въ мѣстопребываніи намѣстническаго начальства.

163. Дворянскія собранія или сеймики составляютъ изъ среды своей особенный комитетъ для сочиненія наказа, заключающаго въ себѣ жалобы,

ежели бы встрѣтиться могло, на злоупотребленіе власти, съ присовокупленіемъ явныхъ оному доводовъ и представленій о всемъ, что къ увеличенію благосостоянія всѣхъ жителей того уѣзда служить можетъ. Сей наказъ подписывается членами собранія, вкладывается въ пакетъ за разными печатьми, написывается на имя сейма намѣстничества и вручается избраннымъ земскимъ посламъ. Они въ полномъ присутствіи отдаютъ его предводителю сейма, который въ полученіи расписывается и за цѣлость онаго отвѣчаетъ. Подлинники тѣхъ наказовъ сохраняются при дѣлахъ дворянскаго собранія.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

О собраніи окружныхъ градскихъ обществъ.

165. Градскія общества, которыя въ силу городоваго положенія собираются каждые три года для учиненія выборовъ и представленія губернатору о своихъ нуждахъ и пользахъ, имѣютъ составить окружное градское общество на основаніи какъ нижеслѣдующихъ статей, такъ и образовательнаго учрежденія, для выбора отъ окружнаго общества трехъ депутатовъ на сеймъ.

166. Къ выбору депутатовъ отъ окружнаго градскаго общества допускаются: 1) Настоящіе обыватели города, имѣющіе въ немъ дома или иныя строенія, мѣсто или земли, равно какъ и обыватели не изъ дворянъ, жительствующіе внѣ города, но въ томъ же уѣздѣ къ которому городъ принадлежитъ, и имѣющіе въ семъ уѣздѣ домъ или другую недвижимую собственность. 2) Всѣ состоянія извѣстныя подъ именемъ именитыхъ гражданъ, какъ то: ученые, имѣющіе академическіе или университетскіе аттестаты, художники трехъ главныхъ художествъ, архитектуры, скульптуры и живописи, банкиры,

капиталисты и кораблехозяева. 3) Купцы первыхъ двухъ гильдій и 4) цѣховые мастера.

167. Всѣ Евреи не исключая и тѣхъ, кои записаны въ гильдіи или имѣютъ недвижимую собственность, участія въ собраніяхъ окружныхъ градскихъ обществъ не имѣютъ.

168. Въ городахъ, въ коихъ числится болѣе 8,000 жителей, исключая столицъ, составляются для выбора депутатовъ на сеймъ собранія градскаго общества въ каждой части города, къ которымъ допускаются обыватели всѣхъ означенныхъ въ ст. 166 состояній, жительствующіе въ той части города. Въ сихъ частныхъ собраніяхъ выбираются три гласные назначаемые въ общее градское собраніе. Общее собраніе составленное изъ всѣхъ гласныхъ, выбранныхъ въ собраніяхъ, по городскимъ частямъ производившихся, приступитъ къ выбору трехъ депутатовъ на сеймъ. За симъ совершаются отъ онаго всѣ прочія дѣлопроизводства, въ силу особенныхъ постановленій, ему предоставленныхъ.

169. Въ городахъ, въ которыхъ числится не болѣе 8,000 жителей и менѣе сего, градское общество приступаетъ безъ посредства гласныхъ къ выбору трехъ депутатовъ на сеймъ, на основаніи ст. 166.

170. Въ столицахъ же въ С. Петербургѣ и Москвѣ, составляется собраніе градскаго окружнаго общества по частямъ, и отъ каждой городской части назначается по одному депутату на сеймъ.

171. Въ собраніи градскаго общества имѣетъ голосъ токмо тотъ, кто записанъ въ градскую обывательскую книгу, пользуется гражданскими правами и имѣетъ не менѣе 25 лѣтъ отъ роду.

178. Книга обывательская, содержащая имена лицъ, имѣющихъ право подавать голосъ въ собраніяхъ городскаго окружнаго общества, составляется

учрежденнымъ порядкомъ въ городскихъ думахъ или магистратахъ и представляется въ сенатскій департаментъ на утвержденіе.

173. Въ окружныхъ городскихъ собраніяхъ председательствуетъ городскій окружный голова, назначенный отъ государя императора или отъ того начальства, которому сіе назначеніе высочайшею волею поручено будетъ.

174. Окружныя городскія общества составляютъ изъ среды своей особенные комитеты для сочиненія наказовъ, заключающихъ въ себѣ, ежели бы встрѣтиться могло, жалобы на отягощеніе и злоупотребленіе власти, основанныя на ясныхъ доказательствахъ, и представленія о пользахъ и нуждахъ всѣхъ состояній окружнаго градскаго общества. Сіи наказы вручаются депутатамъ запечатанные, а отъ нихъ представляются какъ сказано выше въ ст. 164 о сеймахъ или дворянскихъ собраніяхъ.

ГЛАВА V.

О судебной власти.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О судахъ вообще.

175. Суды и лица носящіе званіе судей, въ отправленіи обязанности на нихъ возложенной, дѣйствуютъ по законамъ и независимо ни отъ какой власти.

176. Но поелику дѣйствіе судовъ должно быть основано на точной силѣ законовъ, то всякое отступленіе отъ словъ закона и самопроизвольное толкованіе оныхъ, равно какъ и каждое злоупотребленіе судейской власти и выступленіе изъ предѣловъ ей предписанныхъ, подвергаютъ отвѣтственности и взысканіямъ.

177. Суды составляются изъ судей, опредѣленныхъ государемъ, согласно съ предписанными правилами о испытаніи, и изъ судей выбранныхъ, согласно съ существующими по сему предмету особенными постановленіями.

178. Судья не иначе отъ должности отрѣшается, какъ за противузаконный поступокъ и вслѣдствіе производившагося надъ нимъ законнымъ порядкомъ суда. Случаи удаленія отъ должности будутъ опредѣлены въ учрежденіи о судахъ.

179. Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ должности, равно какъ и отвращеніе всѣхъ злоупотребленій по судебнымъ мѣстамъ, подлежитъ вѣдомству верховныхъ судовъ и министерства юстиціи.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О верховныхъ судахъ.

РАЗРЯДЪ I.

О ВЕРХОВНОМЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СУДѢ.

180. Учреждается верховный государственный судъ, составленный изъ предсѣдателя, сенаторовъ и другихъ особъ, засѣдающихъ въ ономъ по назначенію государя императора.

181. При семъ верховномъ государственномъ судѣ опредѣляется генералъ-прокуроръ, въ качествѣ государственнаго преслѣдователя за преступленія.

182. Вѣдомству верховнаго государственнаго суда подлежатъ изслѣдованіе и наказаніе за всѣ преступленія въ оскорбленіи величества, за преступленія противу государства и всѣ противу-законные поступки высшихъ чиновниковъ, коихъ преданіе суду зависитъ отъ Сената, въ силу ст. 145, и отъ общаго собранія государственнаго совѣта, въ силу ст. 42.

183. Верховный государственный судъ имѣетъ

присутствовать въ столичномъ городѣ С. Петербургѣ, буде не послѣдуетъ высочайшаго повелѣнія созвать его въ другомъ мѣстѣ.

184. Приговоры верховнаго государственнаго суда суть окончательные, но исполненіе по нимъ не чинится безъ высочайшаго утвержденія.

РАЗРЯДЪ II.

О ВЕРХОВНОМЪ СУДѢ НАМѢСТНИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ.

185. Въ каждомъ намѣстничествѣ, въ мѣстѣ пребыванія намѣстническаго совѣта, учреждается верховный судъ намѣстнической области. Оный составляется изъ извѣстнаго числа сенаторовъ назначенныхъ государемъ для засѣданія въ ономъ по очереди, и изъ непремѣнныхъ судей, поступающихъ въ оный изъ предсѣдателей апеляціонныхъ судовъ.

186. Вѣдомству верховнаго суда подлежатъ всѣ судебныя дѣла гражданскія, уголовныя и слѣдственныя, переносимыя въ оный изъ гражданскихъ и уголовныхъ палатъ и другихъ нисшихъ судебныхъ мѣстъ намѣстнической области, за исключеніемъ тѣхъ дѣлъ, кои подлежатъ разбирательству верховнаго государственнаго суда.

187. Рѣшенія и приговоры верховнаго суда намѣстнической области окончательны, исключая въ дѣлахъ, касающихся преступленій противъ императорскаго величества и государства, которые отсылаются на разсмотрѣніе въ верховный государственный судъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Объ апеляціонныхъ и низшихъ судахъ.

188. Апеляціонные суды по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ (палата уголовныхъ дѣлъ и палата

гражданскихъ дѣлъ и надворные суды въ столицахъ); суды первой инстанціи по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ (уѣздные суды и городовые магистраты); коммерческіе, совѣстные и мировые суды, равно какъ и другіе суды, въ коихъ окажется надобность, будутъ устроены особыми постановленіями сообразно съ государственною уставною грамотою.

ГЛАВА VI.

Общія постановленія.

189. Дополнительныя объясненія къ государственной уставной грамотѣ и къ законнымъ основаніямъ въ ней содержащимся, изложены будутъ въ образовательныхъ учрежденіяхъ и въ частныхъ установленіяхъ.

190. Послѣдующіе указы назначатъ губерніи и области, которыя имѣютъ быть соединены въ намѣстничества и пользоваться политическими правами, въ народномъ представительствѣ заключающимися.

191. Всѣ прежніе законы, указы и уставы, противные сей грамотѣ, отмѣняются.

Убѣдившись въ совѣсти, что вышеизложенныя коренныя постановленія соотвѣтствуютъ отеческимъ нашимъ желаніямъ утвердить благосостояніе и спокойствіе любезныхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, основать неприкосновенность ихъ лицъ и собственности и охранить ненарушимость ихъ правъ гражданскихъ и политическихъ, мы жалуемъ имъ сію уставную грамоту, которую признаемъ за себя и преемникомъ нашимъ кореннымъ и уставнымъ закономъ нашего государства, предоставляя себѣ оную дополнять. Повелѣваемъ всѣмъ государственнымъ властямъ содѣйствовать ея исполненію.

Конецъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ М. ЛУНИНА.

(Переводъ съ французскаго.)

I.

ШЕФУ ЖАНДАРМОВЪ, 1839, 15/27 СЕНТЯБРЯ.

Ваше Сіятельство,

По свойству моихъ сношеній съ сестрой, мнѣ иногда приходится въ письмахъ своихъ касаться вопросовъ, съ виду неимѣющихъ прямой связи съ моимъ теперишнимъ положеніемъ. У нея нѣтъ въ мірѣ инаго друга кромѣ меня, который бы навелъ ее на правду и подалъ должную помощь при затрудненіяхъ, происходящихъ отъ разстроеннаго состоянія, отъ наслѣдственныхъ тяжебъ и отъ освобожденія ея крестьянъ. Въ отвѣтъ на многократные вопросы, я долженъ былъ войти въ объясненія отечественныхъ постановленій, представить вкратцѣ движеніе образованности, истолковать законы, на которыхъ основывается ея право, указать на злоупотребленія и лихоимства, которыми покажена сила тѣхъ законовъ и вызваны, со стороны того же судебнаго мѣста, въ томъ же дѣлѣ, два противорѣчащихъ рѣшенія, какъ это она испытала на опытѣ. Мнѣ стоило усилій отвлечь свою мысль отъ занятій, составляющихъ мое утѣшеніе въ изгнаніи, и обратить ее на мірскія треволненія. Но я думалъ тѣмъ исполнить долгъ передъ сестрою, которая, въ продолженіе моего десятилѣтняго заключенія, не переставала писать ко мнѣ каждую недѣлю, даже безъ надежды получить отъ меня отвѣтъ.

Соболѣзнуя глубоко о приказаніи прекратить мнѣ переписку, и желая впередъ избѣжать этого несчастія, я беру смѣлость обратиться къ Вашему Сіятельству въ просьбою, чтобъ благоволили предписать начальствамъ, коимъ поручена передача моихъ писемъ, просматривать ихъ предварительно, и исправлять или уничтожать тѣ изъ нихъ, которыя окажутся неудобосообщаемыми, вопреки всѣмъ предосторожностямъ при изложеніи моихъ мыслей.

Такимъ образомъ я не подвергался бы тяжелой отвѣтственности за невольныя отклоненія, или за неумѣстную искренность; а послѣдствія строгой мѣры не падали бы на невиннаго, и моя сестра не оставалась бы безъ существенной для нея помощи и утѣшенія. Испрашивая для своихъ семейныхъ писемъ ценсуры, какой подлежатъ у насъ сочиненія, назначаемыя къ печати, я полагаю, что тѣмъ не отклоняюсь отъ законовъ справедливости и разума.

Имѣю честь быть, и пр.

II.

ССЫЛКА, 15/27 СЕНТЯБРЯ, 1839.

Сестрица, воспрещеніе мнѣ переписываться имѣло неблагопріятныя послѣдствія для хода вашихъ дѣлъ; почему я считаю обязанностью пояснить побудительныя причины моихъ дѣйствій и тѣ обстоятельства, которыя разорвали между нами послѣднюю связь въ этомъ мірѣ. Я былъ вынужденъ касатья важныхъ предметовъ, по поводу вашихъ наслѣдственныхъ тяжебъ и освобожденія крестьянъ. Въ первомъ случаѣ я исполнялъ долгъ передъ вами, во второмъ — долгъ передъ человѣчествомъ. Не взирая на откровенность моей рѣчи, я всегда старался соблюдать законы строгаго приличія, и не

упускалъ случая, когда, по моему душевному убѣжденію, могъ принести дань уваженія за дѣйствія власти. Моя похвала, въ себѣ самой незначительная, имѣтъ однако нѣкоторую цѣну, если вспомнить, что она одна, можетъ быть, совершенно безкорыстна. Пусть мнѣ укажутъ на законъ, воспрещающій излагатъ въ частныхъ письмахъ политическіе вопросы. Его нѣтъ въ нашемъ сводѣ. Да онъ и не найдется ни въ какомъ законодательствѣ; политика таится въ глубинѣ всѣхъ нравственныхъ, научныхъ и литературныхъ вопросовъ; а потому, такой законъ равнялся бы запрещенію мыслить.

Заблужденіе свойственно всѣмъ людямъ. Можно ошибаться безъ малѣйшаго личнаго разсчета — въ изгнаніи, какъ и въ высшихъ общественныхъ сферахъ. Приведемъ положительныя свидѣтельства. Я намекалъ, что медленность нашихъ успѣховъ на Кавказѣ происходила отъ людей старой школы: какъ скоро новые люди показались въ рядахъ арміи, мы тотчасъ подвинулись впередъ. Я подвергъ разбору министерство просвѣщенія въ концѣ прошлаго года; въ началѣ нынѣшняго, университетъ Св. Владиміра былъ временно закрытъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, приняты ограничительныя мѣры для Дерптскаго. Я упомянулъ о министерствѣ государственныхъ имуществъ, которое уже...и проч.

Я не случайно предвидѣлъ эти событія: онѣ скорѣе указываютъ на то, что была же доля правды въ сущности мыслей, которыя выразилъ я въ своихъ письмахъ. Но у меня нѣтъ намѣренія оправдываться. — Я напротивъ, желалъ бы изъявить глубокое, сожалѣніе о томъ, что своей искренностію, въ виду вашего блага, вызвалъ строгости властвующихъ, къ которымъ питаю искреннее уваженіе. — Вашъ любящій братъ...

III.

Carissima Soror*), чистая прибыль отъ моей земледѣльческой дѣятельности прошлаго года доходитъ до рубля, не считая озимной ржи, которая подаетъ большія надежды. Благодареніе Богу, есть чѣмъ жить. Это первый годъ моего поселенія, и говоря вообще, неурожайный годъ. Моей дѣятельности мѣшаютъ задержка денегъ, запрещеніе ѣздить и опасенія, которыя я внушаю властямъ. Но съ другой стороны, я избавленъ отъ податей и барщины. Одно вознаграждается другимъ. По правдѣ сказать, главная помѣха — это мои книжныя

---

*) Слѣдующія письма изъ ссылки, обративъ на себя вниманіе правительства, вызвали предписаніе прекратить переписку въ продолженіе цѣлаго года. Запрещеніе выражать мысли свидѣтельствуетъ объ ихъ значеніи и о той боязни, которую вообще внушаетъ людямъ первая встрѣча съ истиной, прежде чѣмъ они поймутъ ее и полюбятъ. Моя цѣль была указать на жизненные вопросы общества и на то, какъ необходимо разрѣшить эти вопросы, доселѣ отстраненые и остающіеся въ тѣни, въ то самое время, когда дѣла второстепенной важности и мелочные предметы занимаютъ умы. Такая задача не безъ пользы въ переходную эпоху, при отсутствіи основъ для разумной оппозиціи и печатнаго слова, безмолвнаго въ дѣлѣ истины, служащаго лишь къ выраженію бездушной лести. Дымъ ладона, окружающій правительство, создаетъ призраки, которые, своими фантастическими образами, вводятъ въ заблужденіе всѣ патріи. Въ теченіе десятилѣтняго заключенія, я не переставалъ размышлять о пользахъ отечества. Мои уединенные досуги были посвящены на руководство людей, исказившихъ мои намѣренія. Я снова поднялъ вопросы въ своемъ изгнаніи, какъ скоро обстоятельства сдѣлали это возможнымъ. Многія изъ моихъ писемъ, пересланныхъ черезъ канцелярію е. в., ходятъ уже по рукамъ. Послѣднее желаніе изгнаннаго Ѳемистокла было, чтобъ его бренные остатки перенесли и зарыли въ родную землю; мое послѣднее желаніе, посреди сибирскихъ пустынь, чтобъ мои политическія убѣжденія, во сколько онѣ согласны съ истиной, распространились и утвердились въ умѣ моихъ согражданъ. Прим. автора.

занятія. Платонъ и Иродотъ, не очень то ладятъ съ плугомъ и бороною. Вмѣсто того, чтобъ надсматривать надъ работниками въ полѣ, я забавляюсь смотромъ своихъ книженокъ. Впрочемъ, много уже совершено въ 18 мѣсяцевъ. Невоздѣланная, болотистая земля, покрытая терновникомъ и верескомъ, теперь поднята, обработана, огорожена, превращена въ луга и въ нивы. У меня есть англійскій садъ для прогулки, швейцарская хижина съ пастбищами вокругъ, и огородъ, доставляющій годовой запасъ овощей. Сверхъ того, есть и красивый эрмитажъ, гдѣ запоздалый путникъ можетъ найдти пристанище, бѣднякъ — кусокъ хлѣба, а разбойникъ сопротивленіе. Мнѣ весело сообщать вамъ такія подробности, потому что это скорѣй ваше созданіе чѣмъ мое. Вы доставили къ тому средства, а я употребилъ только не большое стараніе. Мнѣ остается познакомить васъ съ моими домочадцами: Васильичемъ, его женой и четырьмя дѣтьми. Бѣдняжкѣ Васильичу 70 лѣтъ; но онъ силенъ, веселаго нрава, исполненъ рвенія и дѣятеленъ. Его жизнь была такая же бурная, какъ и моя, только въ другомъ родѣ. Сначала его отдали въ приданое, потомъ заложили въ ломбардъ и въ банкъ. По выкупѣ изъ обоихъ, онъ былъ проигранъ въ щелкушку (bilboquet), за тѣмъ промѣнянъ на борзую собаку, и наконецъ проданъ съ аукціона вмѣстѣ со скотомъ и разной рухлядью на нижегородской ярмаркѣ. Послѣдній баринъ, разсердясь за что-то, сослалъ его безъ дальнаго суда на поселеніе. Жизнь и дѣятельность Васильича въ продолженіе этихъ безпрестанныхъ измѣненій, подернуты завѣсой, которую было нескромно раскрыть. Прочитавъ гдѣ-то, что причиной моей ссылки было какое-то задуманное преступленіе, которое могло бы исполниться,

и намѣреніе издать книги, которыя могли бы быть написаны, онъ слѣдуетъ примѣру моихъ скромныхъ судей и старательно избѣгаетъ разспросовъ объ этомъ предметѣ. Мы совершенно понимаемъ другъ друга, не смотря на нѣкоторое различіе въ привычкахъ и наклонностяхъ. Въ эти два года, какъ судьба сблизила насъ въ сибирскихъ пустыняхъ, ни малѣйшее облако не затмило нашего взаимнаго согласія. Жена его смирная женщина, занятая лишь кухней, стиркою бѣлья, да уходомъ за крикливыми дѣтьми. Въ допольненіе картины, упомяну еще о бѣлой лошади, которая цвѣтомъ шерсти, напоминаетъ красиваго коня, убитаго подо мной въ сраженіи подъ Можайскомъ, да о шести собакахъ, съ пѣной у рта, заступающихъ мѣсто коноводовъ псарни. Мое теперешнее положеніе, съ такими слабыми товарищами, въ мѣстности, наполненной разбойниками, по сущности тоже, въ какомъ находился Алкивіадъ въ своемъ Виѳинскомъ изгнаніи. У меня есть предчувствіе, что одинакій родъ смерти дополнитъ схорство съ этимъ удивительнымъ человѣкомъ.

IV.

С. S. Въ послѣднее время мои занятія обращены были на историческій обзоръ кодификаціи русскихъ законовъ, составленный по подлиннымъ актамъ, хранящимся въ архивѣ II отдѣленія собственной канцеляріи императора. Въ первой части этого труда встрѣчаются замѣчательныя признанія. Въ 1700 наше законодательство состояло изъ весьма не полнаго Уложенія и изъ огромнаго числа указовъ, не рѣдко розногласныхъ и по большей части явно противурѣчащихъ духу самаго Уложенія. Въ юриспруденціи не было связи, ни единства, что́ запутывало и самое примѣненіе законовъ (стр. 10).

Съ того времени, десять коммиссій, одна за другою, назначенныя для исправленія этихъ недостатковъ, ровно ничего не сдѣлали въ продолженіе 126 лѣтъ, столько вслѣдствіе дурнаго устройства, сколько и по неспособности ихъ членовъ (стр. 10 и слѣд.). Такимъ образомъ въ 1826 году русская земля находилась относительно законодательства точно въ такомъ же положеніи, какъ и въ 1700. Вотъ правда, и можетъ быть не вся правда. Но къ чему ее высказывать? Никто того не требовалъ. Истина, какъ и заблужденія, имѣетъ свою строгую послѣдовательность. Такъ какъ правительство не умѣло, въ продолженіе столѣтія слишкомъ, удовлетворить самымъ безотлагательнымъ нуждамъ народа, управляемые по неволѣ должны были прибѣгнуть къ собственнымъ средствамъ, чтобъ достичь цѣли. Ни въ какомъ случаѣ нельзя ихъ обвинять въ нетерпѣніи и поспѣшности. Правительство, дѣлая безъ надобности такія признанія, защищаетъ косвенно дѣло тайнаго общества, которое уже нашло вооруженныхъ защитниковъ справедливости своихъ мнѣній относительно Польскаго вопроса. Вторая часть обзора не чисто историческаго содержанія. Она заключаетъ въ себѣ родъ диссертаціи объ основныхъ началахъ кодификаціи, судопроизводства, правовѣденія и пр. Посреди этой ученой выставки является канцлеръ Бэконъ, къ которому редакторы имѣютъ по видимому, непреложную вѣру. Не только переводъ но и отрывки самаго подлинника, не взирая на плохую латынъ канцлера, приводятся въ книгѣ. Выборъ извлеченій замѣчателенъ; напримѣръ: Бэконъ говоритъ, что слѣдуетъ исключить изъ кодекса отмѣненные законы; что не слѣдуетъ повторяться, необходимо сокращать то, что́ растянуто, и т. д. (стр. 102 и

слѣдъ). Спрашиваю васъ, да развѣ это не было тысячу разъ сказано прежде и послѣ Бэкона? Его авторитетъ приводится даже и тамъ, гдѣ отъ него отклоняются. Канцлеръ требуетъ, чтобъ изъ законовъ, другъ другу противорѣчащихъ, былъ выбранъ лучшій; мы же выбираемъ позднѣйшій, не разбирая, лучшій ли онъ (стр. 106). Предѣлы письма не позволяютъ мнѣ заняться опроверженіемъ органической части обзора, въ которой редакторы стараются доказать, что мы ничего не заимствовали у иностранцевъ, что все наше законодательство имѣетъ источникомъ народные обычаи и опытность (стр. 82). Они, по видимому, не знаютъ, что почти всѣ наши обычаи переняты, что наша опытность тоже чужая, что наконецъ истина не изобрѣтается, а передается однимъ народомъ другому, какъ величавое свидѣтельство ихъ общаго начала и судебъ. Словомъ, эта книга — низкая дверь къ обширному зданію. Надо нагнуться, чтобъ войдти.

V.

C. S. Я сдѣлалъ прогулку по берегу Ангары, съ сосланной, которой имя уже внесено въ отечественныя лѣтописи. Ея сынъ бѣжалъ впереди насъ, срывалъ цвѣты и, возвращаясь, отдавалъ матери. Когда мы прошли часть лѣса, постепенно поднимаясь въ гору, намъ вдругъ представилось обширное пространство, замыкаемое на западъ синеватыми горами и перерѣзанное на все протяженіе рѣкою, которая казалась серебряннымъ змѣемъ, лежавшимъ у нашихъ ногъ. *Его* невидимыя совершенства сдѣлались видимыми чрезъ пониманіе, которое даютъ о немъ его творенія. Но величественное зрѣлище природы было только обстановкой для той, съ кѣмъ я прогуливался. Она осущест-

вляла мысль апостола и своей личной граціей, и нравственной красотою своего характера. Уставъ отъ долгаго пути между кустарникомъ, она прилегла на траву, чтобъ собраться съ силами. Разговоръ зашелъ о смерти, съ которой свыкалась мысль людей, проживших бурно. На пути домой, мы замѣтили между деревьями бѣдную женщину, съ мѣшкомъ подъ мышкой, искавшую набрать корней. На что этотъ корень? спросилъ я. „Дѣти будутъ пить вмѣсто чаю", отвѣчала она. Ее избавили отъ труда. Встрѣча съ сосланной въ лѣсу доставила помощь ея семейству, какъ встрѣча ангела въ пустынѣ доставила Агари воду для ея сына.

VI.

C. S. Моя жизнь проходитъ попеременно между видимыми существами, которыя меня не понимаютъ, и существомъ невидимымъ, котораго я не понимаю. Египетскій мракъ скрываетъ его отъ моихъ глазъ; но я угадываю его красоту. Я слышалъ шелестъ его крыльевъ въ ту минуту, какъ убійственный свинецъ притупился въ моемъ тѣлѣ; я провидѣлъ отблескъ его взора, когда остріе меча отклонилось отъ моей головы. Кто сопутствовалъ мнѣ на дно темницъ? Кто облегчилъ тяжесть моихъ цѣпей и изцѣлилъ мои раны? Невидимое существо, бодрствующее надъ моей судьбою. Въ ожиданіи, когда явится передо мной послѣ моей смерти, оно окружаетъ меня знаками своего присутствія. Хижина въ изгнаніи имѣетъ для меня всю прелесть родительскаго крова; я спокоенъ посреди опасностей, независимъ въ неволѣ, счастливъ въ уединеніи. Теперь я истинно сознаю, что господь низпослалъ своего ангела, что онъ освободилъ меня отъ рукъ Ирода и отъ всѣхъ преслѣдованій народа Израильскаго.

VII.

C. S. По мѣрѣ того, какъ идеи зрѣютъ въ народѣ, его вниманіе естественно обратится къ исторіи тайнаго общества. Общественное мнѣніе развивается быстро, когда надъ нимъ лишь надзираютъ, не направляя его. Скоро придется воспретить косвенную похвалу, какъ для виду было воспрещено порицаніе, о которомъ никто не думалъ. Это естественный ходъ въ политикѣ. Когда вопросъ не разрѣшенъ, а только замятъ или обойденъ, то онъ всплываетъ опять, порождая неожиданныя затрудненія, въ началѣ вовсе несуществовавшія. Внушите своимъ сыновьямъ, чтобъ избѣгали споровъ объ этомъ предметѣ; особенно, чтобъ не было рѣчи обо мнѣ въ ихъ разговорахъ: молчаніе единственный отвѣтъ, приличный суду гроба. Политика такая же спеціальность, какъ и медицина. Безполезно вмѣшиваться въ нее безъ призванія, нелѣпо увлекаться ею. Послѣ лекаря противъ воли, нѣтъ ничего смѣшнѣе какъ политикъ противъ воли. Между нами есть такіе. Не зная, за что́ приняться, они разыгрываютъ раскаянье. Какъ будто можно допустить раскаянье въ наукѣ! Люди раскаяваются въ порокѣ, недостаткѣ, слабости, а не въ идеѣ, которую стоитъ исправить, если доказательства достаточны. Прежде думали, что солнце вертится, пока наконецъ открыли, что вертится земля. Послѣдняя система была принята всѣми, и никому не вошло въ голову раскаяваться. Что́ касается до кающихся, о которыхъ рѣчь, они не могутъ вмѣнить себѣ въ заслугу даже перемѣну мыслей, потому что у нихъ никогда не было мысли ясной и установившейся. Я до сихъ поръ не понимаю, какъ мы могли и изъ чего искали обманывать себя

на ихъ счетъ. Это избіеніе младенцевъ. Укажемъ на другой родъ людей, на помилованныхъ по нашему дѣлу. Ихъ тактика, сшитая на живую нитку, можетъ быть опасна для неопытности. Одни берутъ на себя роль угнетенныхъ патріотовъ и возбуждаютъ къ себѣ удивленіе въ своемъ околодкѣ изданіемъ книгъ, которыхъ никто не читаетъ, и попечительствомъ надъ школами живописи. Иные, занявъ высшія мѣста, роняютъ правительство своей неспособностію, или рвеніемъ отступника, раздражающимъ умы. Эти люди вообще заслуживаютъ жалость и забвеніе. Я сорвалъ съ нихъ личины, чтобъ показать ихъ моимъ племянникамъ, подобно тому, какъ выставляли на показъ пьяныхъ илотовъ передъ спартанской молодежью.

VIII.

С. S. Я одобряю ваше намѣреніе послать старшаго сына на Кавказъ въ дѣйствительную службу. Южныя границы въ числѣ нашихъ жизненныхъ вопросовъ. Изъ глубины ссылки моя мысль переноситься часто на берега Чернаго моря и пробѣгаетъ три боевыя линіи, начерченныя русскими штыками въ странѣ, которую нѣкогда опустошалъ римскій мечь. Русскимъ, призваннымъ къ не менѣе важной роли, представлялся въ 1557 выборъ между двумя направленьями для развитія ихъ матеріальныхъ силъ: на Сѣверъ и на Югъ. Давъ предпочтеніе первому, правительство пріобрѣло прибрежье двухъ второстепенныхъ морей и мало удобнаго океана. Второе направленіе вело къ болѣе существеннымъ результатамъ. Это была мысль Адашева и Сильвестра. Ея исполненіе начало расширяться, съ полвѣка тому назадъ, постепенными завоеваньями, отодвигавшими южную границу. Каждый новый шагъ на сѣверъ

заставляетъ насъ входить въ сношенія съ европейскими державами; каждый новый шагъ на югъ заставляетъ эти державы входить въ сношенія съ нами. Въ политическомъ отношеніи взятіе Ахалцыка, важнѣе взятія Парижа. Если дѣла замедляются на Кавказѣ, то это надо приписать неспособности людей, стоявшихъ одинъ за другимъ во главѣ войска и управленія. Побѣдитель Эриванскій одинъ отдѣляется, по своимъ военнымъ способностямъ, отъ тѣхъ людей старой школы. Но недовольно еще одержать побѣду, надо огранизовать страну. А система, принятая съ этой послѣдней цѣлью, по видимому ошибочна, ибо она не удалась ни въ западныхъ равнинахъ, ни на югѣ въ горахъ. Не имѣя разумнаго основанія, она въ силахъ лишь спаять раздробленныя части. Какъ бы ни было, служба на Кавказѣ представляетъ вашему сыну случай изучить военное искуство въ его различныхъ отрасляхъ, и принять дѣятельное участіе въ дѣлѣ высокой важности для будущихъ судебъ его земли.

IX.

C. S. Мое прозвище измѣнялось во время тюремнаго заключенія и въ ссылкѣ, и при каждой перемѣнѣ становилось длиннѣе. Теперь меня прозываютъ въ оффиціальныхъ бумагахъ: *Государственный преступникъ находящійся на поселеніи.* Цѣлая фраза при моемъ имени. Въ Англіи сказали бы просто такой-то изъ оппозиціи. Вѣдь таково въ сущности мое политическое значеніе. Я не участвовалъ въ возмущеніяхъ, приличныхъ гробу, ни въ заговорахъ приличныхъ рабамъ. Мое единственное оружіе — мысль, то согласная, то въ разладѣ съ правительственнымъ ходомъ, смотря по строю, который по ней придется. Въ послѣднемъ

случаѣ не изъ чего пугаться. Оппозиція свойственна всякому политическому устройству. И при теперешнемъ порядкѣ вещей, въ Россіи есть своя оппозиція; только обнаруживаетса она поѣздками за границу, или жительствомъ въ Москвѣ, и состоитъ изъ людей, доказавшихъ свою неспособность, или наворовавшихъ на службѣ. Надѣюсь, вы меня не смѣшиваете съ этими господами, чтò-бы ни вздумали сказать, написать, или напечатать на мой счетъ. Хоть я не гоняюсь за мнѣніемъ свѣта, но по свойству нашихъ сношеній долженъ цѣнить ваше.

X.

C. S. Министерство народнаго просвѣщенія обращаетъ на себя наше вниманіе рвеніемъ, какое обнаруживаетъ оно въ различныхъ отрасляхъ своего управленія, и блистательными результатами, какіе себѣ приписываетъ въ своихъ изданіяхъ. Такъ какъ единственнымъ подтвержденіемъ его словъ служитъ число вновь устроенныхъ школъ и учащихся въ нихъ, то необходимо обратиться къ органическимъ началамъ для уразумѣнія хода современной образованности. Министерство объявляетъ, что его основной мыслію есть одновременное развитіе православія, самодержавія и народности. Но оно не сочло нужнымъ упомянуть, что эта мысль не нова. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, одинъ профессоръ Московскаго университета помѣстилъ ее въ учебной книжкѣ, для руководства въ своемъ классѣ. Ученый мужъ сдѣлалъ это спросту. Онъ философствовалъ, какъ мѣщанинъ во дворянствѣ говорилъ прозой, самъ того не подозрѣвая. Но вотъ его мысль, потонувшая въ забвеніи, вдругъ всплываетъ и обращается въ критеріумъ для министерства народнаго просвѣщенія.

Постараемся разобрать три заключающіяся въ ней начала и опредѣлить ихъ взаимныя отношенія.

Религія не даетъ предпочтенія ни самодержавію, ни иному образу правленія. Она одинаково допускаетъ всѣ формы и очищаетъ ихъ, проникая своимъ духомъ. Она стираетъ народности, какъ и всякое различіе между людьми, ибо объемлетъ весь родъ человѣческій, не отличая рабовъ отъ свободныхъ, Израиля отъ язычниковъ. Къ тому-же у религіи свои служители, которымъ исключительно ввѣрено ея распространеніе; и свѣтская власть, присвоивающая ихъ обязанность, навлекаетъ на себя наказаніе. Перейдемъ къ самодержавію. Эта политическая форма имѣетъ и свои выгоды, и неудобства. Остается доказать, почему она для Русскихъ предпочтительнѣй другихъ правленій, и всегда-ли они одинаково будутъ ее предпочитать. Народы, которые намъ предшествовали на поприщѣ образованности, начали также съ самодержавія и кончили тѣмъ, что замѣнили его конституціоннымъ правленіемъ, болѣе свойственнымъ развитію ихъ силъ и успѣхамъ просвѣщенія. Такъ какъ усилія министерства клонятся къ тому, чтобъ сравнять насъ съ этими народами, и даже превзойти ихъ, то весьма можетъ статься, что тѣже преобразованія, по тѣмъ же причинамъ, сдѣлаются необходимостію для Русскихъ. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы отложить въ сторону одно изъ основныхъ началъ образованности. Принципъ народности требуетъ поясненія. Если подъ нею разумѣютъ общность обычаевъ, нравовъ, законовъ, всего общественнаго устройства, то она измѣнялась сообразно различнымъ эпохамъ нашей исторіи. Баснословныя времена, монгольское иго, періодъ царей и потомъ императоровъ, образуютъ столько жъ

различныхъ народностей. Которой-же изъ нихъ дадутъ ходъ? Если послѣдней, то она скорѣй чужая, чѣмъ наша. Выводъ изъ этихъ общихъ размышленій тотъ, что три начала, составляющія теперешнюю систему образованности, разнородны, безсвязны и противорѣчивы по своимъ результатамъ. Ихъ бы можно замѣнить однимъ началомъ. Это было бы религіознѣй, потому что скромнѣе; самодержавнѣй, потому что болтливость противна духу самодержавія; наконецъ народнѣй, потому что выражено народной поговоркой.

XI.

С. S. Пожаръ въ деревнѣ, гдѣ стоитъ вашъ гусаръ, случай весьма обыкновенный, о которомъ вы перестанете думать, когда получите это письмо. Онъ едва-бы могъ занять мѣсто эпизода въ моемъ бурномъ существованіи. Вашъ сынъ исполнилъ долгъ, вынеся, съ опасностью жизни, вашъ портретъ изъ пламени. Съ живымъ сожалѣніемъ узналъ я о смерти моего политическаго противника, предсѣдателя государственнаго совѣта, гр. Новосильцова. Я возставалъ противъ принятой имъ системы, когда онъ управлялъ дѣлами въ Варшавѣ, системы, имѣвшей такія печальныя послѣдствія для царства и для имперіи. Но разность политическихъ мнѣній не мѣшаетъ мнѣ отдать ему справедливость. У него было много ума, большой навыкъ въ управленіи и пламенное рвеніе къ народному дѣлу. Какая противуположность въ нашихъ судьбахъ! Для одного — мѣсто казни и исторія; для другаго предсѣтательское кресло въ совѣтѣ и адрессъкалендарь. Упоминая о немъ въ этомъ письмѣ, я открываю для его имени единственную возможность перейдти въ потомство.

XII.

C. S. Послѣ долгаго заточенія, память производитъ лишь неясные и безцвѣтные образы, подобно планетамъ, отражающимъ лучи солнца, но непередающимъ его теплоты. Однако у меня сохранились сокровища въ прошедшемъ. Я помню наше последнее свиданіе въ галереѣ ...скаго замка. Это было осенью, вечеромъ, въ холодную и дождливую погоду. На *ней* черное тафтяное платье, золотая цѣпь на шеѣ, а на рукѣ браслетъ, обставленный изумрудами, съ портретомъ предка, освободителя Вѣны. Ея дѣвствнный взоръ, блуждая вокругъ, какъ будто слѣдилъ за причудливыми сгибами серебренной тесмы моего гусарскаго долмана. Мы шли вдоль галереи молча; намъ не нужно было говорить, чтобъ понимать другъ друга. Она казалась задумчивой. Глубокая грусть проглядывала сквозь двойной блескъ юности и красоты, какъ единственный признакъ ея смертнаго бытія. Подойдя къ готическому окну, мы завидѣли Вислу; ея желтыя волны были покрыты пѣнистыми пятнами. Сѣрыя облака пробѣгали по небу, дождь лилъ ливнемъ, деревья въ паркѣ колыхались во всѣ стороны. Это безспокойное движеніе въ природѣ, безъ видимой причины, рѣзко отличалось отъ глубокой тишины вокругъ насъ. Вдругъ, звукъ колокола потрясъ окна, возвѣщая вечерню. Она прочла Ave Maria, протянула мнѣ руку и изчезла. Съ этой минуты, счастье въ здѣшнемъ мірѣ изчезло также. Моя жизнь, потрясенная политическими бурями, обратилась въ безпрерывную борьбу съ людьми и обстоятельствами. Но прощальная молитва была услышана. Душевный миръ, котораго никто не можетъ отнять, послѣдовалъ за мною на

мѣсто казни, въ темницы и ссылку. Я не сожалѣю ни объ одной изъ своихъ потерь. Правнука воина является мнѣ иногда въ сновидѣніяхъ, и чувство, которое бы ей принадлежало исключительно, ростетъ и очищается, распространяясь на моихъ враговъ.

XIII.

С. S. Рота солдатъ пришла вчера вечеромъ въ деревню и остановилась на ночлегъ. Она конвоируетъ одного осужденнаго на смерть, котораго гонятъ пѣшкомъ изъ Иркутска на Александрійскую фабрику, гдѣ совершится казнь. Сегодня, съ разсвѣтомъ, отправился я въ острогъ. Осужденный сидѣлъ въ заднемъ казематѣ, на землѣ, съ кандалами на ногахъ, прикрытый лишь грязной и изношенной рубахой. У него даже не было соломы для изголовья. Онъ голодалъ, и обрадовался при видѣ завтрака, который я принесъ. Но ему мѣшали ѣсть и слушать мои слова утѣшенія. Я готовился встрѣтить у него священника, и нашелъ однихъ солдатъ, да казаковъ. Видя, что стражѣ хотѣлось меня удалить, онъ сказалъ: поминайте меня въ вашихъ молитвахъ. Между тѣмъ барабанъ собиралъ роту, разсѣянную по деревнѣ. Часъ спустя она выступила, продолжая свое погребальное шествіе. Черезъ два дни, страданія и жизнь приговореннаго кончились, вслѣдъ за экзекуціей. У насъ нѣтъ вниманія къ человѣку, осужденному закономъ. Мы забываемъ, или скорѣй — не вѣдаемъ, что приговоромъ надъ нимъ онъ очищенъ передъ обществомъ, и что его смерть такъ-же нужна, какъ и жизнь его судьи. Роды казни, въ употребленіи у насъ за высшія преступленія, отзываются варварствомъ временъ прошедшихъ. Это тоже смертная казнь, только изподоволь. Она оскорб-

ляетъ разумъ, возмущаетъ человѣческое чувство и унижаетъ судебную власть, подчиняя степень приговора произволу палача. Если для очищенія уголовнаго судопроизводства нужно время и успѣхи просвѣщенія, для перемѣны рода наказаній нужно лишь дѣйствіе разумной воли. Первый шагъ къ этой цѣли есть указъ, воспрещающій уродовать человѣка. Вторымъ шагомъ было-бы постановленіе разомъ лишать его жизни и не длить страшныхъ и безполезныхъ предсмертныхъ мученій. Въ то время какъ ареопагъ молчитъ, слабый голосъ раздается изъ глубины ссылки, отстаивая права человѣчества. Vox.

XIV.

C. S. Вещи и книги полученныя мною, пришли перепорчеными по небрежности, или тупоумію почтоваго департамента, которому вы ихъ ввѣрили. Такое нарушеніе общественнаго довѣрія происходитъ отъ того, что эта важная отрасль управленія превращена въ синекуру и отдана на кормленіе царедворцу старой школы, который при нѣсколькихъ государяхъ занималъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ должность шута. Старая школа вообще ни къ чему не годна. Ввѣрьте ей армію, она ее загрязнитъ; поручите дворецъ, она его сожжетъ; предоставьте поѣздъ, она его изгадитъ. Сыщу, что нѣкоторые изъ нашихъ политическихъ ссыльныхъ изъявили желаніе служить рядовыми въ Кавказской арміи, въ надеждѣ помириться съ правительствомъ. По моему, неблагоразумно идти на это, не подвергнувъ себя напередъ легкому испытанію. Сдѣловало бы велѣть дать себѣ въ первый день пятьдесятъ палокъ, во второй сто, а въ третій двѣсти, что бы въ сложности составило триста пятьдесятъ

ударовъ. Послѣ таковаго испытанія уже можно провозгласить dignus, dignus est intrare in isto docto corpore.

XV.

C. S. Министерство государственныхъ имуществъ представляетъ собой величавое зрѣлище развитія жизненныхь началъ и свободныхъ учрежденій. Кругъ его дѣятельности объемлетъ всѣ степени общественной лѣстницы и простирается на весь народъ, начиная сь крестьянъ въ общинѣ и нисходя до племенъ кочующихъ въ сибирскихъ пустыняхъ. По свойству вещей, оно прійдетъ къ двумъ положительнымъ результатамъ; къ увеличенію матеріальнаго благосостоянія страны, во сколько это возможно при сложномъ управленіи, облеченномъ неограниченной властью, на мѣсто политическихъ ручательствъ; и — что еще гораздо важнѣй — къ приготовленію народа для принятія тѣхъ ручательствъ, въ слѣдствіе огромнаго числа идей, которыя чрезъ новыя мѣры войдутъ въ обращеніе. Бросимъ взглядъ съ этой двойной точки зрѣнія на составныя части новаго министерства. Повсемѣстный недостатокъ нашей администраціи повторяется и тутъ: число центральныхъ чиновниковъ доходитъ до 618. Умственная работа совершается не съ помощью толпы. Въ избѣжаніе подробностей, мы ограничимся замѣчаніемъ, что число врачей безмѣрно: одинъ на 154½ чиновника. Въ войскахъ, гдѣ болѣзни часты, не считая ранъ, обыкновенно бываетъ одинъ лекарь на тысячу человѣкъ, не рѣдко даже одинъ на двѣ тысячи. На водахъ, куда изо всей Европы съѣзжаются больные, не бываетъ столько врачей. И не смотря на то, еще устрои-

вается госпиталь для чиновниковъ. Заботливость „мнимаго больнаго" о сбереженіи своего здоровья не заходила такъ далеко. Судебная часть кажется несовмѣстной съ исполнительной властью. Какъ судилище, министерство становится судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ, или средней инстанціей, лишь замедляющей производство. Въ большей части отдѣленій встрѣчаешь съ удивленіемъ: отдѣленіе мундировъ о бокъ съ отдѣленіемъ вѣры, нравственности о бокъ съ тайной перепиской. Наконецъ, есть и ученый комитетъ, который обходится въ 40 тысячь рублей и котораго цѣль недостаточно опредѣлена; ибо, въ сущности, его занятія заключаются въ распространеніи необходимыхъ свѣденій между чиновниками; въ наблюденіи за ходомъ политической экономіи, для сообщенія министру; въ представленіи задачь и въ заранѣе условленной платѣ за истины, въ которыхъ оказывается надобность. Очевидно, что при назначеніи образованныхъ чиновниковъ и министра, который-бы не нуждался въ сообщаемыхъ свѣденіяхъ, министерство само-бы могло открывать истины, не покупныя ни въ какомъ случаѣ, и тѣмъ значительно-бы сократило годовые расходы. Общій бюджетъ простирается до 1,216,694 рублей, считая жалованья министру и его совѣту. То что было бы сбережено изъ этой суммы, пошло бы на пользованіе больныхъ чиновниковъ, на починку старой мебели и на покупку новой. Все это не очень утѣшительно. Такъ какъ я былъ особенно близокъ съ теперешнимъ министромъ, то я прошу васъ прислать все что касается до его дѣйствій, а также журналъ министерства, когда онъ станетъ выходить, для того, чтобъ я могъ слѣдить за общимъ ходомъ дѣлъ. Мысль...... меня сильно занимаетъ.

XVI.

C. S. Моего друга *Вайну* ужалила змѣя въ послѣдній разъ какъ мы охотились въ лѣсу. Теперь онъ лежитъ у моихъ ногъ, съ пѣной у рта, съ трудомъ переводя дыханіе; но при моихъ словахъ виляетъ хвостомъ и на меня смостритъ, словно понимаетъ мою рѣчь. Имя друга приличнѣе этому животному, чѣмъ людямъ, которые его себѣ присвоивали. Люди испугались когда гроза разразилась надъ моей головой, и убѣжали отъ меня, поджавъ хвостъ. Идея общественнаго возрожденія смутила и друговъ, и недруговъ. Ослѣпленные внезапнымъ свѣтомъ, они не замѣтили, что въ ней скрыто ихъ общее благо. Я боролся противъ системы, принятой въ Польшѣ, и обнаружилъ ея гибельныя послѣдствія. Меня осудили на смерть. Четыре года спустя, Польша возстала, власти низвергнуты, крѣпости сданы, русскія войска прогнаны. Въ это самое время держали на запорѣ человѣка, который предсказалъ грозу и могъ ее отвлечь.

XVII.

C. S. Удовольствіе, всегда доставляемое вашими письмами, было помрачено вѣстью о случившемся съ полковникомъ Д... Положеніе трудное; но вы слишкомъ берете его къ сердцу. Нападеніе разбойника вовсе не наноситъ безчестія. Не во власти людей позорить насъ, когда мы того не заслуживаемъ. Я былъ подъ висѣлицей и носилъ кандалы. И чтожъ, развѣ я тѣмъ опозоренъ? Мои политическіе противники не того мнѣнія. Они были вынуждены употребить силу, потому что не имѣли инаго средства для опроверженія моихъ мыслей

объ общественномъ улучшеніи. Что-же касается до полковника Д..., онъ можетъ теперь окружить новымъ блескомъ прямоту свою и честь, испросивъ помилованіе убійцѣ, или давъ ему средства существованія, если ужъ онъ осужденъ закономъ. Въ замѣну вашихъ житейскихъ треволненій, я могу вамъ сообщить добрыя вѣсти. Мои часы проходятъ въ тишинѣ кабинета, или въ созерцаніи красотъ сибирскихъ лѣсовъ. Удивительная постепенность счастья! Чѣмъ ближе я къ цѣли своего плаванья, тѣмъ попутнѣе становятся вѣтры. Нечего тревожиться, если облака снова собираются на горизонтѣ. Эта буря пройдетъ какъ и всѣ другія, и только ускоритъ мой входъ въ гавань.

XVIII.

С. S. Министерство народнаго просвѣщенія вѣруетъ въ самодержавіе какъ въ догматъ, и, располагая мощными средствами двигаетъ ими для его укрѣпленія. Оно не перестаетъ проповѣдывать, что этотъ образъ правленія былъ во всѣ времена господствующею мыслію народа, и что онъ единственный путь къ спасенію въ настоящемъ и единственное ручательство для будущаго. Писатели на жадованьи сочиняютъ книги въ пользу этого предположенія, а полиція подкрѣпляетъ ихъ своими рукоплесканіями. Но нуженъ иной языкъ, иныя доказательства, а пуще всего — иное управленіе, чтобъ заставить 50 милліоновъ людей принять начала, которыя намъ нравятся. Ибо народъ мыслитъ, не смотря на свое глубокое молчаніе. Доказательствомъ, что онъ мыслитъ, служатъ милліоны тратимые съ цѣлію подстеречь мнѣнія, которыя мѣшаютъ ему выразить. То, что прежде всего представляется уму, естъ необходимость повѣрить, точно-ли про-

возглашенія министерства согласны съ прошедшимъ. Императоръ Александръ, даруя Полякамъ конституцію, обѣщалъ передъ лицомъ Европы распространить благодѣянія представительнаго образа правленія на всѣ народы, ввѣренные провидѣніемъ его заботамъ. Эта высокая надежда русскихъ получила значеніе нравственной достовѣрноси послѣ манифеста 12 Декабря, 1825. Проникнутые чувствомъ благодарности за щедроту своихъ царей, они ожидали съ безграничнымъ довѣріемъ исполненіе дважды обѣщаннаго. Но вотъ министерство просвѣщенія объявляетъ имъ, что болѣе уже нечего ждать, что теперешнее устройство достаточно, и что желать инаго есть преступленіе; при чемъ оно даже не намекаетъ, какимъ актомъ воля двухъ государей была отмѣнена. Когда событія говорятъ такъ громко, безполезно пояснять ихъ. По какому праву министерство, присвоивая себѣ законодательную власть, похищаетъ у народа самыя дорогія его надежды? Если Поляки и злоупотребили благодѣянія своихъ царей, то слѣдуетъ-ли изъ этого подвергать Русскихъ одному съ ними наказанію? Наконецъ, внушая имъ недовѣріе къ царскому слову, думаетъ-ли оно тѣмъ пріучить ихъ къ самодержавію? Впрочемъ, министерство право, отвергая представительный образъ правленія, ибо голосъ ссыльнаго, затерянный теперь въ сибирскихъ пустыняхъ, раздался-бы тогда на трибунѣ чтобъ уличить его въ нарушеніи предѣловъ власти — когда оно вмѣшивается въ дѣла религіи; въ уничтоженіи плода собственныхъ усилій — когда дѣлаетъ неспособными возникающія поколѣнія пользоваться благами, которыя правительство имъ готовитъ; въ проповѣданіи русской народности на языкѣ вовсе не русскомъ.

XIX.

Милостивая государыня, письмо, которое вамъ угодно было написать, возбудило во мнѣ чувства, съиздавна чуждыя моему сердцу. Если неожиданное счастье имѣетъ надъ нами столько власти въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни, то судите, что я испыталъ, получивъ посреди сибирскихъ пустынь такое драгоцѣнное свидѣтельство вашей ко мнѣ дружбы. Я радуюсь, что мои письма къ сестрѣ васъ занимаютъ. Онѣ служатъ выраженіемъ тѣхъ убѣжденій, которыя повели меня на мѣсто казни, въ темницы и въ ссылку. Я смѣю надѣяться, что вы, судя безпристрастно, найдете ихъ не только не разрушительными, но напротивъ клонящимися къ упроченію основъ общественнаго порядка, черезъ очищеніе отъ посторонней примѣси, и вмѣстѣ съ тѣмъ ищущими разъяснить жизненные вопросы, которыхъ рѣшеніе существенно важно для благосостоянія государства. Гласность, какою пользуются мои письма чрезъ многочисленные списки, обращаетъ ихъ въ политическое орудіе, которымъ я долженъ пользоваться на защиту свободы. Ваша лестная память обо мнѣ будетъ служить для меня могучей подпорой въ этой опасной борьбѣ.

СЛОВО СОЛОВЕЦКАГО СТАРЦА НЕСТОРА,

говоренное въ С. Петербургѣ, въ придворной церкви Зимняю Дворца, въ 1843 г., въ присутствіи императора Николая, двора и военныхъ чиновъ.

„Блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко тіи насытятся!“

При видѣ слушателей, столь новыхъ для меня, мнѣ кажется, любезные мои братіи, я бы долженъ былъ только испрашивать снисхожденія для бѣднаго старца, неимѣющаго дарованій, которыхъ вы требуете отъ наставниковъ, проповѣдающихъ о спасеніи вашемъ. Чувствуя и зная недостоинства свои, я однакожъ почту за преступленіе заботиться о своемъ тщеславіи и о похвалѣ вашей. Донынѣ я проповѣдывалъ о правосудіи всевышняго въ хижинахъ, покрытыхъ соломою, я проповѣдывалъ неизбѣжныя истины вѣры нашей трудолюбивымъ, добрымъ земледѣльцамъ; проповѣдывалъ несчастнымъ, часто неимѣющимъ дневнаго пропитанія, объ ужасѣ вѣчнаго наказанія. Что же я сдѣлалъ несчастный? Я опечалилъ бѣдныхъ лучшихъ друзей Бога моего, я внесъ ужасъ и скорбъ въ добрыя, простыя сердца, которыя я бы, долженъ былъ покоить и утѣшать. Но здѣсь, куда ни взгляну, я

вижу гордыхъ вельможъ, которые полагаютъ, что неизмѣримое пространство раздѣляетъ ихъ отъ бѣдныхъ тружениковъ; они забыли, что послѣ часовой ихъ жизни, вѣчная ихъ могила одинакова, а на судѣ всемогущаго послѣдніе будутъ первыми, а первые послѣдними; здѣсь вижу тѣхъ недоступныхъ судей, которые лишь на страшномъ судѣ вспомнятъ, что они были судьями: здѣсь вижу богатыхъ, знатныхъ; тѣхъ сильныхъ утѣснителей бѣдности, тѣхъ грѣшниковъ нераскаянныхъ отвергающихъ судъ Божій и нестрашащихся суда человѣческаго, гдѣ то и нужно было оглашать неизбѣжное слово Божіе объ ужасахъ вѣчнаго наказанія и поставить со мною на одну сторону неумолимую смерть, а на другую послѣдняго Судью, пришедшаго отмщать невиннымъ ихъ слезы, печали и скорбь.

Предавшій себя изъ любви къ человѣчеству на смерть крестную, Небесный Владыка не показывалъ-ли тѣмъ и владыкамъ земнымъ, сколь велика должна быть ихъ любовъ къ своимъ подданнымъ, къ этой христіанской ихъ братіи...

Общій отецъ нашъ вручилъ тебѣ, Владыкѣ земному, дѣтей своихъ, чтобы ты заботился о ихъ счастіи. Онъ хотѣлъ, чтобы одинъ человѣкъ служилъ своею мудростію къ счастію милліоновъ, а не милліоны-бы людей служили къ наслажденію одного человѣка. Не для тебя самого Богъ сдѣлалъ тебя Владыкою, а для народа, чтобъ ты былъ „мужемъ людей.“

Видали-ли вы когда овецъ на долинѣ: пастухъ стоитъ и внимательно наблюдаетъ свое стадо; онъ ведетъ овецъ и слѣдуетъ за ними; если они разбѣжались, онъ соединяетъ ихъ; если волкъ показался — онъ пускаетъ на него вѣрнаго пса своего, который его изгоняетъ. Онъ ихъ бережетъ, хра-

нитъ, заботится о нихъ. Сколько трудовъ и стараній! Какая тяжкая служба! Чья участь лучше, свободнѣе? Пастуха или овецъ? Скажете: стадо-ли пасется для пастуха, или пастуха содержатъ для овецъ? Хорошій пастухъ безпокоится, заботится о своемъ стадѣ, и оно будетъ сыто, здорово, охранено отъ обиды звѣрей дикихъ; и напротивъ у худаго пастуха стадо голодное, волкъ разгоняетъ его и оно исчезнетъ. Пастухъ! тебя ждетъ великая награда за паству добрую; но и за каждую овцу, невинно погибшую, отдашь отчетъ хозяину стада, сказавшему о себѣ: „Азъ есмь пастырь добрый, пастырь добрый полагаетъ душу свою за овцы; а наемникъ бѣжитъ, яко наемникъ есть и нерадитъ о овцахъ.“

Придворные, вельможи, царедворцы! И вамъ скажу я нѣсколько словъ, не для наставлеиія, ибо кто можетъ совратить васъ съ пути вашего, вы другою жизнію жить, другимъ воздухомъ дышать не можете; все окружающее васъ съ вами свыклось съ младенчества; тщеславіе, гордость, мщеніе, нѣга, неутомимая жажда стяжаній — вотъ добродѣтель! Правда считается простотою, коварство и хитрость принадлежностію ума; здѣсь прежде всего изгнана истина — ее нѣтъ болѣе; языкъ говоритъ другое, что говоритъ сердце; но не только языкъ, здѣсь уши и тѣ лгутъ: всѣ подъ личиною дружбы и вѣжливости хвалятъ въ глаза другъ друга, а въ сердцѣ — ненависть, зависть и презрѣніе къ тѣмъ, кого хвалятъ. Намъ издали они кажутся достойными небесъ, теряемъ ихъ изъ виду: такъ высоко стали; но когда взглянемъ ближе, то увидимъ, что они несчастнѣе послѣдняго гражданина, на котораго они смотрятъ съ такимъ презрѣніемъ, и который не возметъ всѣхъ ложныхъ почестей за

сотую долю вашихъ заботъ и того, что вы привыкли называть своимъ достоинствомъ.

Жалѣю о васъ! и еслибы вы знали счастіе и наслажденіе гражданина, живущаго добродѣтельно для блага отечества, согражданъ и семьи своей, то тогда, вмѣсто неумѣстной гордости, устыдились-бы своего положенія, какъ Адамъ, по совершеніи грѣха своего. Внемлите словамъ Спасителя, сказавшаго: „Не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣ-же червь и тля тлитъ, идѣ-же татіе подкапываютъ и крадутъ; скрывайте себѣ сокровища на небеси, идѣ-же червь и тля не тлитъ, идѣ-же ни татіе подкапываютъ, ни крадутъ.“

Теперь къ вамъ обращаюсь, молодые воины, и спрошу васъ: для чего отечество дало вамъ мечъ? Не для защиты-ли вашей родины? Какъ-же смѣете вы подымать его противъ вашего товарища и быть убійцею даже за одно неумѣстное слово, стать на равнѣ съ разбойникомъ? Какъ осмѣливаетесь вы смѣшать священное имя чести съ безрасуднымъ, который повѣсилъ на концѣ шпаги всѣ добродѣтели? Вы полагаете, что тотъ человѣкъ болѣе не обманщикъ, не клеветникъ, не воръ картежный, когда онъ умѣетъ драться; что обманъ его дѣлается истиной, воровство обязанностію, клевета отверженіемъ; что всякая обида, нанесенная вамъ, вашей матери, лишеніе чести, добраго имени — супруга, сестры, дочери, искупаются ударомъ палаша, и какое-бы оскорбленіе вы ни сдѣлали, стоитъ только убить на дуэли того, кого оскорбили, тогда злодѣй совершенно правъ, справедливъ. Иные дерутся до первой крови. До первой крови! Великій Боже! А что тебѣ въ этой крови, злое чудовище? Пить-ли ее хочешь?.. Оклеветать женщину добродѣтельную, соблазнить жену друга, обыграть това-

рища въ карты — не почитается между вами порокомъ, лишь-бы этотъ клеветникъ, этотъ соблазнитель, этотъ воръ былъ достаточно золъ, чтобъ убить своего противника, того, кого онъ обидѣлъ. Неужели вы думаете, что негодяй, который убьетъ того, кто называетъ его негодяемъ, сдѣлается по-милости звѣрскаго своего преступленія честнымъ человѣкомъ? Нѣтъ! къ прежнему своему названію прибавитъ онъ гнусное названіе убійцы и разбойника. Безчестный человѣкъ остается безчестнымъ, хотя-бы онъ каждый день стрѣлялся. „Кто положитъ душу свою за друга своя, тотъ спасенъ будетъ,“ сказалъ великій учитель, и „блажени миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся.“ Замѣчено всѣми, что негодяи чаще дерутся на дуэли; они, досадуя на неуваженіе, которое къ нимъ имѣютъ, и пользуясь предразсудкомъ безумнымъ, стараются прикрыть поединкомъ черноту своей жизни.

Господи! гдѣ я? въ храмѣ-ли святомъ твоемъ христіане-ли слушаютъ меня? Гдѣ-же законы твои, которымъ удивляется мудрый и полконяется добродѣтельный. Не ты-ли сказалъ: „любите враги ваши, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите клянущія вы и молитесь за творящихъ вамъ обиды!“ Да, Господи, но сіи уже не твои, то каннибалы, упивающіеся кровію своихъ собратій! Когда-жъ принесете раскаяніе въ дѣлахъ вашихъ? Лучь истины и добродѣтели освѣтитъ-ли сердца ваши? Скоро постигнетъ васъ смерть, ибо мы всѣ смертны, а за смертію нѣтъ покаянія. Да, жизнь человѣческая похожа на дорогу, въ концѣ которой лежитъ ужасная пропасть, въ которую каждый долженъ низвѣргнуться. Таковъ законъ природы! Я хотѣлъ-бы воротиться назадъ:

все подвигаешься къ пропасти; тысячи огорченій, заботъ, болѣзней, постигаетъ насъ на пути; но это бездѣлица, еслибъ я могъ избѣгнуть той пропасти у которой, хотѣлъ-бы остановиться. Иди! а между тѣмъ все истребилось, что миновалъ; страшное разрушеніе, неминуемая гибель! А вотъ и близко пропасть! Уже все вокругъ васъ блекнетъ, падаетъ, исчезаетъ, смерть близится, уже холодомъ вѣетъ изъ пропасти... но надобно идти къ самому берегу... еще шагъ: иди! ужасъ смущаетъ чувства, голова кружится, мутно въ глазахъ... Ступай, ступай! Хотѣлъ-бы назадъ, невозможно, все пало, все исчезло, погибло; и нѣтъ возврату къ сей жизни, къ покаянію; а что ожидаетъ тамъ насъ, омытыхъ кровію ближнихъ, упитанныхъ слезами согражданъ!

Иодумайте! Есть еще время для размышленія и покаянія, хотя всѣ мы близко, очень близко стоимъ, почти на краю ужасной пропасти. Аминь.

(Передавшій эту рукопись увѣрялъ, что это не подлогъ, что Несторъ, какъ сдѣлавшійся извѣстнымъ проповѣдями, былъ призванъ къ двору, сказалъ только это слово и тотчасъ отправленъ назадъ и уже не для проповѣдей, а подъ монастырское начало.)

СИМАШКО, ФИЛАРЕТЪ И НИКОЛАЙ.

Секретно-конфиденціальное отношеніе Синодальнаго Члена Іосифа, Митрополита Литовскаго и Виленскаго, къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода Графу Протасову, отъ 10 Января 1855 за N. 40.

Какъ вѣрноподданный, какъ сынъ Отечества, какъ Членъ Православныя церкви, и какъ возсоединенный Архіерей, обязанный нѣкоторою отвѣтственностію предъ возсоединенными и за возсоединенныхъ, долгомъ считаю обратить еще разъ вниманіе Правительства на обстоятельства края, съ которымъ связано мое служеніе.

Кажется, послѣ благословеннаго Богомъ возсоединенія Уніатовъ съ Православною церковью, вскорѣ забыто: что они были для Поляковъ и Римскихъ Католиковъ и авангардомъ и оплотомъ противу Русской Народности и Православія; что возсоединеніе было для Латино-Польской партіи самымъ чувствительнымъ ударомъ; что эта партія должна была искать новыхъ условій для обезпеченія своего положенія; и что соотношенія оной къ возсоединеннымъ должны были принять характеръ не только недоброжелательства, но и мести. Кажется также Латино-Польскую партію сочли слабою, забывая

что она кромѣ собственныхъ силъ, имѣетъ опору въ общей иновѣрной и иностранной партіи, по видамъ религіознымъ и политическимъ. Кажется не обращено также вниманія, что страдательное совершенно положеніе, въ которомъ поставлены возсоединенные со времени слитія съ Православною церковью, должно было и облегчить и осмѣлить Латино-Польскую партію въ ея дѣйствіяхъ.

Не знаю, приходилось ли кому измѣрить и оцѣнить вполнѣ, что сдѣлано въ пользу этой партіи въ послѣднія десять или пятнадцать лѣтъ. Здѣсь не намѣренъ я распространяться о дѣйствіяхъ на пользу Латинской Іерархіи. Это дѣло прошлое и уже не исправимо. Тутъ не главное Конкордатъ — мѣра политическая, можетъ быть необходимая. Но вообще предшествовавшія, сопровождавшія и послѣдовавшія за оною учрежденія и распоряженія клонились къ тому, чтобы упрочить и усилить противу прежняго Римско-Католическую въ Россіи Іерархію. Теперь Православному Духовенству въ Западныхъ Епархіяхъ едва ли всѣхъ силъ достаточно, чтобы бороться съ однимъ только Римско-Католическимъ Духовенствомъ. Но еще разъ — я не намѣренъ распространяться о семъ духовенствѣ, а обращу вниманіе на другое, постепенно въ здѣшней странѣ устроенное орудіе Латино-Польской партіи — Гражданское Чиноначаліе.

Обстоятельствами вынужденъ я былъ собрать въ прошломъ мѣсяцѣ по секрету свѣдѣнія, о числѣ чиновниковъ Православнаго и иновѣрнаго исповѣданія по губерніямъ Виленской и Гродненской, въ которыхъ число народа, исповѣдующаго Православную и Римско-Католическую вѣру, не много разнствуетъ. И вотъ что оказывается изъ сихъ свѣдѣній.

Извѣстно, что Православные въ сказанныхъ двухъ губерніяхъ состоятъ почти изъ однихъ крестьянъ, а почти всѣ помѣщики принадлежатъ Римско-Католическому вѣроисповѣданію и такъ называемой Польской кастѣ. Слѣдовательно Православные вполнѣ зависятъ, по крѣпостному праву, отъ сихъ иновѣрныхъ и инородныхъ помѣщиковъ. Чтобы въ подобное положеніе поставить и казенныхъ крестьянъ, чиновники по вѣдомству Государственныхъ Имуществъ назначены преимущественно изъ иновѣрцевъ. Въ обѣихъ Палатахъ Виленской и Гродненской, изъ 14 Членовъ, только 4 Православныхъ; изъ 37 дѣлопроизводителей и другихъ чиновниковъ, только 5 Православныхъ; изъ 12 Столоначальниковъ только 2 Православныхъ; изъ 41 Окружныхъ Начальниковъ, ихъ помощниковъ, Лѣсничихъ и Люстраторовъ, только 8 Православныхъ; то есть изъ 104 старшихъ чиновниковъ только 19 Православныхъ. Если къ сему прибавить, что по сказаннымъ двумъ губерніямъ, всѣ 18-ть Губернскіе и Уѣздные предводители Дворянства иновѣрцы а — въ числѣ ихъ письмоводителей только одинъ православный: то ясно, что всѣ православные обѣихъ губерній состоятъ въ полной зависимости отъ иновѣрцевъ, въ ближайшихъ и необходимыхъ условіяхъ своего быта.

Чтобы уравновѣсить это преобладаніе иновѣрной ближайшей власти надъ Православными, едва ли достаточно было бы всей попечительности мѣстныхъ гражданскихъ Начальствъ, въ самомъ лучшемъ и надежномъ составѣ. Но вотъ каковъ на дѣлѣ этотъ составъ.

При Генералъ-Губернаторѣ: Правитель Канцеляріи старшіе и младшіе Секретари, помощники Секретарей и прочіе Чиновники Канцеляріи въ числѣ

21, всѣ иновѣрцы, за исключеніемъ одного помощника Секретаря — Православнаго; только въ числѣ Адъютантовъ, Дежурныхъ Офицеровъ и Чиновниковъ Особыхъ Порученій, есть шесть Православныхъ на пять иновѣрцевъ. При обоихъ Гражданскихъ Губернаторахъ, въ числѣ Правителей Канцелярій, Чиновниковъ Особыхъ Порученій, а также Старшихъ и младшихъ Помощниковъ, Правителей Канцелярій, 9 православныхъ на 20 иновѣрцевъ. Въ обоихъ Губернскихъ Правленіяхъ, въ числѣ Членовъ, Секретарей, прочихъ чиновниковъ и Столоначальниковъ, есть 39 иновѣрцевъ, а только 11 православныхъ. Такимъ образомъ высшее управленіе двухъ губерній состоитъ изъ 27 только православныхъ, и изъ 84 иновѣрныхъ старшихъ чиновниковъ.

Въ такой же пропорціи находится власть по уѣздамъ. Въ числѣ Городничихъ и Земскимъ Исправниковъ, которые должны быть кажется, по положенію, въ здѣшней странѣ Русскіе и Православные, уже третья ихъ часть по Виленской и Гродненской губерніи изъ иновѣрцевъ. Письмоводителей при Городничихъ 5 православныхъ, а 11 иновѣрцевъ. Засѣдателей и Секретарей по Земскимъ Судамъ 10 православныхъ, а 40 иновѣрцевъ. Становыхъ Приставовъ 9 православныхъ а 57 иновѣрцевъ. То есть, на 165 старшихъ уѣздныхъ чинивниковъ исполнительной власти — только 47 православныхъ.

Судебная часть еще менѣе благопріятна для православныхъ, нежели правительственная и исполнительная. По 4-мъ палатамъ гражданскаго и уголовнаго суда Виленскимъ и Гродненскимъ: въ числѣ 18-ти членовъ, только 5 православныхъ; въ числѣ 26 секретарей и другихъ чиновниковъ, только 1 православный; въ числѣ 20 столоначальниковъ, нѣтъ ни одного православнаго. По всѣмъ уѣзднымъ

судамъ обѣихъ губерній 2 православныхъ, а 59 иновѣрныхъ членовъ, и тоже 2 секретаря православныхъ, а 14 иновѣрныхъ. То есть, изъ 141 старшихъ чиновниковъ по судебной части, только 10 православныхъ.

Такимъ же образомъ замѣщены старшія мѣста и по другимъ вѣдомствамъ. Изъ числа 107 членовъ обѣихъ казенныхъ палатъ, ихъ секретарей и чиновниковъ особыхъ порученій, ихъ бухгалтеровъ, контролеровъ, столоначальниковъ и другихъ чиновниковъ, а также уѣздныхъ казначеевъ съ ихъ помощниками, бухгалтерами и журналистами — православныхъ всего на все только 8. Изъ числа 18 членовъ, секретарей, старшихъ чиновниковъ и столоначальниковъ обоихъ приказовъ общественнаго призрѣнія — православныхъ только 4. Изъ числа 30 членовъ, секретарей, инженеровъ, архитекторовъ, землемѣровъ и другихъ старшихъ чиновниковъ по обѣимъ строительнымъ и дорожнымъ коммисіямъ — тоже православныхъ только 4. Изъ числа 26 членовъ и старшихъ чиновниковъ по окружному управленію III Округа корпуса инженеровъ военныхъ поселеній — православныхъ только 8. Изъ числа 25 губернсхихъ и уѣздныхъ почтмейстеровъ съ ихъ помощниками — только 6 православныхъ. Изъ числа 21 губернскихъ и уѣздныхъ прокуроровъ и стряпчихъ только 4 православныхъ. Изъ числа 26 членовъ человѣколюбиваго общества и управляющихъ семью Виленскими Богоугодными заведеніями — только 2 православныхъ. Изъ числа же 53 членовъ врачебныхъ управъ, а также уѣздныхъ и другихъ штатныхъ врачей нѣтъ ни одного православнаго.

Всѣхъ же старшихъ чиновниковъ вышепоименованныхъ, по Виленской и Гродненской губерніямъ,

изъ иновѣрцевъ 723, изъ православныхъ же 140, то есть менѣе шестой части всѣхъ чиновниковъ. Между иновѣрцами едва десятая часть приходится на Протестантовъ и Магометанъ, остальные всѣ Римскіе католики. Въ низшемъ слоѣ чиноначалія эта пропорція еще менѣе благопріятна православнымъ.

Но эта ариѳметическая пропорція, между православными и иновѣрными чиновниками, далеко еще не представляетъ дѣйствительнаго преобладанія сей послѣдней массы.

Тѣми же способами, которыми Латино-Польская партія съумѣла замѣстить, по преимуществу, своими людьми должностныя мѣста, она умѣетъ управлять назначеніемъ или устраненіемъ самыхъ православныхъ чиновниковъ, по своимъ видамъ; а небольшое число самостоятельныхъ, ей легко вводить въ заблужденіе, задобривать или устрашать. Ясно, что при подобномъ составѣ чиноначалія самые благонамѣренные и прозорливые начальники, едва ли могутъ устоять противу общаго теченія.

Такимъ образомъ православное населеніе Виленской и Гродненской губерній, числомъ почти въ 700-т. народа, зависитъ почти совершенно отъ произвола Римлянъ, господствующихъ надъ онымъ, посредствомъ помѣщиковъ и посредствомъ мѣстныхъ правительственныхъ и судебныхъ властей. Духовенство православное въ такой же зависимости и посредствомъ своихъ прихожанъ и по необходимымъ житейскимъ потребностямъ. Нужно дѣло особенной ясности, чтобы можно его вести съ успѣхомъ; иначе оное замнутъ или происками, или ябедою или проволочкою. Самое дѣло выигранное оффиціально, обращается обыкновенно не въ пользу выигравшаго и не въ пользу православія. Выигравшему возместятъ косвенными средствами;

а дѣло самое чистое представятъ въ общемъ мнѣніи, въ видѣ неблагопріятномъ православію и православному духовенству, такъ что самое благоразуміе требуетъ по большей части молчанія и долготерпѣнія. Естественно, что въ такомъ положеніи дѣлъ могутъ быть покойны тѣ только изъ православнаго духовенства, которые потворствуютъ видамъ преобладающей Латино Польской партіи; усердные жъ подвижники и исполнители своего долга необходимо должны быть предметовъ недоброжелательства и происковъ той партіи.

Я не говорю о себѣ — участь свою уже предалъ я на волю провидѣнія. Но кажется, всякая мѣстность, гдѣ бы 700-т. православныхъ находились въ подобномъ положеніи, должна бы обратить вниманіе; а чтожъ Литовская Епархія, которая находится въ исключительномъ положеніи во всѣхъ отношеніяхъ? Въ другихъ Западныхъ Епархіяхъ масса православнаго народонаселенія господствуетъ надъ малочисленнымъ иновѣрнымъ населеніемъ; въ Литовской 700-т. православныхъ разбросаны по тремъ губерніямъ, среди полутора милліона однихъ Римскихъ католиковъ. Въ другихъ Епархіяхъ, число возсоединенныхъ немногочисленно въ сравненіи съ древне-православными, а слѣдовательно удобно можетъ быть направляемо и охраняемо; въ Литовской вся паства почти исключительно состоитъ изъ возсоединенныхъ. Самые возсоединенные въ другихъ Епархіяхъ не столько бы отступили отъ Русской народности и постановленій Восточныя Церкви, какъ въ Литовской, бывшей преимущественно подъ продолжительнѣйшимъ вліяніемъ иновѣрчества и иноземства. Очевидно, что я имѣю и большее право и большую обязанность просить правительство о преимущественномъ охраненіи

Литовской паствы отъ вліянія господствующихъ здѣсь чуждыхъ элементовъ. Мнѣ одному это не по силамъ.

Но не одно положеніе православной паствы въ здѣшней странѣ, заставило меня изъяснить теперь все прописанное. Я не разъ о томъ представлялъ, и боюсь, не наскучилъ ли уже. Не забота также о Русской народности въ сей странѣ меня къ тому побудила. Какъ ни больно, что десять милліоновъ Русскаго и Литовскаго народа въ Западныхъ губерніяхъ, подчиняются вновь болѣе и болѣе преобладанію сорока или пятидесяти тысячь такъ называемыхъ Польскихъ семействъ, а тѣмъ самымъ и Польской партіи, посредствомъ Латинскаго духовенства, посредствомъ помѣщиковъ и посредствомъ чиноначалія: но это со временемъ измѣнилось бы, при первомъ вѣрномъ взглядѣ Правительства.

Теперь дѣло ни о православіи ни о народности Западныхъ губерніи, но о настоящемъ политическомъ положеніи Государства, и молчаніе съ моей стороны, объ указанномъ выше, было бы преступно. Не мнѣ одному извѣстно, что уже наканунѣ послѣдняго Польскаго мятежа, еще не вѣрили людямъ, предостерегавшимъ объ ономъ. Кто же можетъ увѣрить, что Латино-Польская партія не имѣла въ виду нынѣшнихъ событій, при устройствѣ какъ выше видно, столь сильнаго своего преобладанія въ здѣшней странѣ. Я не говорю, чтобы эта партія сама собою была теперь столько сильна матеріально, дабы слишкомъ безпокоитъ Правительство. Но въ случаѣ движенія на Россію всего Запада — не приготовлено ли въ здѣшней странѣ для враговъ самое благопріятное управленіе? и не лишено ли Правительство нужныхъ орудій для полезнаго въ ней дѣйствія, во все теченіе

могущихъ продолжаться военныхъ происшествій и въ случайныхъ обстоятельствахъ? Объ этомъ, кажется стоитъ подумать. Стоитъ подумать и о томъ, что гражданское Управленіе не формируется такъ скоро и удобно, какъ переформированъ Литовскій корпусъ въ 1830 году. Мнѣ случилось слышать, будто, поддерживающіе Латино-Польскую партію указываютъ на Финляндію и Остъ-Зейскія губерніи. И смѣшно и больно! Нужно слишкомъ много доброй воли, или слишкомъ малаго познанія здѣшней страны, чтобы находить между сими мѣстностями какое либо соотношеніе.

Сохрани Господи, чтобы все прописанное выше перетолковано было во вредъ и недоброжелательство къ здѣшнимъ чиновникамъ изъ Поляковъ и Латинянъ. Они не менѣе другихъ могутъ служить Государству, съ честію и пользою, въ рядахъ Русскаго воинства и въ числѣ гражданскихъ чиновниковъ по областямъ. Но въ здѣшней странѣ они связаны личными соотношеніями, связаны общественнымъ мнѣніемъ, которое указываетъ не на Россію, а на Польшу: и по необходимости должны (разумѣется не безъ исключеній) быть орудіями видовъ Латино-Польской партіи и Римскаго духовенства.

Пишу это Вашему Сіятельству, не какъ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, но какъ ближайшему слугѣ Государя Императора. Здѣсь уже дѣло не объ участи какого нибудь Митрополита Іосифа, или 700-т. возсоединенныхъ. Теперь не въ томъ дѣло: пріятнѣе ли и удобнѣе здѣшнимъ правителямъ держаться партіи сильной, богатой, и съ вліяніемъ, но въ томъ, чтобы 10-ти милліонную массу Русскаго и Литовскаго народа въ Западныхъ губерніяхъ обеспечить на пути, долга, при всякихъ могущихъ возникнуть случайностяхъ,

и охранять ее отъ чуждаго вліянія. Ссылаюсь на совѣсть каждаго не предубѣжденнаго: можетъ ли онъ иначе, какъ я, смотрѣть на постепенное усиленіе въ здѣшней странѣ Латино-Польской партіи? Впрочемъ можетъ статься, Правительство во всѣмъ этомъ имѣло въ виду особыя цѣли и обстоятельства мнѣ неизвѣстныя. Въ семъ предположеніи мысли свои я представляю секретно-конфиденціально, чувствуя, что исполнилъ долгъ свой по совѣсти и по крайнему моему разумѣнію.

Прошу покорнѣйше Ваше Сіятелство увѣдомить меня о полученіи сей бумаги.

Весьма секретно

Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Поручить Министрамъ сообщить Генералъ-Губернаторамъ Западныхъ губерній, чтобы во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ всѣ должности по Полиціямъ: земской, городской и вѣдомства Государственныхъ Имуществъ, были непремѣнно замѣщены чиновниками изъ Русскихъ; если же таковыхъ не будетъ, то лицами, имъ вполнѣ извѣстными и за благонадежность коихъ они должны отвѣчать.

2) По примѣру тому, какъ было въ Юго-Западныхъ губерніяхъ Имперіи и доселѣ еще существуетъ въ Царствѣ Польскомъ, назначить отсюда, въ пособіе Губернаторамъ, Военно-уѣздныхъ начальниковъ въ Западныя губерніи, если и не во всѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя, куда по соображеніямъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ признано будетъ необходимѣйшимъ.

3) Всѣмъ Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями подтвердить секретно, къ не-

премѣнному исполненію, послѣдовавшее въ 1831 году Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе о замѣщеніи въ Западныхъ губерніяхъ должностей, въ томъ повелѣніи поименованныхъ, по возможности чиновниками Русскаго происхожденія. Должности сіи суть: Губернаторы, Вице-Губернаторы, Прокуроры, Члены Губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, Уѣздные стряпчіе и Почтъ-Экспедиторы (что нынѣ Почтмейстеры).

4) Поручить Министрамъ и Главноуправляющимъ принять зависящія отъ нихъ мѣры къ постепенному, по возможности, замѣщенію и прочихъ должностей въ тѣхъ губерніяхъ чиновниками изъ Русскихъ и переводу туземцевъ въ Великороссійскія губерніи.

5) Постановить непремѣннымъ правиломъ, чтобы никто изъ уроженцевъ Западныхъ губерній, кромѣ однако исповѣдующихъ Православную вѣру, не могъ быть тамъ опредѣляемъ на службу, ежели не прослужилъ прежде десяти лѣтъ въ Великороссійскихъ губерніяхъ, или въ войскахъ въ офицерскихъ чинахъ, да и тогда тѣхъ только переводить, которые оказались совершенно благонадежными.

Подписалъ князь А. Чернышевъ.

Виленскому Генералъ-Губернатору Назимову.

Секретно-конфиденціально

Ваше Превосходительство,

Милостивый государь,

До меня дошло отношеніе преосвященнаго Іосифа митрополита литовскаго къ графу Протасову, о неблагопріятномъ для блага отечества состояніи управленія литовскаго края.

Предметъ сей не принадлежитъ къ кругу дѣлъ возложеннаго на меня служенія, но долгъ вѣрности престолу заставляетъ меня не иначе, какъ съ крайнею заботою помышлять о томъ, извѣстно ли сіе Государю Императору.

Отношеніе писано 10 Генваря 1855 года. Нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, что графъ Протасовъ представилъ оное въ бозѣ почившему государю. Но какъ сіе было не задолго до его кончины, то принято ли это въ разсужденіе? Извѣстно ли оно нынѣ царствующему государю императору? Вотъ о чемъ забота.

Назначеніе Вашего Превосходительства въ управленіе литовскимъ краемъ, открываетъ мнѣ случай исполнить возможнымъ для меня образомъ долгъ вѣрности престолу, препровожденіемъ къ вамъ списка вышеозначеннаго отношенія и успокоить мою заботу вашею вѣрностію престолу и ревностію о благѣ отечества.

Усердно призывая на васъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Превосходительства, покорнѣйшій слуга, **ФИЛАРЕТЪ**

митрополитъ московскій.

Въ Москвѣ, Декабря 15, 1855 года.

РѢЧЬ

Кіевскаго Военнаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора, Генералъ-Адъютанта, Дмитрія Гавриловича Бибикова къ помѣщикамъ Кіевской губерніи 8 мая 1851 года.

Милостивые Государи!

Четырнадцать лѣтъ я нахожусь въ этомъ краѣ и уже нѣсколько разъ имѣлъ честь быть съ вами во время выборовъ дворянскихъ. Я хочу съ вами пройти весь періодъ моего управленія, отъ самаго пріѣзда моего съ 1838 года до настоящаго времени. — Я хочу сдѣлать это, милостивые Государи, не въ видѣ отчета, ибо Генералъ-Губернаторъ Западныхъ губерній отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только одному, котораго тронъ на Сѣверѣ, который владѣетъ пространствомъ отъ Вислы до Байкала, отъ Ахалцыха до Ледовитаго моря, кому повинуется 60 милліоновъ людей. Мы всѣ должны Мм. Гг. ежедневно и въ каждую минуту, и во всѣхъ помыслахъ нашихъ, молиться Всемогущему о долгой жизни, спокойствіи и счастіи нашего добраго, Великаго Государя для нашего счастія и спокойствія Европы. Я хочу разсмотрѣть съ вами мои дѣйствія въ финансовомъ, административномъ, политическомъ и судебномъ отношеніяхъ.

1838-мъ году пріѣхавъ сюда, засталъ я въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ демократическія общества, даже въ учебныхъ заведеніяхъ, въ Бердичевѣ въ женскомъ пансіонѣ, всѣ эти общества стремились къ одному: чтобы уничтожить всѣ законы, всѣ дворянскія права и преимущества, весь общественный порядокъ благоустроеннаго гражданскаго общества — одна консисторія, которой имени не назову, дошла даже до того, что проповѣдывала во все услышаніе: будто Іисусъ Христосъ не есть Сынъ Божій, Матерь Божія простая женщина, а Папа — шарлатанъ. Я преслѣдовалъ ихъ со всею злостью, которая во мнѣ находится, и истребилъ зло въ самомъ его началѣ. Приступаю къ финансовой системѣ.

Пріѣхавъ въ этотъ край, я засталъ въ Бердичевѣ такъ называемую секцію Польскаго Банка, въ которой были въ заставѣ и въ залогѣ почти всѣхъ помѣщиковъ имѣнія. Эта секція привлекала только именемъ управлявшаго его; она брала не по 6 и 8, а по 11 и 14 процентовъ; въ послѣднее время были только въ курсѣ польскія облигаціи, а золотая и серебрянная монета совершенно исчезла — многіе помѣщики разорены въ пухъ; Фельдмаршалъ, по моему представленію послалъ курьера къ Государю Императору, и она уничтожена. Для денежныхъ оборотовъ помѣщиковъ и коммерческихъ операцій учреждена была въ Кіевѣ Контора государственнаго коммерческаго Банка. Кто на нее смѣетъ жаловаться? Кого тамъ притѣсняютъ? Кто замѣтилъ тамъ злоупотребленіе? скажите, кто?

Перехожу къ правамъ дворянства. Когда я пріѣхалъ, засталъ здѣсь, что всѣ были дворяне: помѣщикъ ѣхалъ въ каретѣ — дворянинъ, кучеръ на козлахъ — дворянинъ; лакей за каретою — дворя-

нинъ, форейторъ—дворянинъ; сторожъ—дворянинъ; въ кухнѣ стряпалъ—дворянинъ: дворянинъ подавалъ ему сапоги, и когда онъ разсердясь, хотѣлъ взыскать съ него, тогда служитель отвѣчалъ ему: „не имѣешь права, я тебѣ равенъ." Государь Императоръ именуетъ себя первымъ дворяниномъ въ Россіи, спрашивается: можетъ ли онъ подать руку также дворянину повару или лакею? Была фабрика дворянскихъ документовъ въ Бердичевѣ, гдѣ продавались патенты по рублю серебромъ. Были коммиссіи для повѣрки дѣйствій депутатскихъ собраній, но не принесли никакой пользы. Я собралъ эти коммиссіи въ одну центральную, которая по разборѣ такъ называемаго дворянства исключила изъ этого благороднаго сословія 64-т. семействъ, не имѣвшихъ права оставаться въономъ; они приписались въ разныя податныя состоянія и сдѣлались на своемъ мѣстѣ полезными членами гражданскаго общества; когда Герольдія, утвердивъ уже многіе дворянскіе роды, окончитъ разсмотрѣніе дѣлъ дворянскихъ, то каждый изъ насъ Гг. будетъ увѣренъ, подавая руку подобному себѣ, что подаетъ руку такому же дворянину какъ онъ самъ.

Многіе въ этомъ краѣ возставали противъ законнаго правительства, желая ниспровергнуть религію и престолъ; они были преслѣдуемы по всей строгости законовъ и получили заслуженное наказаніе; нѣкоторые изъ нихъ уже прощены, другіе на жительствѣ въ среднихъ губерніяхъ, а два только главные преступника не прощены, но и тѣмъ участь облегчена — они уже не въ каторжной работѣ, а въ Сибири на поселеніи. — Я былъ строгъ, я долженъ былъ употребить всѣ мѣры для прекращенія и предупрежденія тѣхъ горестныхъ послѣдствій, которыя мы видѣли въ другихъ мѣстахъ.

Нашъ Великій Государь хочетъ, чтобы западныя губерніи были душею и тѣломъ возсоединены съ Россіею, потому и введено въ этомъ краѣ русское законодательство. Нѣкоторые хвалили статутъ Литовскій, а многіе-ли изъ васъ его читали? Нѣкоторые помѣщики мнѣ признавались, что они никогда его не читали, и никто не читалъ, и никто не знаетъ какое въ немъ законоположеніе, которое при нестройномъ смѣшеніи съ множествомъ противорѣчащихъ себѣ конституцій, устарѣло, неудобопримѣняемо къ настоящимъ гражданскимъ отношеніямъ и дѣламъ, замедляетъ ихъ только и умножаетъ до безконечности; да и отыскать его очень трудно — я досталъ въ оригиналѣ два экземпляра. И такъ введены русскіе законы въ одинъ день, въ одинъ часъ, и теперь не гораздо-ли меньше дѣлъ, не проще-ли, не быстрѣе-ли дѣлопроизводство?

Случилось въ 1850 году, что два помѣщика Родомышльскаго и Овручскаго уѣздовъ имѣли одного крестьянина Іосифа, который въ недѣлю работалъ одному помѣщику 3 дня и другому 3 дня; спрашиваю я васъ, что же ему оставалось? Было много злоупотребленій помѣщичьей власти — введены инвентаріи; много было недовольныхъ, сулили большія публичныя бѣдствія, сулили бунты, возмущенія, назначали день и часъ, когда начнется рѣзня, но Богъ милостивъ, зарѣзали ли кого нибудь изъ помѣщиковъ, или даже эконома? били ли кого? никогда; было-ли у насъ что-нибудь подобное тому, что въ Галиціи? Напротивъ, Милостивые Государи, инвентаріи, сдѣланные для блага помѣщиковъ, усилили ихъ власть, возвысили ихъ значеніе въ государствѣ, и опредѣливъ отношенія крестьянина къ владѣльцу, опредѣлили крестьянскія права и обязанности. Случались отступленія

отъ нѣкоторыхъ правилъ, но не со стороны самихъ помѣщиковъ, а только отъ ихъ управляющихъ и экономовъ, поссесоровъ, или же отъ тѣхъ старыхъ бабъ, которымъ не платятъ, а которыя сами платятъ своимъ любовникамъ, во зло употребляющимъ помѣщичью власть. Послѣ введенія инвентарій, спрашиваю я васъ, пала-ли цѣна на имѣнія? Я имѣю оффиціальныя свѣдѣнія, которыя доказываютъ противное. Въ прошедшіе выборы, я имѣлъ честь вамъ сказать, что на мѣста, зависящія отъ выборовъ Дворянства, нынѣ замѣщаемыя чиновниками, поступятъ дворяне по вашему усмотрѣнію, когда ознакомятся съ русскимъ языкомъ и законодательствомъ; нынѣ, благодаря Бога, многіе познакомились съ русскимъ языкомъ, но тѣмъ не менѣе я, въ настоящую минуту, поставленъ въ невозможность не назначать на эти мѣста чиновниковъ по опредѣленію отъ правительства; но это перемѣнится, и для этой цѣли я посылаю молодыхъ людей въ должность стряпчихъ, чтобы они, привыкнувъ, практически къ дѣло-производству, могли быть въ послѣдствіи времени полезны при дворянскихъ выборахъ, и тогда уже всѣ мѣста, согласно коренному закону, будутъ замѣщаемы дворянами, по выборамъ дворянства.

Нынѣ, по моей болѣзни и по милости нашего Великаго Государя, я для излеченія уволенъ въ отпускъ за границу на четыре мѣсяца; вмѣсто меня вступилъ въ управленіе тремя губерніями Князь Васильчиковъ; этотъ человѣкъ благороднѣйшихъ чувствъ, вы имъ будете довольны, коль исполнитъ всѣ тяжкія обязанности того тяжкаго бремени, которое я несу 14 лѣтъ.

Вашъ начальникъ губерніи исполняетъ свое при-

званіе отлично, онъ никому изъ васъ не сдѣлалъ зла, а многимъ сдѣлалъ добро, и вы не можете ему не отдать этой справедливости.

Популярности я не искалъ, любви я отъ васъ не имѣю, но вы меня уважаете — позднѣйшія поколѣнія вспомнятъ мою службу въ этомъ краѣ — ваши дѣти будутъ благодарны моимъ дѣтямъ — я въ томъ увѣренъ.

Теперь вы приступили къ выборамъ; надѣюсь, что давнія службы найдутъ у васъ преимущество, что вы постараетесь оцѣнить по достоинству тѣхъ, которыхъ отличаетъ Государь, и которые всегда защищали право Дворянства и облегчали мнѣ то бремя, которое я такъ долго двигалъ.

Простите, прощайте; если я умру не поминайте лихомъ!

Веймаръ, въ типографіи Г. Ушмана.

Веймаръ, въ типографіи Г. Ушмана.

